



ОРДЕН  
ЗНАК  
ПОЧЕТА

# СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2022





*О жизни Жюли Рекамье и ее влиянии на творчество художников  
своего времени читайте на стр. 71*

**Неизвестное об известном**

*Юрий Осипов* **За голубой звездой** ..... 4

**Из российской истории**

*Денис Логинов* **Историк государства  
Российского** ..... 21

**Рассказ**

*Иван Паревверзин* **Власть слова** ..... 28

**Эссе**

*Екатерина Маркова* **Чей Пушкин?** ..... 39

**Забывтое, но интересное**

*Мария Ольховская* **Феномен Чарской** ..... 42

**Немного о любви**

*Сергей Криворотов* **Три письма к любимой** ..... 52

**Российские усадьбы**

*Дмитрий Зелов* **Не кормите динозавров  
в Парголово** ..... 56

**Замечательные современники**

*Елена Воробьева* **Екатерина Васильева:  
«Я — натура увлекающаяся»** ..... 65

**Шедевры**

*Ирина Опимах* **Мадам Рекамье,  
ее судьба и ее портреты** ..... 71

**Поздравляем с юбилеем!**

*Ирина Леонтьева* **Пять минут: полет нормальный!** ..... 81

**Звезды не гаснут**

*Андрей Колобаев* **Великолепная Изольда** ..... 87

**Это интересно**

*Виктор Елисеев* **Первая полярница** ..... 106

*Алла Зубкова* **«Джерсийская лилия»** ..... 113

**Детектив**

*Анна и Сергей Литвиновы* **Смерть надевает маску** ..... 124

**Кроссворд. Эрудит****188**

**Главный редактор,  
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного  
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,  
tomasmena@mail.ru

**Арт-директор**

Веселова Надежда Александровна

**Директор  
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,  
sales-smena@yandex.ru

**Web-редактор**

Калиша Людмила Григорьевна,  
smena24@mail.ru

**Собственный  
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,  
smena-the-best@mail.ru

**Корректор**

Чекова Валентина Михайловна

**Обложка**

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

**Иллюстрации**

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:  
Общество с ограниченной  
ответственностью  
«Издательский дом  
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:  
127137, Москва,  
ул. Правды, д. 24, стр. 4  
+7 (495) 612-15-07

Для писем:  
127994, Москва, ГСП-4,  
Бумажный проезд, 14, стр. 1  
www.smena-online.ru

Распространение,  
кроме подписки,  
осуществляется через  
ООО «МДП "Маарт"»  
127018, г. Москва,  
Марьиной Рощи 3-й проезд,  
40, строение 1  
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права  
на подборку и оформление материалов.  
Фото, участвующие в оформлении, —  
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**  
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,  
стр. 6, офис 7

Тираж —  
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 17.02.2022

«*Есть писатели, которые, удаляясь во времени, приближаются к нам в пространстве. Таков Александр Грин. Судьба подарила ему яркое воображение и литературный талант, но, словно в отместку, наделив его при этом мрачной внешностью и невероятно тяжелой судьбой. Александр Сергеевич Гриневский вступил на порог своей необыкновенной Мечты, как вступают на порог чудом обретенного дома, и не расставался с ней до конца своей быстро сгоревшей жизни. Всенародное признание пришло к Грину, увы, уже после смерти, с лихвой искупив все пережитые горести...*

Юрий **Осипов** «Рыцарь мечты»

«*Убежденные «антипрививочники» существовали всегда и везде. С тех самых пор, как человеческий разум придумал вакцинацию — действенный и эффективный способ борьбы со страшными болезнями, подрывавшими не только жизнь и здоровье сотен тысяч людей, но и экономику целых стран. Российская империя тоже не избежала оспенных эпидемий. От оспы скончался совсем еще юный император Петр II, тяжело переболел Петр III — оспа обезобразила его лицо, а когда от нее на 24-м году жизни умерла графиня Анна Шереметова, Екатерина Великая приняла твердое решение сделать прививку от этой страшной заразы. Надо сказать, что общественное мнение тогда было настроено отнюдь не в пользу прививок. Их боялись и старались при любой возможности уклониться от них. Но Екатерина была непреклонна — она стала одной из первых монарших особ, кто бесстрашно решился на вакцинацию от тогдашнего жуткого бича человечества.*

Денис **Прокопчук** «Дворянство — за прививку!»

«*Светлая душа русской живописи — Константин Коровин. Его полотна, магия которых манит к себе поколение за поколением, еще при его жизни недурно продавались. Причем настолько, что «повелитель кисти и красок» смог приобрести усадьбу у известного купца и мецената Саввы Мамонтова во владимирской глуши, в стороне от проторенных дорог, на берегу красавицы Нерли. Усадьбу Охотино. Коровин сразу и навсегда влюбился в этот изумительный край...*

Дмитрий **Зелов** «История одной усадьбы»

«*Его называли «Аристотелем XIX века» и «вторым Колумбом». Гете считал его гением, Дарвин преклонялся перед ним. Имя этого человека увековечено на географической карте мира: в его честь названы горы, реки, озера, города, и даже на Луне есть кратер Гумбольдта. Основатель сравнительной климатологии и ботанической географии, он внес неоценимый вклад в десятки других научных дисциплин, а его последнюю книгу «Космос» по масштабности и силе воздействия на читателя сравнивали с «Божественной комедией» Данте.*

Алла **Зубкова** «Последний энциклопедист»

«*Детектив Наталии **Солдатовой** «Канкан пожилой дамы»*

Юрий Осипов

# ЗА ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДОЙ



Одна из последних крупных фигур Серебряного века Борис Зайцев, писатель и переводчик, не удостоился столь широкой известности, как некоторые его товарищи по эмиграции — Владислав Ходасевич, Иван Шмелев, Саша Черный, Михаил Осоргин, Нина Берберова, Марк Алданов, не говоря уже о Набокове и Бунине, Ремизове и Мережковском.

Между тем, творчество Зайцева, привычно подразделяемое на доэмигрантский и эмигрантский периоды,

глубоко своеобразно и неожиданно отзывается в нас сегодня искренним чувством, истинной, а не сиюминутной актуальностью, идет ли в данном случае речь о единении человека с природой («Голубая звезда», «Аграфена»), о поиске интеллигенцией своего места в потрясенном революцией мире («Дальний край») или о легендарных исторических личностях («Преподобный Сергей Радонежский»).

Светлый, негромкий, проникновенный. Наследник лучших тургенев-

ских традиций, он покинул обожаемые им Москву и Россию в 1922 году и через 50 лет умер в Париже. В среде эмиграции его нравственный авторитет был непререкаем, недаром долгие годы Зайцев возглавлял многочисленные русские общественные организации за рубежом. Его написанные в отрыве от Отечества проза, статьи, эссе, которые постоянно публиковались в различных эмигрантских изданиях, буквально дышат Россией, приобретающей на страницах зайцевских произведений особый сокровенный смысл.

Диалог, который продолжает вести с читателем этот кристально честный художник, всякий раз обращает нас к непреходящим духовным ценностям, к «самостоянию» человека. Отнюдь не идеализируя прошлое, писатель черпает в нем уроки для будущего, увязывая жизненный путь героев своих книг с судьбами родины.

Борис Константинович Зайцев родился в Орле в январе 1881 года в знатной дворянской семье. Отец служил директором Московского металлического завода Гужона и часто брал с собой на работу маленького Борю. Но большую часть безоблачной поры детства мальчик провел в родовом имении отца под Калугой. Там он общался со сверстниками и обширной родней, наблюдал природу. Спустя годы Зайцев напишет, что это было лучшее время его жизни.

Однако благополучие семьи соседствовало совсем с другой действительностью. Дворянство скудело, пустели и ветшали имения, крестьянские надельные участки зарастали бурьяном. Наступало промышленное производство. Калуга превращалась в захолустный город. Все эти контрасты отразились затем в произведениях писателя, повлияли на становление его творческой личности.

Первоначальное образование Борис получил под руководством гувернанток. Потом поступил в калужскую гимназию, из которой перешел в реальное училище. Писать начал с 17 лет, но учебу продолжил сначала на химическом отделении Московского технического училища, откуда в 1889 году был исключен за участие в студенческих беспорядках. Не окончил он и Горный институт в Петербурге, и юрфак Московского университета, где слушал лекции с 1902 по 1906 год. К тому времени его уже захватила литература.

Осенью 1900-го Борис познакомился в Ялте с Чеховым и год спустя послал ему и Короленко рукопись повести «Неинтересная история». Тогда же счастливый случай свел начинающего автора с Леонидом Андреевым, благодаря которому Зайцев попал в известный московский литературный кружок «Среда». Им руководил видный прозаик, поэт, совладелец торгового дома, учрежденного его отцом, и староста управы Московского купеческого общества Николай Телешов.

Тогда же в «Курьере» был напечатан зайцевский рассказ «В дороге», обративший на себя внимание самого Бунина, чьей многолетней дружбой Борис Константинович очень дорожил. В таком окружении талант молодого писателя быстро мужал, как, впрочем, и его носитель. Он упорно работает над словом, ищет свои темы и находит их. Зайцевские рассказы и повести начинают регулярно появляться в ведущих литературных журналах — «Новый путь», «Перевал», «Вопросы жизни». Печатается он и в культовом «Золотом руне», задуманном как московское продолжение петербургского журнала «Мир искусства».

В 1906 году Зайцев стал одним из основателей литературной группы «Зори», выпускавшей одноименный журнал. И в том же году петербургское издательство «Шиповник», весьма способствовавшее развитию литературы Серебряного века, опубликовало первый сборник рассказов писателя. Его художественным оформлением занимался один из корифеев «Мира искусства» М. Добужинский. Вторая и третья книги рассказов вышли там же в последующие годы и имели успех у читателей. Тогда проза Зайцева была ориентирована преимущественно на Чехова, а также — на знаменитую «Жизнь человека» Леонида Андреева и мистико-депрессивные вещи Федора Сологуба.

Наиболее значительным зайцевским произведением этого периода

считается повесть «Аграфена». «Иногда по ночам он ей снился — в сиенной дымке; утром она просыпалась счастливая и измученная... А потом опять шла на работу... и тайком высматривала, где бы можно было его видеть... Так было и в тот вечер апрельский, алый и нежный... Груша с бьющимся сердцем перебиралась через речку в рощу березовую... Он опирался на ружье — тоненький ствол чернел в деревьях — и ждал вальдшнепов... Он все улыбался, потом вдруг взял ее за руку. Она чуть отшатнулась, он прислонил ружье к березке, смутно обнял ее и глубоко поцеловал в губы».

Годы неслись быстро. Плодотворные, насыщенные событиями и впечатлениями.. Борис Константинович жил в Москве, часто бывал по литературным делам в Питере. В Первопрестольной состоял членом одного из первых клубов творческой интеллигенции — литературно-художественного кружка. Человек с неизбывным общественным темпераментом, он участвовал также в издании недолго просуществовавшего журнала «Зори» и одноименного литобъединения, а в 1907 году вступил в Общество любителей российской словесности.

Появилась материальная возможность ездить за границу, и в 1904 году писатель впервые совершил путешествие по Италии, которая с тех пор превратилась для него в некую Аркадию. Впечатления о ней выли-



лись в цикл очерков под общим названием «Италия». Книга вышла в грозном восемнадцатом году, а автор в самый разгар Гражданской войны переводил ритмизированной прозой первую часть «Божественной комедии» — «Ад».

Этот период творчества Бориса Зайцева завершился повестью «Голубая звезда», которая появилась все в том же 18-м и действие которой отнесено в недавнее прошлое. Панорама театральной и литературной Москвы, судьбы персонажей повести, ее

возглавлявшего Исторический музей. Пара обвенчалась в 1912 году и не расставалась до самой смерти Веры Николаевны.

Она оказалась подлинным ангелом-хранителем мужа и при этом вела уникальный дневник, который сегодня представляет большую ценность для исследователей русской культуры «первой» и «второй» волн эмиграции. Ведь за длинную жизнь четы Зайцевых они встречались с сотнями значительных людей — писателями, художниками, священ-

---

---

**Г**

**оды неслись быстро. Плодотворные, насыщенные событиями и впечатлениями. Борис Константинович жил в Москве, часто бывал по литературным делам в Питере, состоял членом одного из первых клубов творческой интеллигенции — литературно-художественного кружка, вступил в Общество любителей российской словесности. Появилась материальная возможность ездить за границу, и в 1904 году писатель впервые совершил путешествие по Италии, которая с тех пор превратилась для него в некую Аркадию**

---

атмосфера пропитаны предчувствием надвигающейся катастрофы, призванной опрокинуть в небытие тот непрочный, чарующий мир.

Италия, где в предшествующие годы Зайцев бывал неоднократно, теперь тоже, казалось, растворилась в туманной дали. Оставалось вспоминать, как он отправился туда с молодой женой Верой, дочерью замечательного нумизмата Алексея Орешникова, на протяжении десятилетий

никами, бывшими офицерами, учеными, артистами... Тем более что Борис Константинович принимал участие во всех знаковых мероприятиях русского Парижа.

В объемистом дневнике Веры Зайцевой, озаглавленном «Вера, жена Бориса» и подготовленном к печати с фундаментальными комментариями их родственницей Ольгой Ростовской, отражены важные исторические события с 1937-го по

1964-й год: и похищения на улицах столицы Франции русских генералов агентами НКВД, и немецкая оккупация, и разрыв отношений Зайцева с Буниным после демонстративного выхода нобелевского лауреата из зарубежного Союза русских писателей, и тяготы послевоенной жизни...

Дневниковые записи прервались, лишь когда Веру Алексеевну в 1957 году сразил тяжелый инсульт. Восемь лет Борис Константинович самоотверженно ухаживал за практически полностью парализованной женой. Восьмидесятилетним стариком, по совету врачей, пытался ставить ее на ноги и носить по квартире, чтобы избежать застоя в организме. Причем все время старался дать ей почувствовать себя востребованной. Вместе они принимали многочисленных визитеров, он продолжал советоваться с ней по поводу своих текстов и под умоляющим взглядом супруги, которая почти не могла говорить, продолжал вести дневник от ее имени. Выпущенный в свет Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве, этот дневник стал памятником не только русскому Парижу, но и их любви и верности друг другу.

Похоронив супругу, Борис Константинович приложил максимум усилий, дабы привести в порядок и опубликовать ее волнующую переписку с Верой Буниной (Муромцевой), подругой жизни великого пи-

сателя. Кроме того, этот эпистолярный свод лег в основу двух проникновенных произведений Б. Зайцева — «Повесть о Вере» и «Другая Вера». В них он постарался нарисовать портрет женщины, с которой прожил счастливые 53 года.

Добавлю, что дочь писателя — Наталья Зайцева-Соллогуб — в 2004 году напечатала с помощью все той же Ростовской в московском издательстве «Русский путь» интересную книгу воспоминаний «Напишите мне в альбом», иллюстрированную редкими фотографиями из семейного архива. В этой книге она рассказывает о пережитой семьей трагедии, когда в 1919 году был расстрелян как участник контрреволюционного заговора ее сводный брат Алексей, подававший большие надежды.

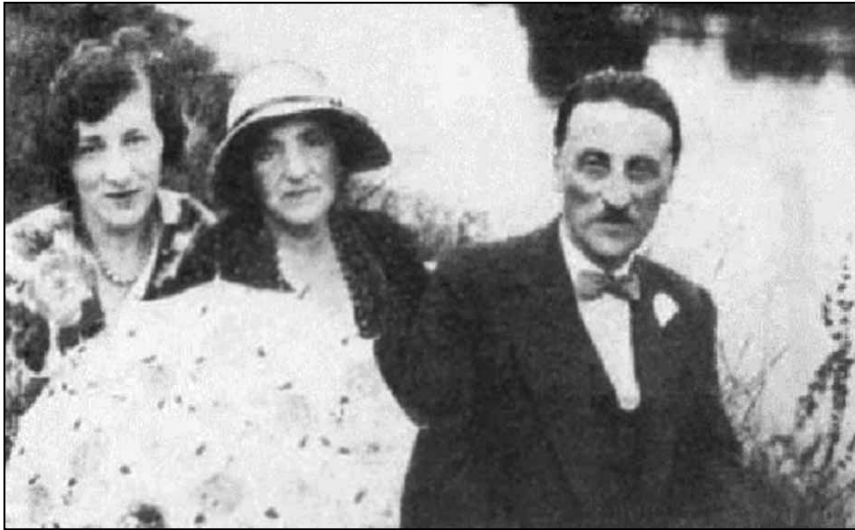
«Кто не ездил вечером в санях, за тридцать верст, тот не знает поэзии русской зимы». Так начинается роман Зайцева «Дальний край», вышедший в издательстве «Шиповник» в 1915 году. В этом произведении перед читателем предстает уже зрелый автор, переживший эпоху общественных потрясений и пришедший к обретению истинных ценностей — любви, добра, красоты. Роман носит исповедальный характер, поскольку в нем революционная эпоха не воссоздается художественными средствами, а показана через формирование личности рассказчика.



В критических отзывах того времени звучали подчас упреки, что повествование романа якобы удалено от современности, тяготеет к «религиозным настроениям» и в силу этого недостаточно освещает революционные события 1905–1907 годов. Однако таковы особенности авторского историзма, основанного на субъективном отображении действительности, на постижении того, как в индивидуальных исканиях персонажей выразилось умонастроение отечественной интеллигенции на рубеже веков, в преддвее-

рии надвигающихся потрясений. Но и сами эти потрясения произвольно врываются в роман впечатляющими картинами.

«Днем в городе уже началась стрельба. К вечеру появились баррикады и на Арбате. В них пряталось по несколько человек в папах, и когда подходили солдаты или на рысях подлетали казаки, папахи открывали огонь. Потом шмыгали в ворота, проходные дворы, переулки. Их было мало, и пока дело носило скорее характер опасной и азартной игры».



*Зайцев Борис  
Константинович  
с женой и дочерью*

Зайцев шел к неизбежному историческому перевороту Октября 17-го своим путем. Первая мировая война вызвала в нем, как и у многих представителей критически настроенной творческой интеллигенции, взрыв патриотизма. Он поддерживал идею войны до победного конца, писал в брошюре «Беседа о войне» об агрессивности Германии. И не пожелал оставаться в стороне от того, что проповедовал. В декабре 16-го поступил в Александровское военное училище и в марте 17-го был произведен в офицеры. Однако попасть на фронт ему не удалось — заболел воспалением легких и уехал на поправку в имение Притыкино под Тулой, где и раньше любил проводить летние месяцы, периодически наезжая в столицы.

Там он благополучно пережил «окаянные дни» Октябрьской революции и даже стал сотрудничать с «Книгоиздательством писателей в Москве». В 1921 году его избрали председателем Всероссийского сою-

за писателей. Расставаться с Россией Борис Константинович, подобно ряду своих талантливых собратьев по перу, включая Блока, Белого, Ахматову и Гумилева, не желал. Вынудили печальные события личной жизни.

В феврале 17-го убили любимого племянника писателя Юрия Буйневича, памяти которого Зайцев посвятил эссе-эпитафию под названием «Призраки». Спустя два года арестовали его пасынка Алексея Смирнова и расстреляли как участника антибольшевистского заговора (что так и осталось недоказанным). Сам Борис Константинович подвергся аресту в 1921 году, когда состоял членом Комитета помощи голодающим. На Лубянке его продержали несколько дней. А 22-м писатель подхватил тиф. Болезнь протекала тяжело, и чтобы поскорее оправиться от ее последствий, Зайцев решил уехать за границу. Ему удалось получить выездную визу, и в июне он с семьей отправился в Берлин. Начиналась новая, эмигрантская жизнь.

«...И годы наши шли легко. Маркуша изучал свои науки, я разучивала Шумана и Глинку, отец нам помогал, А мы, в молодости, в поглощенности самими нами, мало в жизнь чужую всматривались, в жизнь страны и мира, легкою нарядной пеной которого мы были. В сущности чего таить: мы выезжали на Марфушах, разных верноподданных старухах, на швейцарах, на официантах в ресторанах, на рабочих на заводе, где отец всем правил — наша жизнь и не могла иною быть, чем легкой и изящной».

Роман «Золотой узор», посвященный жизни в дореволюционной России, вышел в 1926 году. К тому времени писатель уже прочно осел на чужбине, хотя поначалу не собирался там надолго задерживаться. Но эмиграция затянула. Через год после приезда он был избран председателем Союза русских писателей и журналистов Берлина. Берлинское издательство Гржебина в первый же год пребывания Зайцева в немецкой столице опубликовало шесть томов собрания его сочинений из семи. Задержался только четвертый том. В нем автор и напечатал новый роман «Золотой узор».

Образная ткань его явственно перекликается с произведениями Тургенева. Некоторые исследователи находят в прозе Зайцева даже лермонтовское начало, имея в виду откровенный лиризм этой замкнутой на самой себе прозы. В ней есть то,

чему невозможно научиться, — порыв, трепетность, вдохновенность. «Золотым узором» тянется в романе беспорядочная и бессмысленная, по сути, жизнь героини, которая то бросает мужа, то вновь возвращается к нему, скитается по Парижу и Италии, почти забывая о существовании где-то там в России сына, и едва не сходит с ума, когда узнает о его гибели в разгар революционных событий...

Послесловием романа выступает письмо мужа к Наталье Николаевне, заключающее в себе мораль произведения — по Зайцеву, «светлую и благостную», но в нашем восприятии — отрешенную и страшно грустную. Ведь отвернуться от мира куда как печальнее, нежели просто возненавидеть или проклясть его.

Сам писатель от мира не отворачивался даже в самые тяжкие минуты жизни. Осенью 23-го перевез семью в Италию, а уже в декабре переселился в Париж и навсегда остался там. Позже он скажет, что Париж — «город трудный, но изящный, бесконечно языческий». Здесь он одно время сотрудничал с газетой «Последние новости», а затем стал редактором литературного отдела журнала «Перезвоны» и вошел в редколлегия еженедельника «Иллюстрированная Россия». Прочные связи установились у Зайцева также с берлинскими изданиями «Возрождение» и «Дни», в которых была напечатана первая часть его обшир-

ных дневников под многозначительным названием «Странник», чьей основной темой явились размышления о жизни автора в Париже. В тех же изданиях печатались зайцевские заметки, озаглавленные, по Достоевскому, «Дневник писателя».

Именно в эти первые смутные 20-е годы эмиграции Зайцев получил заказ от Христианского союза молодежи написать повесть о Сергии Радонежском. С ней в жизнь и творчество писателя прочно вошла тема веры и православия, которая была ему близка и ранее. Фактически автор открыл своей повестью Западу житие «игумена всея Руси», как привычно называли того, кто благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, предрек в ней Московскому князю победу и в залог этого послал с ним двух своих иноков-воинов — легендарных Ослябю и Пересвета, того, что сразил в поединке главного татарского богатыря Челубея и сам пал мертвым.

Читая жизнеописание Сергия Радонежского, отмечаешь одну выделенную автором повести особенность первого настоятеля Троице-Сергиевой лавры. Особенность эта заключается в исключительной скромности и подвижничестве самого почитаемого на Руси святого. Его писатель сопоставляет с главным католическим святым — Франциском Ассизским. Сергей, утверждает Зайцев, является столь же неотъемлемой частью России, как Жуковский и

Тургенев, которым он посвятил литературные биографии.

Повесть о Сергии Радонежском привела Бориса Константиновича на Афон, после чего он выпустил о православном монастыре на Святой горе, его насельниках и его проблемах серию впечатляющих очерков. По мнению настоятеля Русского монастыря великомученика Пантелеймона, Борис Зайцев был одним из немногих российских эмигрантов, кто оказался небезразличен к судьбе древней монастырской обители. Недаром ему вручили почетную грамоту Протата (соборного органа управления двадцати монастырей Святой горы) за то, что он «защищал поруганный Афон».

Немецкую оккупацию Франции в 1940 году стареющий писатель встретил в Париже. До этого он продолжал много путешествовать, бывал в Финляндии и гостил в Спасо-Преображенском монастыре на Валааме, работал в монастырской библиотеке. Итогом поездки стала серия очерков «Финский край» на страницах «Иллюстрированной России», предвосхитившая вхождение Карелии в состав СССР в результате советско-финской войны.

Ни малейшего контакта с оккупантами Борис Константинович не допускал. Мало того, он, терпя нужду, прекратил, тем не менее, всякое сотрудничество с теми немногочисленными русскими изданиями, кото-

рые функционировали в поверженной гитлеровцами Европе. Знакомые вспоминали, что он не тешил себя иллюзиями о возможном освобождении России от большевизма с помощью германской армии и отмалчивался насчет исхода войны.

Автобиографический очерк «О себе» и историческая повесть «Царь Давид» явились фактически единственными произведениями, написанными им в военные годы. Библейский образ второго царя Изра-

рол Голиафа или только сочинил про то песню? Почему властитель, приблизивший Давида, позднее возжелал его смерти? И не был ли царский венец бывшего пастуха получен ценой предательства?

В 1945 году Зайцев начал активно сотрудничать с американским «Новым журналом». Два года спустя его вещи стали регулярно появляться в парижской газете «Русская мысль». С 53-го года Зайцев — постоянный автор нью-йоркского жур-

---

---

**Ч**

**еловек строгий, сдержанный, он всю жизнь неустанно трудился и при этом до старости оставался молод душой, сохраняя способность удивляться красоте мироздания, черпать в ней вдохновение и утешение, подобно герою своего замечательного рассказа «Голубая звезда», мягкого, бескорыстного и честного интеллигента, который воспринимает жизнь как величайшую ценность**

---

иля давно привлекал писателя. В его поразительной судьбе он искал ответы на вопросы об истинном избранничестве и моральном праве на власть, представлявшие ему весьма актуальными в пору бесчеловечной вакханалии Гитлера и его приспешников. Где кончается миф и начинается реальность — об этом размышляет автор повести, приводя историю Вирсавии и царя Давида, которая легла в основу шедевров мирового изобразительного искусства. Действительно ли Давид побо-

нала «Опыты», а затем мюнхенского альманаха «Мосты». На пороге 80-летия он вернул свою литературную форму и свое место в текущем литературном процессе. Его вновь избрали председателем Союза русских писателей во Франции, и эти хлопотные обязанности он будет ревностно исполнять до конца дней.

Важное значение для Бориса Константиновича имела его длительная переписка с Пастернаком, начатая в 1959 году. Она давала ему



ощущение связи с родиной. Точно так же, как воспоминания о Каменеве и Луначарском, появившиеся на страницах «Нового журнала», и вышедшая в вашингтонском издательстве мемуарная книга «Далекое». В них он возвращался в Россию, которую покинул в начале 20-х, оглядываясь на пройденный с тех пор страной путь с высоты прожитых лет. Но и за жизнью послевоенного СССР Зайцев следил с неослабным вниманием, в душе радуясь культурному и экономическому возрождению отчизны, хоть и оставался непримиримым противником советской власти.

К юбилею Бориса Зайцева мюнхенское издательство выпустило сборник избранных рассказов писа-

теля «Тихие зори». В те, последние годы жизни он писал уже мало. Достойным завершением зайцевского творчества явился лиричный рассказ «Река времен». Он был опубликован в 1965 году в «Новом журнале». И так же называется последний прижизненный сборник рассказов Зайцева, увидевший свет спустя три года в Нью-Йорке.

«Цвели персики и миндаль, по голубому римскому небу неслись пухловатые, белые облачка, когда в портике своего сада, в тонком узоре теней от молодых померанцевых деревьев увидел Алексей Евлалию. Была довольно высока, широкоплеча, ночной черноты волосы, синие глаза, держалась строго и покойно. Алексей рассматривал крепкий очерк лица с завитками волос, глубокую впадину между ключицами, несколько полные и тяжеловатые ноги.

Он ничего не нашел сказать ей. Видел только, что на него поднялись два синих глаза с оранжевым ободком на зрачке и посмотрели внимательно. Сладкой прохладой на него пахнуло. И сердце слегка поплыло».

Медленно и трудно открывался творчеству писателя путь на родину. В 1967 году в Ленинграде переиздали повесть У.Бекфорда «Ватек» в переводе Бориса Зайцева. Через два года издательство «Наука» предложило ему написать вос-



поминания о Бунине для готовившейся серии «Литературное наследство». Был уже заключен авторский договор, однако эту публикацию начальство запретило. Три десятка книг Зайцева, изданных на русском языке в эмиграции, и сотни различных текстов в зарубежных периодических изданиях начали возвращаться в Россию лишь на исходе «перестройки».

Этой радости Борису Константиновичу испытать не довелось. Он скончался в январе 72-го на 91-м году жизни и нашел упокоение рядом с женой на русском кладбище Парижа Сент-Женевьев-де-Буа.

Обозревая свой большой творческий путь, писатель отмечал в автобиографии: «...начал с повестей натуралистических... затем выступает элемент лирический и романтический. За последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму. Из литературных симпатий юности (и до сих пор) самая глубокая и благоговейная — Антон Чехов... В складе мировоззрения наибольшую роль сыграл Владимир Соловьев». Добавим, что от философа-мистика и поэта-символиста Вл. Соловьева пошли в творчестве Зайцева те модернизированные религиозные идеи, которыми будут озарены по-чеховски реалистичные картины окружающего мира в дореволюционных и затем в эмигрантских произведениях писателя.

Человек строгий и сдержанный, он всю жизнь неустанно трудился, за письменным столом и на общественном поприще, и при этом до старости оставался молод душой, сохраняя способность удивляться неизбывной красоте мироздания, черпать в ней вдохновение и утешение, подобно герою своего замечательного рассказа «Голубая звезда», мягкого, бескорыстного и честного интеллигента, который воспринимает жизнь как величайшую ценность, влюблен в природу и даже к звездам относится так, словно они его личные знакомые.

«Он прошел так некоторое время и присел у межевой ямы... Несколько мышек высунулись из нор, проделанных под комками пахоты, повертели мордочками и сверкнули домой. Тихо, медленно летела над болотом цапля. Поля, лесочки и деревни, две белых колокольни, вновь поля, то бледно-зеленеющие, то лиловые. Весенняя пелена слабых, чуть смутных испарений...

Христофоров лег на землю... Голубая бездна была над ним, с каждой минутой синее и отчетливее показывая звезды. Закат гас. Вот разглядел уже он свою небесную Водительницу, стоявшую невысоко, чуть сиявшую золотисто-голубым светом. Понемногу все небо наполнилось ее эфирной голубизной, сходящей и на землю... Это была голубая Дева... Была близка и бесконечна, видима и неуловима».

---

---

# Борис Зайцев

## МИФ

---

---

В третьем часу дня Миша отворяет калитку молодого сада и входит. Прямо, справа, слева правильными рядами яблони. В золотистом воздухе они поникли ветвями и несут свой прозрачный, теплеющий груз, как молодые матери. Миша идет мимо них. На него веет глубокий воздух; в нем как бы светлое цветение, безмолвные, полуденные струи; точно все наполнено тихим дрожанием. Мишин пиджачок нагрелся на спине особенным, живоносным теплом.

Вот он у шалаша. Перед дверью сидит старый сторож Клим; он в валенках и смотрит куда-то бледно-синими глазами. В них отражается небо. И весь он, в белых портах, с высохшими руками, напоминает пустынножителя. Ветхими, усталыми ногами он встает и кланяется.

Миша идет впереди, Клим слабо ступает сзади и все время бормочет про себя что-то; восьмидесятилетние его мозги еле движутся на припеке и шевелят привычными мыслями: в прежние годы яблок было больше, много уродилось налива... Миша прислонился к стволу яблони. Над ним ходят в легком ветерке ее листики, будто осеняя своей лаской. Он прикладывает ухо к веточкам и целует лист. Прямо перед глазами прозрачно наливают яблоко; вот оно с краев просветлело, точно живительная сила размягчила его; и кажется, что скоро в этих любовных лучах сверху весь этот драгоценный плод истаёт, обратится в светлую стихию и уплывет — радостно, кверху, как солнечный призрак. Миша смотрит на него с восторгом. Другие яблоки густо тучнеют по дереву, через забор видна деревушка и вдали ржанице.

«Боже мой, — думает Миша, — хорошо лежать в чистом поле, при паутинках, в волнах ветра. Как он там тает, как чудесно растопить душу в свете и плакать, молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особые, таинственные русские ангелы».

В это время сзади, между деревьев, медленно движется Клим в белой рубахе. Сделав несколько шагов, он останавливается, переводит дух и тоже глядит на яблоки. Потом, добредя до шалаша, садится и длинно кряхтит. Миша возвращается, около огородов греются желтые дыни; они теплеют, стру-

ят сладкий запах, и над ними колыхнется ласковый зной. Калитка, щеколда — и тихий рай остался сзади — млеть и лучисто жить, вынашивая плоды. Отсюда видны только на низеньких деревцах сонно-желтеющие купы яблок, от которых гнутся книзу ветки; а Клим, взяв палку, опять встал и зачем-то смотрит высоко в небо, будто видит что-то или рассматривает солнце.

В поле перед Мишей лежат жнивья — в тишине, как золотистые покровы. Светящейся сеткой протянулись тоненькие паутинки, и в воздушном просторе, по полям, у перелесков разбросаны деревни. Над головой облачка; повсюду вдаль беззвучные возы с овсяными снопами; они ползут едва заметно, как далекие жуки, а под ногой слабо ломаются слюдяно-золотые колосики. Доходя до нетронутых крестцов, Миша ложится и слушает, как молчит горизонт в солнечном дыму.

На дороге фигура женщины; сразу он узнает ее — это жена, рыжеватосияющая Лисичка. Издали он улыбается ее плавному телу на длинных ногах; она мягко ступает ими, потом весело подхватывает юбку и, как милый страус, летя доносится к нему; вот она здесь — вихрь тканей, ласковое, загорелое лицо и теплое, прозрачно-персиковое тело. Миша глядит на знакомую плывучую фигуру. «Какая большая и какая легкая!»

А она обнимает его и целует в лоб, блистая, со славным, солнечно полевым и радостным запахом. Ему кажется, будто пахнули горячей воздушной волной.

— Нынче никого нет, все уехали! Мы одни, без хозяев, как птицы! Миша, Миша, понимаешь? — И она вьется, вьется вокруг, как золотистое облако.

Миша берет ее за талию; и, правда, ему кажется, что она может сейчас опять побежать, поплыть по воздуху...

— Мой дорогой, — не торопитесь улетать!

Она тоже обнимает его, и они идут. Нет хозяев, людские пусты, только липы, напоенные летом и золотом, в молчании слушают что-то; далеко на горизонте ползут возы с поблескивающими снопами, сторож Клим все сидит и о чем-то думает в своем парадизе.

Миша с Лисичкой минуют старый пруд, в нем тепло зеленеет вода, и, кажется, если уйти под поверхность, сразу опустишься в полусказочную тину.

За садом на скамеечке они садятся. Золотой приятель — солнце — смотрит прямо на них; он теперь ниже, и его лучи любовней. Лисичка снимает шляпу, и в рыжеватых ее волосах сразу зажигается сияние; оно охватывает голову волнистым кольцом и мягко обтекает по контурам тела, точно лаская его.

— Я устала! Я засну.

В глазах ее бегают те же чудесные световые зайки, Миша кладет ее голову себе на колени, а она вытягивается во всю длину на скамье. Он щекочет ей лоб травинкой, и она смолкает.

Лисичка спокойно и невинно спит. Острое личико ее тонет в свете, только на глаза Миша навел тень коленкой. И в этих ласково-воздушных поцелуях он видит все маленькие и жалкие пушинки на ее лице, что отливают теперь теплым золотом. Под ними ходит и играет кровью нежно-розовая кожица, как живо-дышащее существо; и мельчайшие родинки, поры, жилки пронизаны какой-то особенной жизнью. Миша с любовью глядит на больше тело Лисички, и она кажется ему обаятельной, светло-солнечной рыбой, каких нет на самом деле; в ней должна быть сияющая влага и кораллово-розовая кровь, тоньше и легче настоящей.

Он снимет фуражку. Потоки света заливают его. Голова делается теплей, и все вокруг начинает течь в медленном движении. Миша улыбается. Оперев голову на руку, он неподвижно смотрит на тонкие паутинки, что одели сеткой скат и бегут к нему своими переливами. Это похоже на золотистый призрачный ковер, тянущийся откуда-то издалека, чуть не с неба.

«Хорошо идти по нему, неслышными шагами взбираться выше, к тем облакам, плавным купам в небе».

И ему кажется, что воздушные сверкающие бабочки вьются по этому пути, ласкаясь крыльями.

Время идет.

Лисичка блаженно бормочет во сне и вдруг — тонкая, заспанная и прозрачная — вскакивает и глядит. Потом хватает его за руку, и, смеясь, как вольные дети, сбегает они вниз по скату к речке и, не останавливаясь, дальше, в березовую рощу. Мише кажется, будто облачко, светло-радостное, охватило его и влечет вперед.

— Я заспалась, — кричит Лисичка, — я ничего не понимаю! Как пьяная! Миша, смотри, свет, свет, я пьяна светом!

И она дышит лицом к солнцу, и Миша видит, что она, правда, слегка обезумела, но он рад, он сам задыхается в странном, дивном блеске. Вот он падает под белую березу, как под нежно-зеленое успокоение. А Лисичка кружит вокруг, будто в легком танце. Она проходит раз, другой хоро-водными кругами, на тоненьких своих ножках, которые несут ее в небы-стром, туманном вихре.

— Ну, будет, пойдем, нынче я счастлива, я хочу поцеловать солнце... Нырнуть вон туда, в пруд!

И они идут рощей в горку. Сквозь тихие березовые стволы видно озеро бледно-зеленой майолики. Потом белые березы чаще, чаще. Только они одни вокруг, и спокойная, глубокая ясность как-то просветляет мозг.

— Когда я думаю о христианах, — говорит Миша, — мне всегда представляется вот такой успокоенно-белеющий хор, и смотри, не может быть, чтобы эти нежные деревца не были невестами и не исполняли сейчас своей песни... Послушай, поют...

Лисичка слушает, кивает, и теперь он видит, что и ее осенила эта тишина, и она уже не кажется ему стихийной танцовщицей.

— Конечно, правда, милый, — кладет она ему на плечо голову, как приветливый жеребенок, — правда, даже я как-то благочестивей сейчас... Ну, не смейся... я не знаю как сказать... все равно, я глупая... — Она вспыхивает тем же пенно-розовым румянцем и в смущении мнет ромашку.

— Нет, дорогая, — целует ее в лоб Миша, — ты не глупая, и ты права. Здесь в самом деле целомудренное место. И мы с тобой уже не дети. Вот мы сейчас выйдем на опушку, оттуда будет видна наша страна, священная, гигантская наша страна. Чувствуешь ли ты ее?

Действительно, они выходят к краю рощи. Здесь довольно высокое взгорье, канава, и к ней тесным строем подходят березы.

За березами клонится книзу солнце. Миша с Лисичкой садятся на опушке у края канавки.

— Теперь, должно быть, уже шесть. Как светло в небе!

— Вон голуби вьются тучей над поповскими ометами! Гляди, Миша, как они сверкают... как-то переливаются в воздухе! Милые птицы!

Пока Лисичка радостно захлебывается, солнце наводит свой свет на церковь в лощине, внизу, и окно горит ослепительным зеркалом.

— Как будто какие-то волны в небе... прямо зеленоватый хрусталь. Необычайный вечер!

Они молчат — в строгости и благоговении, точно перед царскими воротами. Далеко по склонам и перелогам видны поля в радужной дымке; окно церкви сияет, как в алмазном венце; смиренные деревушки, распростершись под небом, льют кверху влажные и благовонные столбы-гимны.

— Правда, Лиса, все это ужасно глубоко? Точно тысячи блистающих кадильниц кадят. Иногда со мной бывает, как сейчас вот, что я ясно чувствую, как все мы, живя, мысля, работая, как тот мужичонка... вон пашет под озимое, что все мы вместе плывем, знаешь, как солнечная система. Куда? Бог знает, но к какой-то более сложной и просветленной жизни. Все мы переход, и мужики, и работники, и человечество теперешнее... И то, будущее, мне представляется вроде голубино-го сиянья, облачка вечернего. Ведь люди непременно станут светонеснее, легче... усложненней... и мало будут похожи на теперешних людей. И теперь это есть в них, но мало, искорками.

— Миша, — робко говорит Лисичка, — ты рассказываешь, будто про ангельскую жизнь...

— Во-первых, ангелу вовсе не так трудно пролететь вон по той лазури. Во-вторых, людям незачем становиться бесплотными духами, — наоборот, они будут одеты роскошным, плавучим и нежным телом... такое тело, Лисичка, и портиться-то не может. Оно будет как-то мягко кипеть, пениться и вместо смерти таять, а может, и таять не будет, и умирать не будет.

Они молчат. Лисичка с любовью смотрит на Мишу, на голубей и солнце, и все ее золотисто-рыжеватое существо вдруг поникает в особенной нежности, точно поддается музыке...

Вечером они возвращаются в пустую усадьбу. Лисичка утомлена, но легко опирается на Мишин локоть.

— Нынешний день я никогда не забуду: никогда раньше я не видала такого света, как сегодня! Бывают солнечные дни, а вот этот... золотой! Милый, золотой день! Милый день!

И ночью она рано, по-детски, засыпает. Миша же долго читает, долго ходит, и смутные мысли владеют его мозгом. Перед рассветом он ложится. Но сон нейдет, только возрастает тишина и звонкость утра. Наконец в светлом волнении он приоткрывает глаза и сквозь окна видит фон бледного золота, на котором чернеют ракирки. Роса затуманила траву, и к шалашу плетется Клим, как старый, белый утренний петел.

Больше нельзя выдержать. Он одевается, приоткрывает дверь, чтобы не разбудить Лисичку, и садится на велосипед. Странно. Ноги сами бегут, шины чуть-чуть шуршат и задумчиво несут куда-то. Как легко и как быстро! Он вольно дышит и выносятся в поле, опять в жнивья. Вот он и простор, и мир. Золотой бог высоко стоит на небе, а Миша скользит по земле неслышной птицей.

— О, дорогой, — бормочет он и гонит все сильней. — О, дорогой! — И ему кажется, что никогда раньше он не видал его в такой славе. Точно плывучие, блаженные струи текут из него и тянут вперед, к себе. Миша пьянеет. Дорога идет под гору, вдали деревни припали к земле, как святые голубицы, озеро тумана разлеглось по лугам, где вчера была соседская усадьба, и дымно-золотистый воздух кружит голову, спицы слились в сверкающий круг, дышать все легче, и огненный диск растет, разливается, заполняет небо, влечет к себе. Миша теряет голову и мчится.

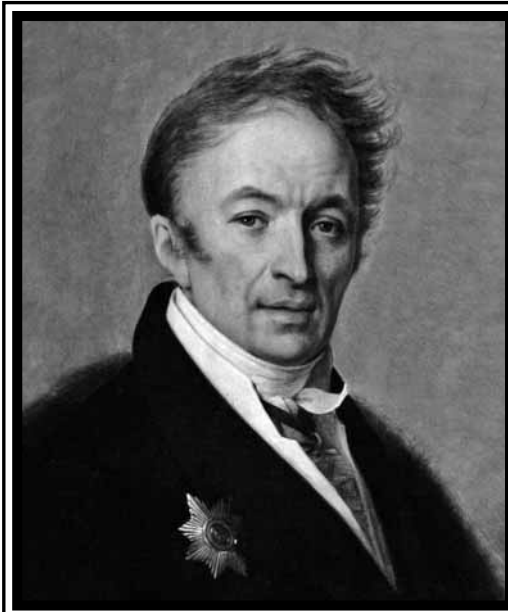
Через час он медленно въезжает во двор, как после большого служения, с летящим и светлым сердцем; этот отрывок времени он пробыл будто во сне, носясь по полям в солнечном безумии, и теперь ему кажется, что, если б он вошел в темную комнату, она осветилась бы.

Он проводит шиной по росе темную ленту и всплывает во флигель. На пороге еще раз оглядывается назад, потом входит. В его комнате мирно спит Лисичка; она как бы в облаке сна и ласки; под одеялом чувствуется тихо пышущее тело, в розоватом дыму. Две боковые косицы слабо поблескивают, и во всю длину темени, между ними идет белый жалобный пробор. Миша улыбается.

— Пеннорожденная!

Тоненькую ногу, высунувшуюся слегка, ласкают лучи из окна. На ней слабые жилки, и вся она приветливая и прозрачная. Миша наклоняется и с благоговением целует этого маленького ребенка. □

# ИСТОРИК государства Российского



Николай Михайлович Карамзин, российский историк, крупнейший русский литератор эпохи сентиментализма, прозванный «русским Стерном», вошел в историю как реформатор русского литературного языка.

Родился он 1 декабря 1766 года в родовом селе Карамзинке близ Симбирска (по другой версии — в деревне

Каразихе (Михайловке) Оренбургской губернии). Детство его прошло в усадьбе отца — отставного капитана Михаила Егоровича Карамзина, среднепоместного симбирского дворянина из рода Карамзиных, и матери — Екатерины Петровны Пазухиной.

Первоначальное образование юноша получил в частном пансионе

в Симбирске. В 1778 году он был отправлен в Москву, в пансион профессора Московского университета И.М. Шадена. Одновременно посещал лекции И.Г. Шварца в Московском университете.

В 1781–1784 годах Карамзин служил в лейб-гвардии Преображенском полку, из которого вышел в отставку в чине поручика и больше никогда не служил, предпочтя жизнь светского человека и литератора. После отставки некоторое время жил в Симбирске, а потом в Москве. В Симбирске вступил в масонскую ложу «Золотого венца», а после приезда в Москву в течение четырех лет (1785–1789) был членом «Дружеского ученого общества».

В Москве Карамзин познакомился с писателями и литераторами: Н.И. Новиковым, А.М. Кутузовым, А.А. Петровым, участвовал в издании первого русского журнала для детей — «Детское чтение для сердца и разума».

В 1789–1790 годах, путешествуя по Европе, посетил Иммануила Канта в Кенигсберге, восхитился Берлином, а во время Великой французской революции побывал в Париже. Под впечатлениями от этой поездки были написаны знаменитые «Письма русского путешественника», публикация которых сразу же сделала Карамзина известным литератором. (Некоторые филологи считают, что именно с этой книги ведет свой отсчет современная русская литература.) Именно с тех пор

Карамзин и считается одним из главных литературных деятелей России.

По возвращении из поездки в Европу Николай Михайлович поселился в Москве и начал профессионально заниматься писательской и журналистской деятельностью, приступив к изданию «Московского журнала» (первый русский литературный журнал, в котором среди других произведений Карамзина появилась упрочившая его славу повесть «Бедная Лиза»). Затем выпустил ряд сборников и альманахов: «Аглая», «Аониды» (этот сборник стал первой русской поэтической анталогией, куда он, будучи его создателем, поместил не только свои стихи, но и стихи современников — Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, М.М. Хераскова и многих молодых поэтов), «Пантеон иностранной словесности», «Мои безделки», сделавшие сентиментализм основным литературным течением в России, а Карамзина — его признанным лидером.

Доминантой «человеческой природы» сентиментализм объявил чувство, а не разум, что отличало его от классицизма, и идеалом человеческой деятельности полагал не «разумное» переустройство мира, а высвобождение и совершенствование «естественных» чувств. Его герой более индивидуализирован, его внутренний мир обогащается способностью сопереживать, чутко откликаться на происходящее вокруг.

Публикация этих произведений имела большой успех у читателей



того времени, «Бедная Лиза» вызвала множество подражаний. Сентиментализм Карамзина оказал большое влияние на развитие русской литературы, от него отталкивался, в том числе, романтизм Жуковского, творчество Пушкина.

Ему было тридцать четыре года — как тогда считалось, возраст угасания.

Сам он писал об этом так:  
*Время нравиться прошло,  
А пленяться, не пленяя,  
И пылать, не воспаляя,  
Есть дурное ремесло.*

свободой творчества, забыть о литературных трудах и стать профессиональным историком.

Император Александр I именным указом от 31 октября 1803 года даровал Карамзину звание историографа, к нему было добавлено 2 тысячи рублей ежегодного жалования. Кстати, титул историографа в России после смерти Карамзина не возобновлялся. Так Николай Михайлович «постригся в историки», отказавшись от предлагавшихся ему государственных постов, в частности, от должности тверского губернатора.

---

---

**К**арамзин не долго оставался вдовцом и вскоре женился вторично на Екатерине Колывановой — внебрачной дочери князя Вяземского. В этом браке родилось девять детей. Нужны были деньги — и не малые. Пришлось проститься со свободой творчества, забыть о литературных трудах и стать профессиональным историком. В феврале 1818 года он выпустил в продажу первые восемь томов «Истории государства Российского», трехтысячный тираж которых разошелся в течение месяца

---

Морщин еще не было, но на лице, удлиненом, белом, появился некоторый холод, и к друзьям после путешествия в Европу он стал относиться намного холоднее. К тому же в то время умерла его жена.

Карамзин недолго оставался вдовцом и вскоре женился вторично на красивой и умной Екатерине Колывановой — внебрачной дочери князя Вяземского. В этом браке родилось девять детей. Нужны были деньги — и немалые. Пришлось проститься со

В качестве своеобразной компенсации он был избран почетным членом Московского университета (1806 г.) и пожалован орденом равноапостольного князя Владимира III степени.

В 1811 году Карамзин написал «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой отражались взгляды консервативных слоев общества, недовольных либеральными реформами императора. Своей

задачей Николай Михайлович ставил доказательство того, что никаких преобразований проводить в стране не нужно. Эта «Записка» сыграла также роль набросков к его последующему огромному труду по русской истории.

В феврале 1818 года Карамзин выпустил в продажу первые восемь томов «Истории государства Российского», трехтысячный тираж которых разошелся в течение месяца. В последующие годы вышли еще три тома «Истории», появился

сковского книгоиздателя Селивановского.

«Влияние последнего <Карамзина> на литературу можно сравнить с влиянием Екатерины на общество: он сделал литературу гуманною», — писал А. И. Герцен.

«Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять. Карамзин первый показал,

---

---

**Г**лавным детищем Карамзина, безусловно, является «История государства Российского», которой он занимался до конца своей жизни, практически прекратив деятельность журналиста и писателя. Это было не первое описание истории России, до Карамзина об этом писали В.Н.Татищев и М.М.Щербатов, однако именно он открыл историю России для широкой образованной публики

---

ряд ее переводов на европейские языки.

Освещение русского исторического процесса сблизило Карамзина с двором и царем, поселившим его подле себя в Царском Селе.

Политические воззрения Карамзина эволюционировали постепенно, и к концу жизни он стал убежденным сторонником абсолютной монархии. Незаконченный 12-й том «Истории» был издан уже после смерти автора.

Собрание сочинений Н.М. Карамзина в 11 томах в 1803–1815 годах было напечатано в типографии мо-

что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именнейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уже он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и

не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право», — так отзывался о нем Николай Васильевич Гоголь.

Карамзин был не только историком и литератором, а еще и поэтом. Его поэзия, развивавшаяся в русле европейского сентиментализма, кардинально отличалась от традиционной поэзии того времени, воспитанной на одах Ломоносова и Державина. Карамзина интересовал не внешний, физический мир, а внутренний, духовный мир человека, его стихи говорят «на языке сердца», а не разума. Объектом поэзии Карамзина является «простая жизнь», и для ее описания он использует простые поэтические формы, избегая обилия метафор и других тропов, столь популярных в стихах его предшественников.

*Я стыжусь; мне, право, больно  
Странность чувств моих открыть  
И предметом шуток быть.  
Сердце в выборе не вольно!..  
Что сказать? Она... она.  
Ах! нимало не важна,  
И талантов за собою  
Не имеет никаких,...*

(«Странность любви,  
или бессонница», 1793 г.)

Проза и поэзия Карамзина оказали решительное влияние на развитие русского литературного языка. Он целенаправленно отказывался от использования церковносла-

вянской лексики и грамматики, приводя язык своих произведений к обиходному языку своей эпохи. Если бы в поэзии не было Карамзина, не случилось бы и Жуковского, и Пушкина, считают литературоведы, и в этом все они абсолютно солидарны.

А еще Карамзин ввел в русский язык множество новых слов — как неологизмов («благодарительность», «влюбленность», «вольнодумство», «достопримечательность», «ответственность», «подозрительность», «промышленность» в современном значении, «утонченность», «человечный»), так и варваризмов («тро-туар»). Также он, по последним научным исследованиям, изобрел букву «ё» (по другой версии, он лишь одним из первых начал ее использовать).

Изменения в языке, предлагаемые Карамзиным, вызвали бурную полемику в 1810-х годах. Писатель А.С. Шишков при содействии Державина основал в 1811 году общество «Беседа любителей русского слова», целью которого была пропаганда «старого» языка, а также критика Карамзина, Жуковского и их последователей. В ответ в 1815 году образовалось литературное общество «Арзамас», которое иронизировало над авторами «Беседы» и пародировало их произведения. Членами общества стали многие поэты нового поколения, в том числе Батюшков, Вяземский, Давыдов, Жуковский, Пушкин. Литературная победа «Арзамаса» над «Беседой» упрочила победу язы-

ковых изменений, которые ввел Карамзин.

Позже произошло сближение с Шишковым, который содействовал избранию Карамзина членом Российской академии, и в 1818 году Николай Михайлович стал членом Императорской Академии наук.

Но главным «детищем» Карамзина безусловно является «История государства Российского». Интерес к истории возник у него в середине 1790-х годов. Он написал повесть на историческую тему — «Марфасадница, или Покорение Новгорода», которая была опубликована в 1803 году, а потом до конца своей жизни занимался написанием «Истории государства Российского», практически прекратив деятельность журналиста и писателя.

Это было не первое описание истории России, до Карамзина об этом писали В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, однако именно он открыл историю России для широкой образованной публики. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотеле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Это произведение вызвало также и волну подражаний и противопоставлений (например, «История русского народа» Н.А. Полевого), — писал А.С. Пушкин.

В своем труде Карамзин выступал больше как писатель, чем исто-

рик — описывая исторические факты, он заботился о красоте языка, не пытаясь делать какие-либо выводы из описываемых им событий. Особую научную ценность представляют его комментарии, которые содержат множество выписок из рукописей, большей частью впервые опубликованных Карамзиным. Некоторые из этих рукописей утеряны.

Заслуга Карамзина еще и в том, что именно он открыл «Хождение за три моря» Афанасия Никитина в рукописи XVI века и опубликовал его в 1821 году.

«Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века ... Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара ...», — писал Николай Михайлович Карамзин.

Кроме всего вышесказанного, он был к тому же очень хорошим переводчиком. В 1787 году, увлеченный творчеством Шекспира, Карамзин опубликовал свой перевод оригинального текста трагедии «Юлий

Цезарь». Оценку произведению и собственному переводческому труду он дал в предисловии:

«Трагедия, мною переведенная, есть одно из превосходных его творений... Если чтение перевода доставит российским любителям литературы достаточное понятие о Шекспире, если оно принесет им удовольствие, то переводчик будет награжден за труд его. Впрочем, он приготовился и к противному».

(В начале 1790-х годов это издание, одно из первых произведений Шекспира на русском языке, было включено цензурой в число книг для изъятия и сожжения.)

В 1792–1793 годах Карамзин перевел (с английского) памятник индийской литературы — драму Калидасы «Шакунтала». В предисловии к переводу он написал:

«Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде — человек; везде имеет он чувствительное сердце,



и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде Натура есть его наставница и главный источник его удовольствий.

Я чувствовал сие весьма живо, читая Са-конталу, драму, сочиненную на индийском языке за 1900 лет перед сим азиатским поэтом Калидасом и недавно переведенную на английской Виллиамом Джонсом, бенгальским судьёю...»

Скончался Николай Михайлович Карамзин от чахотки 22 мая 1826 года в Санкт-Петербурге. По преданию, смерть его стала следствием простуды, полученной 14 декабря 1825 года, когда он воочию наблюдал события на Сенатской площади. Похоронили его на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. □



Иван Переверзин

# ВЛАСТЬ СЛОВА



Карловарская погода и в эту — мою пятнадцатую по счету отпускную весну — не изменила себе. Ночью небо плотно застилали угрюмые, свинцового цвета, низко, почти над самыми вершинами окрестных гор, плывущие с запада на север тучи. К самому рассвету они разражались мелко сеющим серым и нудным дождем. Но уже ближе к самому полдню с окрестных древних скалистых гор начинал дуть влажный, пахнувший хвоей и листвою ветер. Под его напором тучи как бы нехотя, но все же покидали небо, опустившееся над землей так низко, что, казалось, с первой же вершины до него можно легко дотронуться рукой... И солнце, словно вырвавшись из небесной темницы на волю, пылало так ярко, с такой силой, что температура быстро поднималась с десяти до двадцати градусов тепла.

Курортники тотчас возвращались в свои, древней постройки, но прекрасно сохранившиеся до наших дней, отели. Быстро переодевались в легкие одежды и возвращались в отпускной жизненный круговорот радостными — со светлыми улыбками и задорными взглядами. Особенно преобразилась женская половина отдыхающих — ее представительниц просто нельзя было узнать... Облачившись в почти воздушные, из тонкого ситца, платья, оставляющие открытыми загорелые до шоколадного цвета стройные ноги в туфельках на высоких каблучках и изящные, волнующие всех мужчин округлые плечи, многие из них были просто великолепны.

Свежий, наполненный озоном горный воздух с каждым вздохом все больше и больше пьянил голову, вызывал в душе неодолимую жажду действий... Окрестный лесопарк, в придачу к сладкоголосому пению разнообразных птиц: синиц, дроздов, чижей, красногрудок и соловьев, наполнялся звонкими голосами детей, ласковыми — женщин и пылкими — мужчин. Хотелось жить, любить и, конечно, как и положено в отпуске, отдыхать!

Новая карловарская весна не внесла ничего нового и в мой привычный отпускной уклад. Весь день — с раннего утра и до позднего вечера — я был занят одним и тем же: с семи до десяти часов утра — лечебные процедуры, потом зонт — в руку, блокнот с шариковой ручкой — в карман, и пешком в горы, на поиски стихотворных и прозаических строчек! В отель возвращался ближе к ночи — только для того, чтобы поесть, рухнуть, как подкошенный, в кровать и забыться на всю ночь здоровым мужским сном.

Однако в тот день я вернулся в свой номер позже, чем обычно. Жена, «жаворонок» по натуре, уже крепко спала. В лющемся через высокое окно лунном свете ее отрешенное, слегка смугловатое, но с очень нежной кожей лицо казалось еще прекрасней... Посмотрев на жену, я почувствовал в сердце глубокую любовь и желание... Но лишь осторожно, с нежностью, поправил сползшее на пол одеяло, стараясь не шуметь, улегся рядом и закрыл глаза в надежде поскорей заснуть. Но не тут-то было! То ли от близости сладко спящей жены, то ли от переизбытка озона в организме, то ли от продолжающегося волшебного пения дроздов за окном, но вдруг в моей памяти в одно мгновение вспыхнул огромный костер и высветил всю — до мельчайших деталей — раннюю молодость, а вернее, страсть к одной молодой особе.

В течение нескольких минут, строчка за строчкой, в голове сложился романтический рассказ. Мысленно повторив его, чтобы утром, сразу же после процедур, перенести на бумагу, я снова попытался заснуть. Но едва сомкнул глаза, как тотчас передо мной стали вспыхивать, как спички во тьме кромешной, строчка за строчкой рассказа, и мне стало ясно: эта ночь пройдет без сна. Как можно тише я встал с кровати, плотно затворил за собой двери спальни и, подойдя к рабочему столу, включил настольную лампу. Минуту-другую просидел в сомнениях: писать или не писать, но, в конце концов, отчаянно решил — писать! Взял ручку и погрузился в привычную работу. Рассказ писал, как бог положил на душу, — правдиво и только правдиво, не скрывая и не приукрашивая ничего даже в самых незначительных и эротических сценах. Когда работа была закончена, я выглянул в окно и увидел, что на дворе вовсю хозяйничает рассвет, птицы давно проснулись и, зная себе, заливаются в весеннем саду на все свои чудные голоса.



Ложиться спать не имело никакого смысла. И я, оставив открытой тетрадь с рассказом, названным «Страсть», на столе, привел себя в порядок, быстро оделся и отправился к источнику пить целебную воду. Вернулся не сразу и не пустым: за час, который пролетел в пути на горную вершину под названием «Диана», и обратно, написал аж целых три новых стихотворения! В приподнятом настроении открыл дверь номера, но по тишине, царящей в комнатах, понял: что-то случилось, но что именно — сразу не мог понять. Однако, бросив взгляд на стол и увидев тетрадь закрытой, я почувствовал, как душа болезненно сжалась, а когда в тетради на первой странице прочитал порывисто написанную на полях рукой жены строчку: «Записки сумасшедшего!..» — душа тотчас рухнула в какую-то, только одну ей известную, пропасть уныния и тоски!

Нет, я ничего не собирался скрывать от горячо любимой жены, но, зная ее чуткую, ранимую душу, обязан был подготовить ее к рассказу, тем более, романтическому, и подготовил бы! Да, видно, богу было угодно и в этом жизненном случае, чтобы я выпил чашу обиды, непонимания до дна — чуть ли не до разрыва с любимой женщиной! Но, собравшись с духом, я все же зашел в спальню: на кровати, накрывшись шерстяным одеялом, лежала жена. Ее большие, от природы и без того слегка грустные глаза были наполнены кричащей болью горького разочарования и жгучей обидой. Но без слез. Или уже выплакала все — до последней капельки? Скорее всего, так и есть!

За те несколько минут, что я провел в спальне, жена оставалась совершенно недвижимой, не обратила на меня даже мимолетного взгляда, будто окаменела от горя, свалившегося на ее хрупкие плечи. Я понял, что никакого разговора у меня с ней, находящейся в таком угнетенном состоянии, быть не может. Поэтому, не сказав ни слова, схватил куртку, взял на случай дождя зонт и, пулей вылетев на улицу, пошел по первой же попавшейся мне горной тропе, как говорят в таком случае, куда глаза глядят. Но тут телефон пикнул, и я понял — от жены пришло сообщение. Открыл его и прочитал: «Я видеть тебя не хочу! Между нами все кончено! Как ты мог?..» Это последнее — «как ты мог?..» — полоснуло меня по сердцу верней всякого ножа! От острой боли даже помутнело в глазах...

Но окружающий меня лес жил своей тайной жизнью... Молодые дикие кабаны с угрожающе торчащими клыками, забыв о всяком страхе, вышли из чащи на поляну, и давай носами и клыками, как плуг лемехом пашню, вспахивать жирную, еще влажную от ночного дождя землю аж до корней ясеней, тополей, берез... А лось с закинутыми чуть ли не на спину мощными рогами, только несколько дней назад справивший свою свадьбу, теперь забрел поглубже в еловые дебри, чтобы никто ему не мешал, и лег

отдыхать... Лесные мыши, собравшись в стаю, бегали в опавшей прошлогодней листве так стремительно, с таким шумом, что трудно было не обратить на их возню внимания... Черные дрозды, рассевшись по веткам дубов и кленов, пели заздравную в честь нового дня, а белки с раннего утра без усталости летали с ветки на ветку, рассыпая своими золотыми хвостами снопы огненных искр... Да, лес жил своей тайной жизнью, а в голове моей, как молотом по наковальне, стучал один и тот же вопрос: «Что же делать?! Что же делать?! Что же делать?»

Но я шел и шел, забыв о времени, и только по гудящей усталости в ногах понял, что прошел очень много. Стало темнеть, воздух, сгущаясь, все больше становился темно-синим. И вдруг, еще раз поднявшись на вершину очередной горы, я увидел, что в ближнем ущелье, теснимая с обеих сторон отвесными, гранитными скалами, бурлит река. Пока еще совсем не стемнело, я быстро спустился к ней. Срываясь с каменного уступа, река с шумом падала вниз, увлекая за собой все, что, на свою беду, попало в бурную воду. Однако уже в двухстах метрах ниже по течению она усмирляла свой горный нор и, чуть пенясь и бурля, лишь подпрыгивала на подводных камнях...

«Заночую здесь!» — подумал я и стал собирать разбросанные по берегу хворост, куски сломанных досок и даже целые поленья, вынесенные весенним половодьем. С помощью сухой бересты на одном из камней быстро разжег костер и, пока он разгорался, наломал для постели елового лапника в прибрежной лесной чаще. Время от времени «подкармливая» прожорливый костер, я смотрел в ярко горящее звездами бесконечное — и оттого только становящееся еще таинственней — вечернее небо, где одно за другим загорались новые созвездия, притягивая своим серебристым светом мой уставший взгляд. В тот вечер из-за печальной смуты, камнем придавившей сердце, я сам не в силах был писать, но вдруг вспомнил удивительные стихи одного из самых уважаемых мною поэтов: «Над головой созвездия мигают. / И руки сами тянутся к огню... / Как страшно мне, что люди привыкают, / Открыв глаза, не удивляться дню. / Существовать. Не убегать за сказкой. / И уходить, как в монастырь, в стихи. / Ловить Жар-птицу для жаркого с кашей. / А Золотую рыбку — для уха». Эти удивительные строчки показались особенно созвучными настрою моей души. И я поймал себя на мысли: «Господи! Какое это счастье — в трудную минуту жизни искренне и глубоко радоваться чужой поэтической удаче...»

Вечер выдался довольно прохладным, но мне совсем не было холодно — кровь, разгоряченная неотступными, тревожными мыслями о любимой женщине, о дальнейшей жизни вообще, билась в венах, стучала в висках, согревая мое тело... И я, несмотря на послание жены, продолжал верить, что она меня все-таки по-прежнему любит, но жгущая душу оби-

да никак не дает собраться с мыслями, чтобы спокойно решить разбросавшую нас по разным сторонам, возникшую, если трезво подумать, почти из ничего проблему. Но, как часто случается в жизни, именно это пустое «почти» неожиданно становится камнем преткновения к примирению. Время, только время в таких ситуациях — единственный друг и помощник. Надо, как ни горько, ни больно за себя и за жену, набраться душевных сил и ждать...

Утром, ни на минуту не сомкнув ночью глаз и приведя все мысли в порядок, а главное, окончательно решив не пасовать перед неожиданно возникшей ссорой с любимой, я вернулся в отель. Многочисленные курортные подруги жены, конечно же, уже все про мой «крамольный» рассказ знали и смотрели на меня — одни с презрением, другие с сожалением, а одна, более любящая нас обоих, при моем появлении сначала растерялась, но потом, собравшись с духом, выпалила в лицо:

— Ваня, я тебя очень уважаю, но Света — моя лучшая подруга. — И, помолчав, неуверенно, но все же продолжила: — Не мне, женщине, тебя, мужика, учить, что делать. Покайся, писатель ты наш бедный.

— Спасибо за поддержку, даю слово, что я все улажу...

— Иди же, иди, не теряй время! — сочувственно сказала лучшая подруга жены и подтолкнула меня в плечо своей теплой, легкой рукой.

Зайдя в номер, я снял верхнюю одежду и, пройдя в гостиную, увидел, что жена смотрит телевизор. Каких-либо тревог на ее побледневшем за сутки лице я не заметил, но по тому, что она даже краем глаза не посмотрела в мою сторону, когда я проходил в спальню, понял: телефонное сообщение не утратило своих сил. «Только откровенный разговор может окончательно поставить все точки в этой дурацкой, грянувшей, как гром среди бела дня, ссоре, а вернее — непонимании...» — с надеждой подумал я, и, приблизившись к жене, сказал:

— Света, пожалуйста, выслушай меня! Ну зачем из мухи делать слона! Написанный рассказ — это исключительно литературное произведение... Вернее попытка выразить в слове то, что было почти тридцать лет назад, когда мы и знать-то о друг друге ничего не знали. Да-да! Только попытка!

И тут жена, выключив телевизор, будто только и ждала нашего разговора, громко запричитала:

— Ничего себе, попытка! Живешь со мной, а пишешь о другой, какой-то соплюхе. Ладно, на меня ты можешь наплевать, но что скажут дочери — ведь они уже большие и все понимают, — когда прочитают эту, как ты говоришь, попытку. Мне даже страшно подумать, что с ними будет. В конце концов, в каком для них свете будешь выглядеть ты сам, который для них с детства — неоспоримый авторитет практически во всем!

— Ну, взяла бы и порвала мою писанину, и дело с концом, — ответил я.

— Порвала?! Конечно, рукопись можно порвать, но что делать с душой, которая из-за твоего рассказа стала пустой, как выжженная пустыня? Или я, по-твоему, не человек, не та женщина, которая посвятила тебе свои лучшие годы, родила тебе двух дочерей, от которых ты без ума?!

Распаляясь все больше и больше, жена, чтобы не зарыдать, резко вскочила с дивана и вышла из номера, жестко хлопнув ничем не повинной дерматиновой дверью.

«Вот и поговорили!» — угрюмо подумал я.

Пока раздумывал, что же делать дальше, в дверь осторожно постучала уборщица и, приоткрыв ее, приятным молодым голосом спросила:

— Убирать в номере можно? — При этом виновато улыбнулась, как будто весь наш бурный разговор подслушала, стоя за дверью.

— Пожалуйста! — ответил я и, пройдя в спальню, положил на подушку денежную купюру в сто крон.

«Ладно, для начала схожу на завтрак, потом приму грязевые процедуры, а там видно будет, что делать дальше», — наконец решил я.

В столовой было еще многолюдно. Я хоть и старался делать вид, что ничего между мной и женой не произошло, но, тем не менее, не мог отделаться от ощущения, что знакомые и даже вновь приехавшие на курортное лечение люди — все смотрят на меня с осуждением, а когда наши взгляды случайно пересекались, они быстро отводили глаза.

Позавтракав и приняв грязи, чтобы быстрее убить дневное время, я не стал изменять своей установившейся много лет назад привычке и, прихватив зонт, а также записную книжку, отправился в лес, надеясь написать хоть что-нибудь путное. Но так как мои мысли были целиком заняты поиском выхода из неожиданной ссоры с женой, то и все вспыхивающие в голове строчки получались буквально кричащими о моей любви к ней! И я подумал: «Правду говорят, что худого без добра не бывает...» Тем более что сегодня все птицы пели все звонче и звонче! Как будто вместе со мной радовались вдруг родившимся, как мне показалось, удачным стихам. «Если у меня за сутки заметно улучшилось настроение, то и душевное состояние жены не могло не уравновеситься! — мелькнула в голове мысль. — Ничего, где наша не пропадала! Терпение и еще раз терпение, дорогой писатель! Не зря тебе птицы так солнечно поют!»

И я оказался прав: вечером, войдя в номер, увидел, что жена хотя и лежала уже в постели, но нельзя было точно понять, она действительно заснула или только делает вид, что спит. Когда я, тихонько раздевшись, лег на свою половину кровати, она не вскочила, не схватила свои подушку с одеялом и не выбежала в гостиную, чтобы спать на кожаном диване,

а лишь тихонько вздохнула... Вздохнул и я... Выключил торшер, но шторы на окнах не стал задергивать — авось лунный свет наворожит мне впервые за двое суток спокойный и глубокий сон. Однако все получилось иначе: полусонное состояние души как рукой сняло. «Видно, еще в жизни, обрушившейся на меня снежным вихрем, я не все передумал, не на все вопросы ответил... Что же, ночь длинная, времени на все хватит...» — подумал я и широко открытыми глазами уставился в высокий потолок. И потянулись, как длинные-предлинные вереницы птиц, улетающих на юг от жгучих метелей и трескучих морозов, ночные часы. «Скорее бы наступило утро! А там, глядишь, все будет совсем по-другому... Все на лад пойдет — не зря же в народе говорят: утро вечера мудренее», — еще одна обнадеживающая мысль вспыхнула и тут же погасла в голове.

И все же утро наступило, как мне показалось, быстрее обычного. Сначала первый луч, за ним второй, третий, четвертый, скользя по стеклу, упали на кровать, потом целые потоки солнечного света буквально ворвались в спальню! Стало совсем светло. Птицы в саду за окном — сначала тоже поодиночке, несмело, будто чего-то опасаясь, запели в разных концах сада. Но чем светлее становилось, тем все больше и больше птиц подхватывали начатую песню, пока, наконец, их разобщенные голоса не слились в одно мощное хоральное звучание. Несмотря на то, что створки окон были плотно закрыты, я ясно слышал это чудесную божью песню. Слышал — и всей душой жаждал жить и любить.

Я осторожно взял руку жены, лежащую вдоль ее пахнущего молоком и медом тела. Она сделала вид, что как будто ничего не происходит, и только, как вчера вечером перед сном, тихонько вздохнула о чем-то своем. Тогда я с нежною силой, может, даже до боли сжал теплую родную руку. Сердце тотчас, как пойманная птица, трепетно забило, глаза застлал непроглядный розовый туман... А дальше? А дальше я ничего точно не помню. То ли после бесконечного ожидания наконец-то сбылась наша с женой чудодейственная сказка, в которой все невероятные желания сбывались мгновенно, и мы взлетали до самых золотых небес, где сладкозвучные птицы заходились от счастливого пения, то ли каким-то чудом нам удалось еще при жизни очутиться в райском саду, где в небесах светила яркая радуга, а по лужайкам, поросшим изумрудной травой, сверкающей росным серебром, гуляли с распушенными, выгнутыми дугой хвостами невероятной красоты павлины...

...Когда я очнулся, жены в номере уже не было. «Ушла на процедуры», спокойно подумал я и, приняв любимый ледяной душ, а потом одевшись потеплей, заспешил к источнику по мощенной бетонными кирпичиками дороге, уходящей круто вниз. В голубом высоком небе гуляли, как стадо

овечек, белокурые с кудряшками облачка. Но солнечные лучи легко проходили сквозь них, не теряя своей светоносности. С каждой минутой окружающий мир все больше пробуждался от ночного, легкого и, в то же время, глубокого сна. Черные дрозды с ярко-красными клювами, как хозяева города, не обращали на меня никакого внимания, даже не отлетели, когда я буквально в трех метрах прошел мимо них, а продолжали деловито разгребать маленькими чешуйчатыми лапками прошлогоднюю листву в поисках личинок, дождевых червей. Веселые чижи, рассевшись по веткам зеленеющих изумрудных кленов и берез, все голосистее, как бы гордясь своими сольными способностями, пели, будто катали золото в горле... Проходя по висячему мосту через горную речку Теплу, я увидел на правом берегу, что магнолии наконец-то полностью расцвели, и теперь их кроны обратились в большие бархатистые бело-розовые шары. Несколько лепестков даже успели упасть на подстриженный и оттого казавшийся скучным, несмотря на свой ярко-зеленый цвет, газон.

На колокольне возвышающегося напротив источника католического храма ровно семь часов пробил чугунный колокол. Его тягучий, расходящийся в стороны звуковыми волнами голос был так высок, что докатывался до самого дальнего уголка города. Горожане-чехи, услышав его, крестились и кланялись. Я любил посещать этот чуждый моему православному сердцу католический храм... Каждую субботу в костеле за совсем смешные деньги можно было послушать потрясающий орган. Исполнялась музыка Баха, Бетховена, Моцарта, Шопена, которые в свое время часто приезжали на воды в этот старый, но с вечно молодой душой город. Да по-другому и быть не могло! Сколько бы раз я ни слушал орган, в его игре мне всегда открывались какие-то новые высоты духа, сознания. Все выше и выше звучал орган — и все выше и выше поднималась моя душа, как бы до этого она ни была удручена или расстроена.

Но, мысленно крестясь своему православному Богу, я подумал: «Надо же, как бывает: когда находишь в жизни спасительный выход из пятого угла, в который сам же себя и загнал, то и сама жизнь обращает на тебя свой прощающий чистый взгляд и призывает жить по законам Божиим. Лишь бы жена не успела позавтракать и уйти на весь день по своим лечебным заботам», — мелькнуло в сознании, и я ускорил свой и без того быстрый шаг.

Но мне, слава богу, продолжало везти: едва я вбежал в ресторан, то сразу увидел продолжающую завтракать жену. Склонившая к блюду свою милую головку с зачесанными назад, вьющимися у висков и лежащими на плечах каштановыми волосами, с грациозной, без единой морщинки, несмотря на возраст, лебяжьей шеей, с тонкими, можно сказать,

музыкальными пальцами, на одном из которых красовался золотой перстень, она в это утро выглядела особенно прекрасно!

Подойдя к своему месту и усаживаясь на стул, я произнес:

— Доброе утро, любимая!

— Доброе! — сухо, но не зло ответила она.

— А что, действительно этот зал скоро закроют, а нас, отдыхающих, переведут в другой — «Мозер»?

— Говорят... Но, думаю, нас все-таки оставят на месте.

— Вот было бы хорошо! — сказал я и продолжил: — Жаль было бы расставаться с тем видом, который открывается из нашего окна.

Действительно, сразу за окном на красиво разбитых клумбах цвели розы, маки, ромашки. Между ними, одна выше другой, росли две березы с густой кроной. В непогоду они своими длинными, мягкими ветвями-лапами даже стучались к нам в окно, как будто просили меня впустить обогреться... А в ночь на первое мая под самой высокой березой мы с женой, вдохновленные древним обычаем наших чешских друзей, обнявшись, горячо, словно в далекой юности, целовались!

Чуть подальше, за оврагом, на крутом зеленом пригорке, красовался православный храм с крестами, венчающими покрытые позолотой маковки. Построенный еще в самом начале восемнадцатого века и связанный с именем Петра Великого, храм удался на славу: местные чехи не в силах до сих пор сдержать восхищения от этого архитектурного чуда. Они даже назвали его по-своему: «Русская сказка». Каждое утро, перед тем как приступить к завтраку, я крестился в сторону храма и шептал про себя короткую, но необходимую для каждого верующего человека молитву.

Вдруг жена, положив ладонь на мою руку и глядя на меня грустными глазами, подавляя, видимо, что-то неприятное в душе, сказала:

— Знаешь, за эти последние сутки я очень много думала о нас. Ведь, как-никак, совсем скоро будет тридцать лет, как мы поженились. Срок огромный, а главное — столько всего! Конечно, больше доброго... Как мне сейчас ни больно, я не собираюсь уходить от тебя... Но ты дай мне слово, что, пока я жива, этот твой злополучный рассказ не будет напечатан, — закончила она и с просительной настойчивостью посмотрела мне в глаза.

«И это все мое наказание за мой тяжкий грех», — подумал я... И ответил:

— Любимая, ну, конечно же, я согласен! Только как-то нехорошо получается: соглашаясь с тобой, я невольно как бы соглашаюсь и с тем, что ты должна умереть раньше меня. Это недопустимо! Это... это... Или ты забыла о нашем уговоре: вместе — до конца! Что бы с этим миром ни случилось, мы — навсегда!

Не дожидаясь ответа, я выскочил из-за стола, ветром взлетел на третий этаж, вошел, тяжело дыша, в номер и, открыв ставшую мне ненавистной тетрадь, вырвал из нее все до единой страницы рассказа. Затем, держа их в руке, вернулся в ресторан, где, к счастью, все еще оставалась сидеть в тревожном ожидании жена. На ее глазах я разорвал листки на мелкие кусочки и выбросил в урну под столом. «Вот так!» — вскричал я про себя, а вслух, словно ничего не случилось, спросил:

— А какой сегодня день?

— Воскресенье, — ответила жена.

— Нет, извини, число какое? Не пятое ли мая?

— Кажется, точно — пятое...

— Так сегодня же, дорогая, для нас, православных, самый великий праздник — Пасха! Праздник всех праздников! А мы в размолвке чуть не позабыли об этом... Это же грех! Мы в храме должны быть...

— Да, должны! — нежно согласилась жена...

Вернувшись в номер, мы оделись во все чистое и, крестясь, поспешили в русскую церковь.

Будто по заказу свыше, по всему весеннему, вымытому ночными дождями небу разлилась — от края до края — небесная лазурь! Солнце, взойдя на самую свою вершину, пригоршнями бросало и бросало на землю золотые россыпи горячих, животворящих лучей. Внезапно слетевший ширококрылой птицей с ближней, утопающей в зеленой хвое горы ветер минуту-другую поиграл с еще клейкой, остро пахнущей свежестью листвой, а потом, будто сморенный жарой, уснул беззаботно, как малый ребенок, в овраге, на пышном, немного влажном мху, у подножия белоствольной красавицы березы...

Стоя в Божьем храме рядом друг с другом, мы с женой зажгли от уже горящих свечей свои свечи, пахнувшие миндалем, поставили их за здоровье всех своих близких и родных и, конечно, за себя, сумевших в этой яростной жизни не расплескать до конца когда-то с таким трудом обретенное счастье...

Но нынче, пусть с тех пор прошло не так уж много времени, я упорно, мысленно возвращаясь к тем тяжелым дням непонимания, спрашиваю себя как последний эгоист: «А правильно ли я сделал, что разорвал страницы, что уничтожил свой романтический рассказ о любви?..» Спрашиваю — и не нахожу ответа...

А строчки уничтоженного рассказа упрямо всплывают в сознании — избыть их из памяти моей не под силу никому, ибо не мы владеем Словом, а Слово владеет нами и в Слове — бессмертие любви нашей. □





Из музея-квартиры Пушкина на Мойке вышла, ощущая бешеное сердцебиение. И голова шла кругом, как после здоровящего фужера шампанского.

«За что, спрашивается, пили?» — глянуло на меня мерцающее отражение из грязноватой воды легендарной речки. А я еще ниже перевесилась через парапет и вдруг сама себе проговорила нараспев начало «Бориса Годунова»: «Наряжены мы вместе город ведать, но, кажется, нам не за кем смотреть. Москва пуста. Вослед за патриархом к монастырю пошел и весь народ. Как думаешь, чем кончится тревога?»...

Моя мама, которая знала наизусть всего «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», сначала вызывала во мне острое чувство зависти, а потом, в шестом классе, я уже кичилась перед одноклассниками: «Ну да, представьте себе! Наизусть! Всего «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова!» «Во завирает!» — слышала в ответ. И тогда мой сосед по парте, Вадим Делоне, интеллигент и спорщик, позже еще раз прославивший свою знаменитую фамилию диссидентскими выступлениями на Красной площади, сурово сверял мои знания пушкинского текста с первоисточником. И чтобы не выглядеть ниже собственного достоинства, сходу выучил «Медного всадника», а я ревниво сверяла с текстом, а внутри уже зудело — «что там еще-то... Ага, «Руслан и Людмила». А, может, «Граф Нулин» — вроде покороче...»

Мама написала трилогию «Моя мадонна», о Наталье Николаевне Гончаровой. Книга вызвала шквал негодования со стороны пушкинистов за реабилитацию жены поэта и горячую благодарность, а потом нежную привязанность верного хранителя Михайловского Семена Гейченко за правду о

о любимой женщине Пушкина, его «женки». До самой смерти он слал маме письма с засушенными цветами из пушкинского парка и открытки с видами Пушкинских гор...

«Так за что пили? — опять качнулось мое свесившееся лицо в Мойке и тут же, скукожившись набежавшей рябью, усмехнулось: — Ну да, было за что!» А я опять почувствовала, как моя душа, на поверку оказавшаяся фанаткой Пушкина, празднует и ликует... Еще бы! Полчаса назад группа пришедших навестить дом поэта услышала от сотрудницы музея невероятное.

Недаром верные рыцари музыки великого Пушкина не допускали в течение почти двух столетий реставраторов к тому кожаному дивану в его кабинете, где, истекая кровью, он умирал. Реставраторы составляли акты, приносили решения и распоряжения, а верные рыцари, как им и следует по статусу рыцарей, стояли насмерть. Верность всегда имеет награду. Не вдруг, не сразу, ведь на то она и верность, что требует проверки временем, имеет мучительный долгий путь противостояния и борьбы. Но ведь вот она, награда! Ученые какими-то хитроумными приборами просканировали диван и, пройдя полуистлевшие слои, обнаружили обломки эритроцитов крови Пушкина. Его древняя кровь обрела современные характеристики: вторая группа, положительный резус-фактор. Теперь уже не поэтическим гением, а простотой состава крови вновь коснулся своих потомков, вновь словно приблизился, сделался совсем своим. Мол, у тебя какая группа крови? — Вторая, а что? — Э-э, брат, так тебе надо на углеводы подсесть, а с мяском-то завязывай. И резус-фактор небось отрицательный? — Да нет, положительный, это лучше? — А то! Хотя ты не баба, тебе не рожать! Это им с отрицательным фигово! Вот так примерно... Рыжий веснучатый парень с серьгой в ухе и диковатой проволокой в носу, которого каким-то ветром занесло на экскурсию, отклеился от дисплея мобильного и шмыгнул забитым носом: «Клево! Как у меня!» «Ага! Может, все-таки у тебя, как у него! — вскинулся благопристойный очкарик того же возраста. — Чего вообще сюда приперся, эсэмэсками и на улице можно обмениваться!» Рыжий, и вправду, вел себя, мягко выражаясь, некорректно — зевал, чему-то ухмылялся, когда шла речь о дуэли Пушкина с Дантесом, что-то считывал с мобильного. А когда начал шуршать жвачкой, я ткнула его кулаком в бок. Рыжий сразу изобразил на наглой физиономии страдание, схватился за бок и просипел, что его теперь надо на диван, на тот самый. Заворчала маманя очкарика, но экскурсовод сделала большие глаза и сообщила еще одну сенсацию.

Если и впредь не трогать стены пушкинской квартиры, то в скором времени ученые смогут извлечь из этой каменной толщи голос Пушкина. Главное, удержаться от натиска реставраторов, как в случае с диваном, и

тогда... страшно подумать... Вот так вот,ходишь в пушкинский кабинет, а навстречу потрясенным потомкам несется: «А ну-ка,женка, зови сюда Гришку, Сашку, Наташку, будем щи лопать...» Или смех, тот знаменитый заразительный смех, о котором свидетельствуют современники поэта... Или: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» Или еще что-то немыслимое и непредсказуемое.

Рыжий прыснул. Наверное, припомнил какой-нибудь ужастик, где стены разговаривают. А, может, эсэмэску получил прикольную. Я показала ему кулак, а он в ответ страдальчески потер «раненый» бок...

Начал накрапывать неприменный питерский дождик. Холодный парапет Мойки сделался скользким. Я отклеилась от прилипшего к одежде камня, услышала сирену «скорой» и разглядела у светофора сбившуюся толпу людей и затор машин. Но мысли опять вернулись к Пушкину. Как же его много, если каждый присваивает его себе. «Мой Пушкин» — утверждала Цветаева, а Булгаков возражал: «Ну, уж его последние дни точно мои». А задолго до того по «своему» Пушкину безутешно рыдал Лермонтов. Ахматова с Ахмадулиной, точно соперничая в близости к нему, так и восклицали меж посвященных ему поэтических порывов: «Ах-м! Ах, мо-ой Пушкин!»

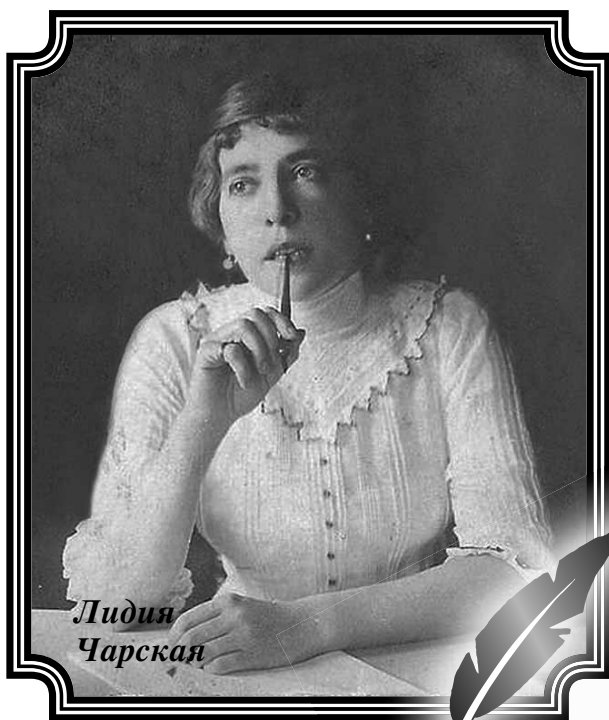
А «мой» Пушкин — это его каменный профиль на вершине кокетельского Кара-Дага. Я глядела на него все свое кокетельское детство в горькие и счастливые мгновенья крымских каникул, и он всегда отзывался ... и недаром — над морем. Как два олицетворения вечности.

Говорят, что это профиль Волошина. Но сие зависит от ракурса — как посмотреть и откуда. Наша кокетельская детская компания взирала на Кара-Даг с балюстрады Дома творчества писателей. Оттуда — точно профиль Пушкина. Вот так. Оказывается, все зависит от ракурса. И не только в случае с Кара-Дагом...

Питерский дождь, начинавшийся с деликатного побрызгивания, совсем распоясался и давал понять, что еще чуть-чуть, и барабанная дробь по раскрытым в спешке зонтам сомкнется в потоках ливня. Я рванула к перекрестку, откуда на носилках в окровавленной простыне уносили в «скорую» сбитую машиной женщину. Рядом со мной застыл рыжий с проволокой в носу. «Блин! Кровищи-то сколько! И эти не торопятся! Полный отстой! Только переливание спасет, я знаю, у меня кореш медбратом работает! Надо торкнуться, вдруг моя подойдет! Чем черт не шутит! Если б Пушкину тогда кровь чью-нибудь перелили, он бы выжил!» Рыжий рванул к «скорой» и, размахивая руками, стал что-то возбужденно доказывать врачу, тыча себя кулаком в грудь...

Сквозь струи сдержавшего обещание дождя я смотрела на удаляющиеся огоньки «скорой» и думала о том, что еще один человек обрел «своего» Пушкина. □

# Феномен Чарской



**Пик популярности ее многочисленных романов пришелся на эпоху модерна и декаданса. Книгами Лидии Чарской, тираж которых был просто-таки огромен, зачитывались буквально до дыр, брали друг у друга на пару дней, перечитывали вновь и вновь. А потом новая власть объявила этим книгам беспощадную войну как классово и социально чуждым советскому строю и обществу. И о Чарской забыли на целые десятилетия. Но в начале XXI столетия неожиданно для всех Чарская вновь стала популярной среди читателей.**



## ИЗ АКТРИСЫ В ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Тонкая и впечатлительная натура, Лидия Чарская была талантлива с раннего детства. Уже в 10 лет девочка сочиняла стихи, а чуть повзрослев, стала вести дневник. Кстати, Чарская — это ее псевдоним (от «чары», «очарование»). Настоящая фамилия будущей популярной писательницы — Воронова. Ее основным и единственным, по сути, в жизни местом работы был

Александровский драматический театр в Санкт-Петербурге, в котором с 1901 по 1924 годы она исполняла преимущественно эпизодические, совсем незначительные роли. В итоге, несмотря на все старания и чаяния, театральная карьера Чарской так и не задалась.

Платили за службу на подмостках Мельпомены актрисе второго плана, естественно, совсем немного. А жизнь в блистательном Санкт-Петербурге была отнюдь не дешевой. К тому же

у Чарской был маленький сын: в 1894 году, будучи всего 19-лет от роду, она скоропалительно выскочила замуж за ротмистра лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона Бориса Чурилова. Однако ранний брак не сложился: вскоре после рождения у молодой четы сына Георгия супруг покинул жену и ребенка и уехал к месту службы в Сибирь. Вроде бы обычная житейская история, каких тысячи. Но от этого ничуть не легче, Чарской надо было банально выживать. Денег катастрофически ни на что не хватало — и красивая молодая женщина и мама решила попробовать себя на литературном поприще.

«У меня с детства была такая особенность — смотреть опасности прямо в глаза», — так впоследствии отвечала Лидия Чарская на многочисленные вопросы о том, как ей удалось выстоять перед жизненными невзгодами и ударами судьбы.

## **ДЖОАН РОУЛИНГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Первая же повесть «Записки институтки», которую Чарская написала в самом начале XX столетия на основе собственных впечатлений от учебы в Павловском институте благородных девиц, принесла ей огромный успех и славу. Первоначально книга печаталась по частям в одном из самых популярных петербургских журналов «Задушевное слово» (его основатель Маврикий Вольф запустил также и выходящий уже более полутора века в России журнал «Во-

круг света»), свежий номер которого мгновенно расхотелся, а в библиотеке за ним тут же выстраивалась очередь. О новой писательнице, сразу же ставшей властительницей умов гимназисток и юных барышень, тут же заговорили. Вскоре даже была учреждена стипендия имени Лидии Чарской.

Успех Чарской-писательницы был поистине феноменальным. За два десятилетия непрерывной литературной деятельности ею было создано 80 повестей, 20 сказок и около 200 стихотворений.

В 1911 году ученицы женских гимназий в сочинениях на тему «Моя любимая книга» чаще всего упоминали произведения именно Чарской. А в российских библиотеках чаще ее книг спрашивали лишь Гоголя и Пушкина. Блистательная поэтесса Серебряного века Марина Цветаева в юности зачитывалась повестью Чарской «Княжна Джаваха» и даже посвятила ей стихотворение.

Многочисленные книги Чарской переводили на французский, немецкий, английский — невероятный триумф для любого писателя, тем более женщины: ведь эмансипация, в ее робком варианте, в те годы только начиналась на просторах необъятной Российской державы.

Большинство произведений Лидии Чарской были написаны в жанре увлекательной приключенческой повести — немудрено, что читатели с нетерпением ожидали, когда новое творение выйдет из-под пера популярной писательницы. Но, несмотря на такую

литературную плодовитость и всеобщую читательскую любовь, на литературе Чарская так и не разбогатела, хотя, видя устойчивый читательский интерес и непрекращающийся спрос на ее книги, издатели многократно переиздавали популярную и плодо-

### Одна из книг Лидии Чарской



виту писательницу. А дело в том, что договора с издательствами, печатавшими ее произведения, были, по сути, кабальными, и львиную долю доходов получали воротилы книжного бизнеса.

Накануне рокового для России 1917 года Чарская была самой читаемой детской писательницей в России; а в целом по популярности ее имя уступало разве что «нашему все»

в литературе — то бишь, Александру Сергеевичу Пушкину.

Основное значение и роль Лидии Чарской в изящной словесности заключались в том, что она силой своего художественного воображения создала принципиально новую лите-

### Обложка одного из номеров журнала



ратуру, которой в России еще не существовало: увлекательное, захватывающее чтение о девочках и для девочек, над которым, оказалось, не властны ни политический строй, ни даже время.

Сама властительница душ читателей считала основой и главной задачей своего творчества нравственное воспитание. «Помните, нет на свете порока хуже лжи! Ложь — это

начало всякого зла!» — так неоднократно говорила почитателям своего творчества самая популярная детская писательница Российской империи последних лет ее существования.

## НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА

После революции Лидия Чарская прожила еще целых 20 лет. Она никуда не уехала из родного и любимого для нее города на Неве. Не эмигрировала, хотя, конечно же, могла уехать из Советской России. При этом страшно бедствовала, жила буквально впроголодь. Впрочем, от старых привычек и образа жизни не отказалась. Ходила в длинном, до пят, давно вышедшем из моды и, к тому же, сильно поношенном, пальто. Одном-единственном — зимой, весной и осенью. Другого просто-напросто у нее не было, а приобрести было не на что. Отличалась набожностью и была искренне религиозна: в разгул воинствующего атеизма продолжала ходить в остававшиеся



действующими церкви, к тому же открыто крестилась на купола церквей на улице. Случайные прохожие оборачивались на нее и долго смотрели вслед — как на весьма и весьма странную, невесту откуда взявшуюся даму из какого-то прошлого мира. Собственно, именно такой она и была — из того самого, навсегда исчезнувшего после революции мира. Исчезнувшего — но не из ее сердца.

Новая власть постаралась вычеркнуть ее из общественной жизни и из людской памяти: книги Чарской как классово чуждые строителям свет-

лого будущего массово изымались из библиотек. В школах устраивались «показательные суды» над писательницами. В 1920 году была составлена «Инструкция политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек», в списке которой упомянуты книги Чарской. А самым обидным для советской школьницы тех лет могло стать обвинение в том, что она похожа на институтку из книг Чарской.

Несмотря на все это, книги Чарской, увлекательно описывающей быт и жизнь «бывших», классово чуждых новому строю, представителей все равно оставались невероятно популярны. В том числе и среди детей из рабоче-крестьянских семей. Правда, теперь их с тем же запоем читали уже тайком, украдкой.

Вдова основателя первого в мире пролетарского государства, Надежда Крупская, запретившая вскоре после прихода к власти большевиков ставить в домах новогодние елки и лишившая детей и взрослых по всей стране замечательного семейного праздника, язвительно отзывалась о популярности романов Лидии Чарской и предлагала комплекс мер для нейтрализации ее влияния на умы и души «юных строителей светлого будущего»:

«Надо, чтобы была создана критическая литература для ребенка, написанная самым простым языком, понятным для ребят. Тогда, если ребенок увидит, что не учитель ему говорит: «Не смей читать Чарскую», —

а сам прочитает об этом и поймет, что Чарская плоха, она потеряет для него интерес. Мы Чарскую слишком рекламируем тем, что запрещаем ее. Держать ее в библиотеке ни к чему, конечно, но надо, чтобы у самих ребят выработалось презрительное отношение к Чарской».

Но даже у многих советских писателей, читавших украдкой книги Чарской в детстве, на всю жизнь сохранились о произведениях писательницы прекрасные воспоминания. Вот что говорила об ее творчестве известная советская поэтесса Юлия Друнина: «Есть, по-видимому, в Чарской, в ее восторженных юных героинях, нечто такое — светлое, благородное, чистое, — что трогает в искусственных душах девочек самые лучшие струны, что воспитывает в них самые высокие понятия о дружбе, верности и чести». Ей вторил Леонид Пантелеев в анализе впечатлений от книг Чарской: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне — где-то там, где таятся у нас самые сокровенные воспоминания детства, самые дурманящие запахи, самые жуткие шорохи, самые счастливые сны».

...В наши дни, в век искусственного интеллекта и всеобщего поклонения гаджетам романы Лидии Чарской вновь обрели своего читателя: умные и интеллигентные мамы и бабушки дарят их своим дочкам и внукам. Ибо книги этой талантливой писательницы переносят нас из дня сегодняшнего, мира сумасшедших скоростей





и немыслимых ранее технологий, в далекую и прекрасную эпоху, в которой хоть на миг хотел бы оказаться любой из нас. В то «прекрасное далеко», где, пусть и на страницах романов, но царит добро и справедливость, где и в помине нет присущему нашему времени постоянному стрессу с его вечным страхом куда-то опоздать и что-то не успеть, где помыслы и поступки людей определяются не выгодой и эгоизмом, а жертвенны и благородны.

## СЛАДКАЯ ИСТОРИЯ

Какая же прекрасная дама не любит сладкое?! Все эти тортики, пирожные, посыпанные сахаром булочки, покрытые глазурью конфеты. И хотя все мы, естественно, бережем фигуру, чтобы быть стройными, выглядеть привлекательно и обаятельно,

от пары чашечек ароматного свежего кофе, да еще с тающим во рту шоколадом вряд ли кто откажется — уж больно вкусно...

До революции в Первопрестольной существовала пользовавшаяся популярностью среди москвичей кондитерская «Флей». Она располагалась в самом центре, на Пречистенке, в симпатичном двухэтажном особнячке торгового дома «Торопов К.Д.» Время безжалостно и неумолимо, до нас дошла лишь сделанная в 1910-м году черно-белая фотография, на которой изображен сам торговый дом и вывеска кондитерской. Стиль и внутренний антураж кафе-кондитерской был продуман до мелочей: несколько лет назад на одном из интернет-аукционов всплыла фирменная чайная ложечка с надписью «ФЛЕЙ».

Кондитерская выпускала и собственный фирменный шоколад —



«Ольга». Сохранившиеся от него винтажные упаковки ныне можно пересчитать буквально по пальцам, хотя они очень красивы и отражают колорит эпохи начала прошлого столетия. Для оформления был использован рисунок миловидной барышни-шатенки, в пышную прическу которой (по моде начала XX века) были вплетены два больших цветка красного мака. Этот запоминающийся образ был создан популярной в то время американской художницей Френсис Брандейдж.

Накануне праздников, да и просто по случаю в кондитерскую заходил разномастный московский люд: солидные мамы с дочерьми, няни-бонны со своими воспитанницами, юные гимназисты и студенты. Все хотели побаловать себя вкусными сладостями или приобрести тающий во рту шоколадный презент для своей

пассии, предмета ночных грез и тайного обожания. Но ничто не вечно в этом мире, и революционные перемены рокового для России 1917 года поставили с ног на голову все и вся. В том числе и, казалось бы, такую незначительную мелочь как кафе-кондитерскую. В новых реалиях «творцов светлого будущего» она стала зримым воплощением ненавистного новой власти быта «проклятого» прошлого, со всей его буржуазной пошлостью, мещанством и любовью к прекрасным и тонким вещам. Все это просто-таки было необходимо отряхнуть как прах со своих ног.

Словом, если бы не коллекционеры, мы так бы и не узнали о существовании всего лишь век назад прекрасной кондитерской и вкусных шоколадных конфет. Так что, дегустируя очередной сладкий подарок, презентованный вам по случаю 8 марта, не спешите выбрасывать упаковку или обертку от конфет. А вдруг через сто с лишним лет, в XXII столетии, ваши внуки и правнуки станут обладателями единственного в своем роде материального свидетельства о существовании той или иной популярной ныне шоколадной марки, и простой фантик будет стоить целое состояние. Хотя... кто знает, как оно там будет?.. Просто наслаждайтесь вкусными сладостями и изредка вспоминайте тех, кто так же наслаждался ими 100 лет назад...

## МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ

Строчки и мотив этой трогательной песни в исполнении Аллы Пугачевой



хорошо знакомы нам с детства. Вот только многие ли из нас знают, что основана она на подлинном сюжете, приключившемся более ста лет назад в солнечной Грузии.

Грузинский художник-примитивист Нико Пиросманашвили (1862–1918), более известный как Нико Пиросмани, был выдающимся живописцем-самоучкой и настоящим самородком из народа. Несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, картины художника очень глубоки, а главное — душевны. Свои живописные полотна он большей частью раздаривал друзьям, да и просто знакомым, а то и вовсе отдавал за хлеб насущный — в прямом, буквальном смысле слова — за тарелку супа или рюмку водки. Рисовал зачастую не на холсте (который был для него роско-

шью), а на самой что ни на есть обычной однотонной клеенке, черной или белой.

Заказчиками работ художника были его соседи — владельцы различных мелких лавочек. Нико рисовал для них вывески и небольшие картины для украшения стен. Настоящая известность (как это, увы, нередко бывает с людьми творческими) пришла к нему лишь после смерти.

А при жизни Пиросмани, нежданно-негаданно для себя, влюбился. Кем же была та удивительная и загадочная женщина, которой художник подарил «миллион алых роз»?!

В 1905 году по Российской империи гастролировала юная и обворожительная певица-шансонье, танцовщица и актриса парижского театра миниатюр «Бель Вю» Маргарита де Севр. Среди прочих городов она

посетила и Тифлис. Ослепительную красавицу художник, которому было уже 43 года, впервые увидел на красочной афише: «Новость! Театр «Бель Вю». Только семь гастролей красавицы Маргариты де Севр в Тифлисе. Уникальный дар петь шансоны и одновременно танцевать кек-уок!», и тут же без памяти влюбился в ее портрет, а затем сумел побывать и на ее выступлении.

Увы, искреннее чувство художника не было взаимным. Гордая, ветреная и надменная красавица не удостоивала Пиросмани даже взглядом. А он... целовал землю, куда ступали ее ноги.

Вскоре наступил день рождения Нико. Он продал принадлежавшую ему харчевню (духан — по-грузински), а заодно и все другое принадлежавшее ему имущество и на вырученные деньги скупил все цветы в городе. Девять (!) повозок с цветами отправились к тифлисской гостинице, где остановилась Маргарита де Севр, и вся площадь перед ней была устлана цветами. Конечно, среди моря цветов были не только розы всевозможных расцветок. И не только алые. Благоухали повозки с сиренью, жасмином, акацией, настурцией, диким боярышником...

По легенде, актриса увидела море цветов со своего балкона, вышла к художнику и поцеловала его. Версия очень красивая и романтическая. Правда, есть и другая, вполне себе прозаическая: согласно ей, художник и певица так никогда и не встретились. Нико послал ей цветы, а сам... отправился кутить с друзьями. А обиженная на него Маргарита де Севр

уехала на гастроли в другой город и вскоре забыла своего сумасбродного воздыхателя.

Нико узнал ее парижский адрес. Писал своей возлюбленной трогательные, полные любви и нежности письма. Одно, другое, третье. Исписал целую пачку. Но она так и не ответила. Спустя несколько лет Нико в свойственной ему примитивистской манере написал картину «Актриса Маргарита» — в память о безответной любви всей его жизни. Справиться со своим чувством, забыть «свою» Маргариту он так и не смог, от отчаяния и боли впал в депрессию, и его жизнь стремительно и неумолимо покатила под откос.

Остаток своей жизни Нико Пиросмани провел в трущобах Тифлиса в одиночестве и бедности, если не сказать в нищете. (Все как в песне. Кстати, текст песни «Миллион алых роз» написал поэт Андрей Вознесенский, а музыку к ним — Раймонд Паулс. Миньон (мини-альбом) Аллы Пугачевой с одноименным названием был впервые выпущен фирмой «Мелодия» сорок лет тому назад, в 1982 году.)

Финал Нико был страшным: в апреле 1919 года больного и голодного художника случайно нашли в одном из заброшенных тифлисских подвалов. Его отвезли в больницу, но спустя полтора дня художник умер, не приходя в сознание. Был ли это свирепствовавший тогда в городе тиф, или организм не выдержал весеннего переохлаждения, так и осталось неизвестным. Нико Пиросмани было всего 56 лет.



...В 1968 году, спустя полвека после смерти художника, в Париже с немислимым триумфом проходила выставка Нико Пиросмани. Да не где-нибудь, а в самом Лувре! Его творчество стало признанным, арт-дилеры буквально «охотились» за любым из его набросков, даже сам мэтр живописи Пабло Пикассо чрезвычайно высоко отзывался о творчестве грузинского художника. На эту выставку как-то пришла одна пожилая женщина. Во всем ее облике, манере и одежде чувствовались былая красота, шарм и обаяние. Она долго и внимательно ходила по залам, рассматривая каждую картину Пиросмани. Наконец остановилась у полотна «Актриса Маргарита» и долго пристально рассматривала картину. А потом не смогла сдержать слез, и они заструились из некогда обворожительных глаз. На картине «Актриса Маргарита» была изображена она, юная танцовщица Маргарита де Севр. В далекой солнечной Грузии, давным-давно, в другой жизни...

...На картинах Нико Пиросмани сохранил для нас, своих далеких потомков, красоту грузинского застолья, горные пейзажи Кавказа, быт грузинских сел, ароматные виноградные лозы, животных с необыкновенным взглядом почти человеческих глаз, девиц легкого поведения с глазами Мадонны. Этот непонятый и непризнанный при жизни грузинский Ван Гог, изображен на местной банкноте в 1 лари. И не будет большим преувеличением сказать, что практически каждый грузин носит его у себя в кошельке.

Любая (!) из картин художника, за которую при жизни он получал немногим больше ломаного гроша, стоит нынче целое состояние. Впрочем, Нико этого так никогда и не узнал. Да и вряд ли такая информация, если вдруг даже каким-то непостижимым образом стала бы ему известной, пригодилась бы Пиросмани, который жил творчеством и чувствами. Как и всякий настоящий художник с большой буквы. Время все расставило по своим местам. □

# Три письма..... ..... к любимой

## ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Тебя уже давно нет рядом со мной, поэтому для выражения всех своих чувств вновь приходится прибегать к избитым словам, без которых мы прекрасно обходились, когда были вместе. Даже часть порыва души передать через них невозможно, потому что никаких слов не хватит для определения всего того, что ты для меня значишь, что хочется выразить, и никак не получается. Но наступит день, и мы обязательно встретимся вновь, и тогда будут говорить наши глаза, руки, губы, что у них прекрасно получалось прежде.

Я окружу облаком поцелуев нашу встречу, подобно цветам, а не пустых бессмысленных вздохов, томных взглядов, неуместных воспоминаний. Пусть расцветут в нем твоя улыбка, твой смех, твоя радость. А разлуку мы навсегда разорвем на тысячи мелких кусочков и пустим по ветру, как обрывки никому не нужной выцветшей бумаги. Море твоих

глаз примет меня и охватит бездонной синевой неба, а я осторожно проникну в него нетерпеливыми губами...

Если ты устанешь — стану легким облаком, чтобы ты смогла спокойно отдохнуть в его тени после пронесшейся бури. А потом ты обратишься парусом в моих руках, снова несущим меня по волнам счастья. Одарить меня запахом сена и меда, запахом твоих волос, золотых от солнца, черных от ночи, запахом твоей кожи, твоего тела. Отдай мне соль ненужной для тебя одинокой слезинки радости, при встрече затерявшейся в уголке глаз твоих и сладость ожидающих податливых губ. А я подарю тебе все остальное, что имеется у меня, и чего еще нет. Все — тебе, будь полной хозяйкой в моем мире. И тогда убедишься: не надо больше никаких слов, зачем они, если и так все ясно? Женщины любят ушами, но ты не такая, как все.

Вот как будет, когда мы снова встретимся. Я найду тебя снова, на-

зло всему мешающему нам быть вместе среди миллионов других людей. И не отпущу на этот раз, как раньше! Ни за что не отпущу тебя — ты слышишь?!

Никогда не любил писать письма, пожалуй, больше мне нечего сказать. Помнишь, у Экзюпери в «Маленьком принце» — «жажда сердца»? Это она водит моей рукой, и только ты одна сможешь ее утолить.

Пусть столько раз подобное говорили и писали до меня, но я не могу снова не признаться тебе в том, что для этих чувств просто нет другого названия:

«Я люблю тебя!» — об этом кричит каждый километровый столбик на железнодорожных путях между нами. Ты слышишь это там, в твоём далеке? Я не могу без тебя, я брежу тобой, я люблю тебя...

Верю, что будущее за нас, разве может быть иначе? И если там, наверху, кто-то нас видит и слышит, он обязательно нам поможет. А если нет — что ж, обойдемся сами, мы сможем, правда?

Жди меня!

## **ПИСЬМО ВТОРОЕ**

Вот и опять я пишу тебе, хотя так еще и не решился отправить предыдущее письмо. Но я не могу не писать. Я не обращаюсь к тебе, как принято в «вежливых» письмах «по этикету», да и каким подходящим словом назвать тебя — мою любовь, мое счастье, мой воздух,

мою жизнь? Ты — это ты, и сама все это прекрасно знаешь!..

Всякий раз воспоминания вонзаются в меня острыми осколками, когда я прохожу без тебя мимо мест наших встреч, где мы бывали вместе. Такое же чувствую, когда звучат наши любимые песни, или повторяя про себя накрепко запомнившиеся однажды произнесенные тобою слова. Много всего, что мне осталось на память о тебе. Время идет, проносится мимо, и это уже время нашей разлуки. Она заползает в меня коварной змеей, настойчиво пытается стереть твой образ, постепенно разъедает изнутри, подобно ржавчине, и ею заполнены все дни, что бы я ни делал. Жизнь кажется невыносимой без тебя, никто не может сравниться с тобой, даже частично заменить тебя. Это похоже на болезнь, от которой невозможно излечиться.

Я опасаясь только, что все мои фразы покажутся тебе пестрыми цветами, украденными с чужих клумб. Но в них лишь маленькая частичка того, что ты для меня значишь, отражение моих чувств, запечатленное в словах. Главное между нами — быть до конца правдивыми, как уговорились.

Я надеюсь на чудо: жду, что ты мне сама первая напишешь после всего, что произошло. Я молю: пусть это чудо свершится, когда я пишу тебе эти строчки, как заклинание, когда просыпаюсь, когда не могу заснуть, думая о тебе, когда несусь

куда-то в суматохе дней. Написанные мною слова — как молитва, как оберег нашего чувства.

«Я люблю тебя!» — шумит во мне ежесекундно, постоянно, как морской прибой в ушах. Мы с тобой так и не успели побывать вместе на море, мы вообще много чего не успели. Но это впереди, не может быть, чтобы у нас ничего там не осталось общего. А пока я виртуально дарю тебе целое море. Оно прекрасно и огромно, как наша любовь. Поверь мне. У него есть волны, которые неугомонно набегают на скалистый берег, разбиваются, отступают и, собравшись с силой, возвращаются вновь. Большие и неотвратимые. Сильные и осторожные. Словно ленивые звери, словно губы, снова и снова шепчущие на ухо слова припева колыбельной, словно руки моря, неистово глядящие берег. Они гипнотизируют, завораживают своей настойчивой лаской, неумолимо и непрерывно. Отступая назад, манят за собой в даль, туда, где море смыкается с небом на горизонте. А иногда, обычно спокойные и добродушные, они внезапно превращаются в огромные пенящиеся валы, которые с безудержной животной яростью обрушиваются с грохотом на скалы и разбиваются перед смертью на множество мгновенных фонтанов и водопадов.

Впрочем, волны не умирают, потому что не живут, потому что бесконечно с тупой монотонностью

стремятся повторить одну и ту же, им одним ведомую форму, которая не имеет никакого развития. Живет море, а волны лишь его вздохи, касающиеся берегов, словно оно целиком тоскует неведомо о чем.

Возьми себе это море, отныне оно твое. И это ничто по сравнению с тем, что я готов отдать тебе. Ты изменила мое видение мира, чудесно преобразила его. И я возвращаю тебе эту данность вместе со своей любовью. Мне ничего не жалко, потому что, когда встретимся снова, я стану неизмеримо богаче, чем сейчас без тебя. Ты — мое настоящее сокровище.

Если бы ты знала, как меня бесит каждый день, проведенный без тебя, сознание, что ты так далека...

## **ПИСЬМО ТРЕТЬЕ**

И снова здравствуй!

Снова — потому что мною уже написаны тебе два письма, хотя я так и не опустил их в почтовый ящик, не отправил электронной почтой. Может быть, побоялся, что твой ответ перечеркнет все драгоценное, столько времени вынашиваемое во мне, разом уничтожит всю эту необъяснимую прекрасную магию? А, может быть, в последний миг посчитал, что все эти слова, в которых я пытался, насколько мог, отразить свои чувства, могли показаться тебе надуманными и выспренними, ненастоящими, никчемными и банально пустыми. В общем, трусил. Скорее



всего — так. Да и к чему эти излияния? Только прости меня за все.

Казалось бы, самое простое — взять, да и прилететь к тебе, но между нами кроме лета в несколько часов моя работа, которая ежедневно крепко держит меня. Да и не наскребу сейчас даже на самый дешевый авиабилет. Много разных мелочей, каждая в отдельности равным счетом ничего не значит, вместе же огромным снежным комом никак не дают мне вырваться из текучки. К тому же я не знаю, ждешь ли ты меня по-прежнему, обрадуешься ли моему появлению? Может быть, у тебя появился кто-то другой, тот, кто заменил меня, стал для тебя лучшим, с кем ты чувствуешь себя счастливой и защищенной. Тогда я тебе совершенно не нужен. Зачем ворошить прошлое, навязываться против твоей воли? Больше всего не хочу выглядеть смешным в таком случае.

Но нет, не верю. Мы еще непременно увидимся, нам нельзя друг без друга. Разве ты этого не чувствуешь? Целую тебя всю-всю. Повторяй за мной, как слова молитвы, как заклинание: мы будем вместе! Мы обязательно будем вместе...

Исписанные от руки потрепанные, пожелтелые страницы трех неотправленных писем напоминают засохшие прошлогодние листья. А в них все, что осталось от того волшебства.

Куда же уходит любовь? Разве может она просто так бесследно сгинуть, подобно прочим иллюзиям?! Ведь должно же остаться что-то еще, кроме мертвой бумаги и углей воспоминаний? Неужели это чувство столь поверхностно и недолговечно, что первый же холодный дождь может смыть его, с грохотом унести по водосточным трубам? И правда ли, что любовь — всегда костер, не подкинешь дров — погаснет?

Все обеднело и поблекло. Пустота закралась внутрь. Словно жестокое похмелье, правда, голова не болит, но все равно еще хуже, и на сердце тяжело. Три письма на столе — вовсе не бездушные тупые смс-обрубки. И не безличность электронной почты, где вместо живого почерка отправителя стандартный общий кегль значков для всех. Но они теперь как-то нелепо, по музейному, что ли, выглядят со стороны, хотя в них еще можно найти былую теплоту посланий из совершенно другого, прежнего мира. Возможно ли отыскать в него обратную дорогу? Вряд ли, глупо рассчитывать, что могла остаться хотя бы маленькая лазейка, ведущая туда тропка в сплошной веренице проносящихся серых дней.

Порывом залетевший в открытое окно ветер бесцеремонно смел невесомые листки, беспорядочно разбросав их по полу. Стоит ли их поднимать, стоит ли тратить на это время и силы?.. □

Дмитрий Зелов

# Не кормите динозавров **В ПАРГОЛОВО**

Фото автора



Об этом нам безапелляционно сообщает при входе в старинный парк информационный плакат. Или, скорее, предупреждает: ведь территория древней графской усадьбы огромная. Мало ли что может приключиться...

## **А ГДЕ ЭТО ВООБЩЕ?**

На северной окраине Санкт-Петербурга раскинулся огромный тенистый парк с каскадом искусственных прудов причудливой формы. А магическим местом притяжения

служит дворцовый комплекс графов Шуваловых. О петербургской усадьбе Парголово, о ее прошлом, настоящем и, возможно, вероятном будущем и пойдет наш рассказ.

Несмотря на то, что Парголово входит сегодня в черту второго по величине города в России, является объектом культуры федерального значения и включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, эта усадьба малоизвестна даже в самой северной столице. В отличие от всемирно прославленных петербургских пригородных дворцов: Петергофа, Царского Села, Стрельны, Ораниенбаума и Павловска.

Причина этого странного, на первый взгляд, парадокса — до самого последнего времени дворцовый комплекс усадьбы графов Шуваловых находился в ведомственном подчинении одному из закрытых научно-исследовательских институтов. В настоящее время идет переходный период, связанный с процессом перехода имущественных прав, обретением нового собственника и разработкой проектов по комплексному восстановлению дворцового комплекса графов Шуваловых. В результате свободный доступ на территорию усадьбы (в отличие от парка и церкви) пока закрыт. Попасты в здание бывшего дворца все же можно, но лишь в составе организованной группы и по предварительной записи. Зато потраченные время, силы и средства окупятся сторицей, ибо внутри, за старинными две-

рями, перед вами откроются уникальные интерьеры, помноженные на изысканный, хотя и сильно поблекший за прошедшие столетия колорит навсегда исчезнувших эпох.

А между тем, из дореволюционного путеводителя 1843 года по окрестностям столицы Российской империи можно было узнать, что «по очаровательному местоположению и превосходному устройству сада трудно найти ныне в окрестностях столицы столь же приятное для гуляний и сельской жизни место, как Парголово». Собственно, с тех самых пор мало что изменилось, разве что столицу перенесли в Москву да сельская пастораль окрестностей сменилась урбанистическим пейзажем. Но Парголово по-прежнему очаровательно и притягательно: его тенистые закоулки, в которых так легко затеряться от суеты мегаполиса, настраивают на романтический лад.

## **ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ**

Происхождение названия усадьбы скрыто во мгле времени и уходит в седую древность. Впервые поселение Паркола, располагавшееся на берегу одноименного ледникового озера, упоминается в Новгородской переписной окладной книге Водской пятины за 7008 (или в более привычной для нас системе координат — 1500 году). По одной из наиболее авторитетных версий, топоним «Парголово» восходит к фин-

скому perkele — черт. И действительно, на заре основания Санкт-Петербурга дикий вид этой весьма отдаленной от нового стольного града местности, ее возвышенности, перемежаемые глубокими, сырыми оврагами с дремучими сосновыми лесами внушали жившим здесь окрестным финнам и ижоре суеверный страх. Не иначе как тут водился нечистый.

Впрочем, на территории будущего дворцово-паркового комплекса на речке с характерным названием Заманиловка была небольшая шведская мыза, отмеченная на свейской карте 1662 года как Кабилуя. Накануне завоевания русскими местность принадлежала королевскому наместнику Штейну фон Штейнхауху, а сама Паркола лежала на стратегической для Швеции сухопутной дороге из Ниеншанца, что располагался в устье Охты, в Выборг.

Вот эти-то земли (бывшую шведскую мызу с окрестностями) основатель блистательного Петербурга подарил своей дочери, будущей императрице Елизавете Петровне. В год 1703-й, год основания новой столицы Российской империи, тут, в Парколе, произошло сражение русских со шведами: при прокладке в начале XX столетия линии узкоколейки на торфоразработки железнодорожные рабочие, сами того не ведая, совершили археологическое открытие, раскопав останки погибших воинов и их оружие с доспехами.

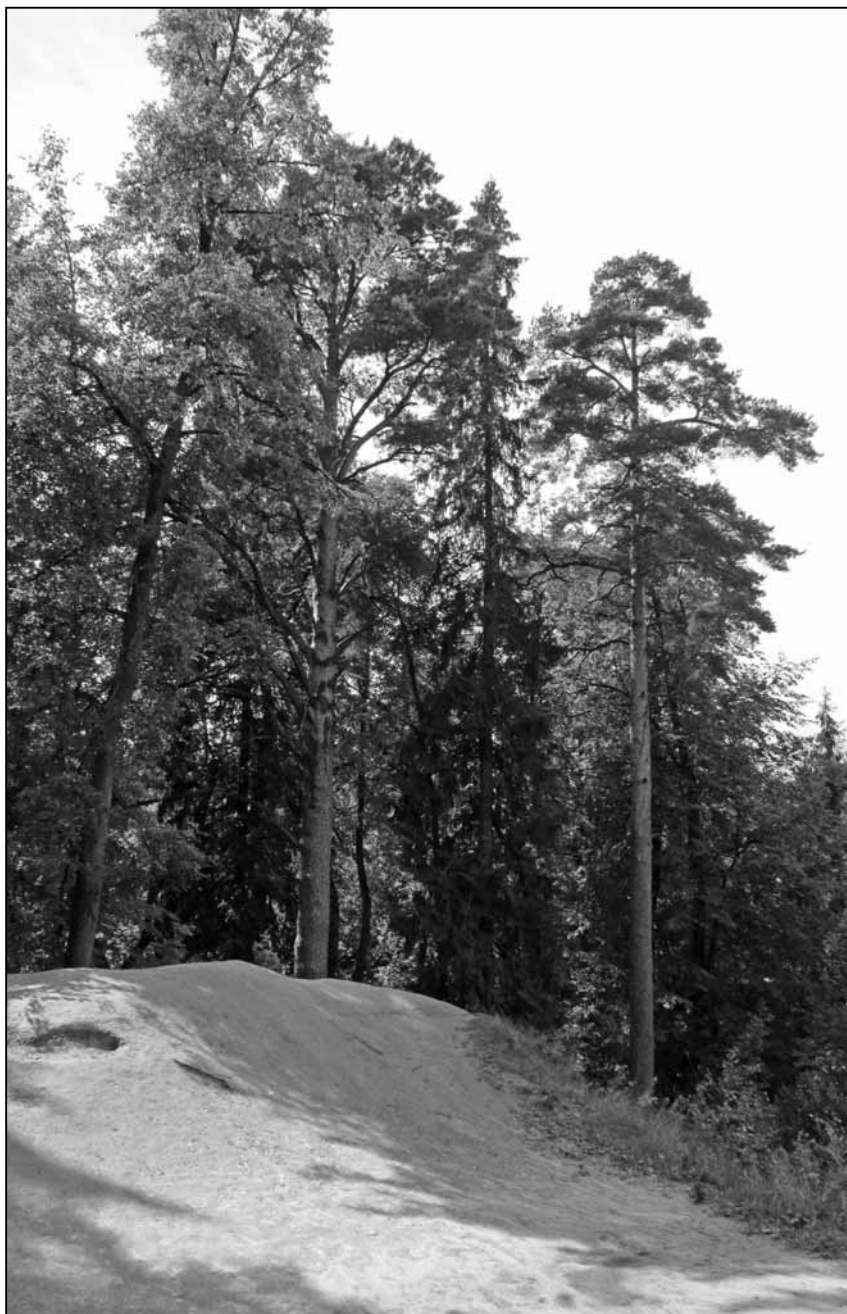
Когда дочь Петрова сама стала российской владычицей, то, укрепившись на троне и возведя сенатора и будущего главу российского правительства Петра Ивановича Шувалова в графское достоинство, подарила ему Парголовскую мызу со всеми окрестностями. Случилось это в 1746 году.

Род Шуваловых владел окрестными землями более полутора столетий: южную часть «шуваловской округи» хозяева заселили суздальскими крестьянами, что нашло отражение в местной городской топонимике — Суздальские озера и современный Суздальский проспект.

## **РАСЦВЕТ УСАДЬБЫ**

С ростом населения блистательного Санкт-Петербурга известность Парголово как популярного места отдыха в течение века только увеличивалась. В погожие летние дни путь на загородную прогулку по Выборгскому тракту лежал через Парголово, и к 1844 году из-за наплыва почтенной публики, желавшей отдохнуть в сих краях, даже открыли линию «Спасских дилижансов». В пореформенное время обозначившаяся в первой половине позапрошлого столетия тенденция только усилилась: в 1870 году через территорию усадьбы прошла линия Финляндской железной дороги с одноименной станцией, что еще больше увеличило наплыв отдыхающих.

В Шувалово, как стали называть в обиходе окрестности усадьбы, зачастую на отдых представители творческой интеллигенции: на местных дачах отдыхали писатели Иван Тургенев и Дмитрий Мамин-Сибиряк, поэты Николай Некрасов и Аполлон Майков, композиторы Модест Мусоргский и Милий Балакирев. Художник Иван Шишкин очень любил окрестности Парголово, чьи живописные виды не раз отражал в своих картинах и офортах. А знаменитый композитор Николай Римский-Корсаков так и вовсе венчался летом 1872 года с пианисткой Надеждой Пургольд в усадебном храме Петра и Павла (1840), выстроенном в изысканном неоготическом стиле по проекту столичного архитектора Александра Брюллова, родного брата прославленного живописца.



## **ШУВАЛОВСКИЙ ПАРК**

В веке XIX назвался он Парголовский сад, и его живописные и романтические виды неоднократно запечатлевали на своих полотнах и офортах мастера кисти и красок, карандашей и резцов. А благодаря оригинальной задумке выходца из Саксонии ландшафтного дизайнера Петра Эрлера (того самого, который несколько позже создал уникальный ансамбль Петергофа) окружающий ландшафт был

творчески преображен. В 1820-е годы садовых дел мастер активно принялся за Шуваловский парк и в итоге... преобразил 136 гектаров обычного смешанного леса: по завершении работ в парке были высажены ели, ольха, дубы и многие другие

ских людей на создание ими своих бессмертных шедевров. Впрочем, существует и альтернативная, вполне себе прозаическая версия названия: Парнас — это аббревиатура от слов «парголовская насыль». Как бы там ни было, но с вершины Парнаса



ценные породы деревьев. Думая о флоре, не позабыл Эрлер и о фауне — в Шуваловский парк были завезены 43 вида птиц.

Многие из интересных садово-парковых парголовских затей дошли до наших дней, хотя неумолимое время и оставило на них свой неизгладимый отпечаток. Например, изрытая таинственными и загадочными подземными лабиринтами рукотворная гора Парнас (61 м) — еще в XVIII столетии ее насыпали крепостные графа Шувалова. Название было всем понятно и отсылало к древнегреческим мифам — ведь гора Парнас была приютом бога Аполлона и муз, которые вдохновляли творче-

вплоть до конца прошлого века (пока перспектива не была застроена разномастными высотными зданиями) в хорошую, ясную погоду можно было увидеть блестящий на солнце купол Исаакия.

Внимательно приглядевшись к плану Шуваловского парка, у подножия той самой горы Парнас можно увидеть, что один из прудов удивительно напоминает манишку — а называется он «Рубашка Наполеона», хотя самого известного французского императора здесь никогда не было. Это еще не все, над «Рубашкой» нависает другой пруд — «Шапка Наполеона». Есть в шуваловском парке и совсем небольшой прудик почти

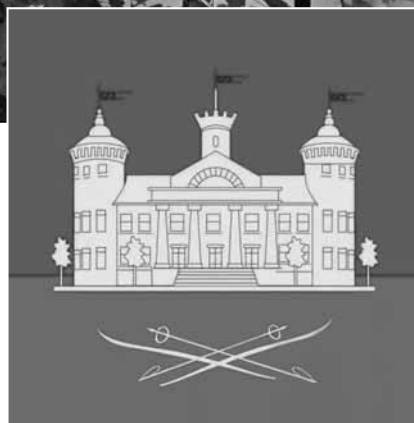


идеально круглой формы, названный «Копеечка», объяснение лежит на водной поверхности, гладь которой бороздят кричающие от удовольствия утки, когда отдыхающие приходят к его берегам, чтобы подкормить их.

## **ПЕТЕРБУРГСКАЯ РУБЛЕВКА**

На рубеже столетий, накануне драматичных революционных событий, окрестности Парголово превратились в невероятно популярную дачную местность, на которой с удовольствием творили и отдыхали не только состоятельные жители столицы необъятной империи, но и

### *Герб Парго- лово*



многие выдающиеся деятели отечественной культуры.

Длительный период неподалеку от старинной усадьбы на даче в деревне Старожиловка жил известный музыкальный критик Владимир Стасов, частыми гостями у которого были живописцы Илья Репин и Василий Верещагин, скульпторы Марк Антакольский и Илья Гинцбург, оперный певец Федор Шаляпин и писатель Максим Горький.



*Федор Васильев. «Пейзаж. Парголово». 1868 г.*

Петербургские врачи рекомендовали больным, нуждавшимся в климатолечении, но не имевшим возможности выехать в Крым, лечение в Шувалово. Надышаться в лесу целебным свежим воздухом, успокоить расшатанные нервы.

И действительно, еще из окна дачного поезда при подъезде к Парголово открывался изумительный красоты вид: пронзительно-синяя гладь озер и высокий, обрывистый берег, на котором возвышалась прекрасная, словно воздушная, устремленная ввысь церковь. Дачное Парголово вековой давности — это выстроенные в модных тогда стилях модерн или эклектика большие, но в

то же время изящные деревянные дома, утопавшие в зарослях сирени и жасмина, это самовар на углях в саду, прогулки по аллеям и дорожкам Шуваловского парка к Суздальским озерам.

И недаром именно в Парголово, находилась знаменитая клиника врача тибетской медицины Петра Бадмаева, крестника императора Александра III и затем лечащего врача Николая II и членов его семьи. На приобретенном здесь участке земли Бадмаев на рубеже XIX–XX веков разбил огород, на котором выращивал целебные травы, использовавшиеся им в его врачебной деятельности.



По соседству во второй половине XIX столетия выросла Ново-Парголовская колония — одна из многочисленных немецких колоний на окраине Петербурга, чьи нарядные и аккуратные домики радовали глаз отдыхающих в здешних краях. Кстати, по отзывам очень многих современников тех лет, парголовская местность по праву считалась одной из красивейших на всем пути от столицы Российской империи до Гельсингфорса (нынешней столицы Финляндии).

В начале прошлого столетия хозяин усадьбы сменился — в 1903 году после смерти последнего из графов Шуваловых усадьба Парголово перешла из знатного рода графов Шуваловых в не менее знатный род Воронцовых-Дашковых. Последней хозяйкой усадьбы стала Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова, урожденная графиня Шувалова. Вместе со своим мужем, Илларионом Воронцовым-Дашковым, бывшим царским министром Императорского двора и уделов и личным другом почившего императора Александра III, эта супружеская чета являлась одними из крупнейших землевладельцев России.

В 1912–1915 годах по проекту модного столичного архитектора Степана Кричинского, работавшего в стиле эклектики (его многочисленные творения до сих пор украшают град Петров, а самым известным является дом эмира Бухарского на Каменноостровском проспекте), в шу-

валовском парке было выстроено новое главное здание усадьбы — Большой дворец (взамен старого, сгоревшего). Кстати, родной брат архитектора Иван Кричинский был управляющим парголовского имения, а сам зодчий несколькими годами ранее построил в усадебном парке здание Конного двора. Каменных дел мастер попытался сохранить для именитых и богатых хозяев в начавшемся XX столетии ауру присутствия былой эпохи. А потому отошел от модных архитектурных веяний и просто построил Большой дворец в стиле неоклассицизма, стилизовав экстерьер здания под каноны палладианской архитектуры русского разлива: попадая после прогулки по парку в залы дворца, посетитель словно погружался в век XIX или даже XVIII, как бы оказываясь в неторопливо-неспешном мире своих именитых предков.

Впрочем, эта прекраснодушная в своей наивности идея была неминуемо обречена на провал: в 1914 году началась Первая мировая война, а спустя всего лишь несколько лет от прежнего, казалось бы, навечно устоявшегося порядка и мироустройства не осталось и следа: революция 1917 года поставила все с ног на голову. Внутреннюю отделку закончить так и не успели. Есть, между прочим, версия, что приближенные к венценосным Романовым хозяева Парголово собирались по завершении отделочных работ в Большом дворце преподнести его в дар наследнику

престола, царевичу Алексею. Сам же Степан Кричинский планировал разбить рядом со старинной усадьбой город-сад и даже разработал оригинальный проект своей идеи, оставшейся, увы, утопией. А вскоре, после неизбежной национализации, в Парголово обосновались новые хозяева, у которых были уже свои представления о прекрасном и, в духе времени, целесообразном.

...В годы Великой Отечественной войны в Большом дворце разместился запасной штаб Ленинградского фронта. Сюда к командующему фронтом Леониду Говорову однажды даже приезжал сам Георгий Жуков. Естественно, что военные использовали подземные катакомбы горы Парнас для своих нужд.

В 1991 году несколько не в меру любопытных школьников решили, на свой страх и риск, обследовать подземелья Парнаса. В результате они заблудились, а потом их еще и засыпало землей. В ходе масштабной спасательной операции, к которой подключили даже метростроевцев, часть горы Парнас была срыта. Ребят нашли, но, увы, не все из них пережили подобное «захватывающее» приключение.

На современном гербе Парголово в верхней его части помещен старинный замок — это стилизованное изображение дворца графов Шуваловых и одновременно изображение внешне схожего с ним пригородного вокзала одноименной станции

(1906), стилизованного под замок в стиле модерн финским архитектором Гранхольмом Бруно. А в нижней части герба — перекрещенные лыжи с палками. Еще до революции, когда Парголово было ближайшим к Санкт-Петербургу пригородом, здесь существовал лыжный клуб «Полярная звезда» — один из старейших в России. Традиция продолжилась и после Октября, дав Стране Советов целую плеяду замечательных лыжников, многочисленных призеров всевозможных спортивных соревнований и состязаний. Соревнования «Парголовская лыжня» проводятся и в наши дни, правда, раз на раз не приходится, климат стремительно меняется и морозные, снежные зимы теперь подарок природы для любителей активного зимнего отдыха.

Как известно, у природы нет плохой погоды. Прогуляться в Парголово можно всегда: в летний зной в тенистых аллеях парка загадочно и прохладно, поют на все голоса птицы, в прудах плавают утки, а по ветвям играют в «догонялки» шустрые белки. Зимой же, когда ярко светит солнце и хрустит, искрясь под ногами, снег, так здорово прокатиться на лыжах, любясь на старинные постройки. Будем надеяться, что в обозримой перспективе дворцовый комплекс старинной усадьбы и Шуваловский парк станут полноценным музейным пространством, на радость многочисленным гостям и жителям северной столицы. □

Екатерина Васильева служит в Малом театре с 2011 года — с самого момента окончания театрального училища имени М.С. Щепкина. На этой знаменитой сцене она создает яркие, запоминающиеся образы: старуха Мирониха — «Последний срок», Софья — «Горе от ума», принцесса Генриетта — «Молодость Людовика XIV» и другие. Екатерина пробует свои силы и в кино: «Особый случай», «След», «Выжить после», «Бесприданница».



Фото из личного архива

# Екатерина Васильева



«Я — натура увлекающаяся»

**— Мы живем в сложное время, когда весь земной шар охватила пандемия. В связи с этим существуют различные ограничения, трудности, увы, но жизнь во многом изменилась... Екатерина, как актеры работают сегодня?**

— В Малом театре, где я служу, как и прежде, выпускаются спектакли, идут репетиции, в театр приходят зрители, выезжаем на гастроли.

Не так давно были на гастролях в Дагестане и Чечне, и у меня остались интересные воспоминания. Мы впервые выезжали так далеко, но никаких сложностей не было. Зрителей в зале было много, они с удовольствием смотрели наши спектакли.

В Дагестан возили русскую классику: «Недоросль» по Д.И. Фонвизину и постановку «Не все коту масленица» по А.Н. Островскому. Нас по-



**новка «Последний срок» по повести писателя Валентина Распутина. Распутин долгие годы дружил с Малым театром ...**

— В позапрошлом году мы выпустили премьеру — спектакль «Последний срок» по одноименному произведению Валентина Распутина в постановке Юрия Мефодиевича Соломина, где я играю 85-летнюю старуху Миронику.

Распутин приезжал к нам, видел спектакль, говорил много добрых слов и мечтал, чтобы мы все приехали на гастроли в Иркутск. К сожалению, этого так и не случилось, через год он ушел из жизни...

Спектакль о том, как рушатся родственные связи, как люди забывают о своих корнях. Интересно, что «Последний срок» был моим первым спек-

просили привезти комедии, чтобы народ воодушевился, воспрял духом, и нам это удалось. Принимала публика великолепно, народ очень дружелюбный и щедрый, угощали артистов национальными блюдами. Это были одни из лучших гастролей в моей жизни. Играли по три спектакля в день: утром, днем и вечером — для разной возрастной аудитории. Потом театр поехал в Чечню, и там тоже гастроли прошли хорошо.

**— Репертуар Малого театра основан на русской классике, но на сцену вернулась поста-**



таклем в Малом театре, когда я пришла в труппу после училища. Прошли годы, Юрий Мефодиевич решил его восстановить, и я вернулась как бы на десять лет назад. Роль Мирониhi мне всегда интересно играть, потому что это невероятное перевоплощение, это редкая возможность почувствовать себя на сцене 85-летней пожилой женщиной, одним словом, хороший актерский опыт.

В основном в театре мне дают роли, так называемых, страдающих героинь, например, принцесса Генриетта в спектакле «Молодость Людо-





вика XIV» по пьесе А. Дюма-отца, и мне важно выйти за эти рамки, так сказать, за пределы своего существования. Мирониха тому пример.

Еще я играю Софью — дочь Фамусова в комедии «Горе от ума». Эта роль стала переломной в моем творчестве, именно в ней я могу прожить целый спектр чувств.

Юрий Мефодиевич Соломин сам играет Фамусова, и это счастье учиться у своего Мастера, я безмерно благодарна ему за возможность играть с ним на одной сцене.

**— «Молодость Людовика XIV» — шикарный спектакль, постановка Юрия Мефодиевича Соломина, костюмы от Славы Зайцева, которые хочется рассмотреть детально, зритель целиком и полностью завораживается и погружается в атмосферу той эпохи. Когда состоялась премьера этой постановки?**

— В 2014 году, и с тех пор имеет большой успех у публики — тонкая, остроумная комедия. А какие интересные исторические образы: Мольер, Мазарини, Филипп герцог Анжуйский, Анна Австрийская, граф де Гиш... Я играю Генриетту, эта хрупкая, молодая девушка спасла судьбу Англии, добившись возвращения на престол своего брата Карла II.

**— Екатерина, есть ли у вас увлечения в жизни помимо служения профессии?**



— Я — натура увлекающаяся, на сегодняшний день у меня главное хобби — конный спорт, в детстве я занималась верховой ездой и сейчас, спустя двадцать лет, к нему верну-

лась, потому что очень люблю лошадей. Важно понимать, что без любви к этим удивительным животным не удастся освоить конный спорт. Лошадь отлично чувствует настроение

седока и даже перенимает его. Нужно уметь наладить контакт с лошадью и правильно себя вести, уметь оценивать точно каждое ее движение и свои задачи. Научить контакту с ней вас не сможет никто — сам всадник должен это почувствовать, вообще, это единственный вид спорта, который подразумевает контакт с животным.

Конный спорт — уникальная возможность совместить приятное времяпрепровождение с физической нагрузкой. Я езжу в конный клуб на тренировку через всю Москву, на дорогу уходит два с половиной часа, но что поделаешь, занятия того стоят. Именно на лошади ты расслабляешься, получаешь невероятное наслаждение, когда общаешься с этим умным, трепетным животным...

Я окончила магистратуру при Щепкинском училище и сейчас, частным образом, готовлю абитуриентов к поступлению. Преподаю актерское мастерство. Многие из учеников поступили в ведущие вузы страны.

Итальянский язык — тоже мое хобби, я его хорошо знаю, еще в детстве бывала в Италии, потом много путешествовала по этой прекрасной стране. Итальянский язык я сдала на степень в Институте итальянской культуры — написала свой аудиокурс для начинающих, Вообще, мне очень нравится сам процесс взаимодействия с людьми.

Одна из моих учениц изучила итальянский язык и поступила в Италии в вуз — учиться там на архитектора.

Еще очень люблю читать, у меня под рукой одновременно 4–5 книг, из последнего — это Виктор Пелевин «Тайные виды на гору Фудзи», Паоло Коэльо «Дневник мага», люблю читать духовную литературу: Майкл Роуч — «Алмазный огранщик». Роуч провел двадцать лет в тибетском монастыре и стал первым западным иностранцем, кто получил «геше» — степень буддийского доктора философии.

**— А кино вы любите? Какие фильмы вам интересны? Что можете порекомендовать к просмотру?**

— Мне нравятся фильмы про любовь к природе, про Вселенную, авторское кино...

Могу пересматривать классическое итальянское кино, Феллини, Висконти, все фильмы Ким Ки Дука, из Альмодовара: «Все о моей матери», «Возвращение», из наших кинематографистов мне интересны: Звягинцев, Вырыпаев, Сигарев...

**— Что пожелаете зрителям сегодня?**

— Самое главное — открывайте для себя постоянно что-то новое, увлекайтесь, будьте способны увидеть красоту мира... ▢

Беседовала **Елена Воробьева**



# Мадам Рекамье, *ее судьба и ее портреты...*



В первой половине 19 века в Европе не было художника, пользовавшегося большей любовью коронованных персон, чем немец Франц Крюгер (1797–1857). Невероятно работоспособный, мастер, тонко чувствующавший цвет и умевший передать характер своих моделей, он написал множество портретов, ныне украшающих галереи лучших музеев мира. Портрет принца Августа в военной форме можно увидеть в берлинском Музее Берггрюна. Он был написан в 1817 году. Тут все как полагается — настоящий принц, роскошный интерьер. А на стене висит портрет красавицы, полулежащей на кушетке. Видимо, она была очень дорога принцу, раз он попросил художника изобразить его на фоне этой картины. Имя ее — Жюли Рекамье. Одна из самых очаровательных и умнейших женщин своего времени, хозяйка литературно-политического салона, чьими гостями были практически все интеллектуалы той эпохи. А потому писали ее самые разные художники, и среди них Франсуа Жерар, автор картины на стене в кабинете прусского принца, Жак-Луи Давид и многие другие.

3 декабря 1777 года в семействе одного из лионских нотариусов, почтенного мсье Жана Бернара и его красавицы супруги Мари Жюли Маттон, родилась девочка, ее полное имя — Жанна Франсуаза Жюли Аделаида. Ребенка любили и баловали, а потому детство Жюли было вполне счастливым. Когда ей исполнилось 9 лет, мсье Бернар получил новую — более денежную и престижную — должность в столице, и Бернары переехали в Париж.

В возрасте 16 лет Жюли выдали замуж за весьма небедного банкира, который был старше ее на 26 лет. Звали его Жак Рекамье. Счастливый супруг поселил свою юную жену в роскошном особняке, который купил за немаленькие деньги у бывшего министра финансов Неккера.

Мадам Рекамье с годами становилась все прелестнее. При этом никто не мог сказать, что ее поведение отличалось легкомыслием и вседозволенностью — на фоне тогдашних нравов она выглядела безупречно. Вскоре на ее приемах, которые она принялась устраивать в своем доме, стали собираться лучшие умы того времени, причем не только Франции, но и других европейских стран. И так уж получалось, что ее поклонники, которых было всегда очень много, неизменно превращались в ее преданных друзей, а это умение дорогого стоит и говорит о ее незаурядном уме и такте.

И только с Наполеоном случилось иначе. Чести стать придворной дамой и «подругой императора» доби-

вались многие дамы, ведь это сулило определенные блага. Такое предложение получила в один прекрасный момент и Жюли Рекамье, но отвергла эту «честь», и Наполеон затаил обиду. Как посмела эта красотка отказать ему! Она заплатит за все!

Однако Жюли делала вид, что ничего не произошло, и по-прежнему принимала у себя в салоне гостей с самыми разными политическими взглядами и убеждениями, и часто — настроенными против императора. А в 1802 году и вовсе позволила себе невероятную дерзость — отправилась в путешествие по Англии, в то время непримиримого врага Бонапарта. Долгие годы ее ближайшей подругой была мадам Жермена де Сталь, писательница, умница, красавица и — ярая противница Наполеона.

В 1800 году мадам Рекамье, как это делали многие парижские аристократы, заказала свой портрет Жаку Луи Давиду (1748-1825). Этот выдающийся художник, автор знаменитой картины «Смерть Марата», бывший революционер, а ныне — верный слуга императора, за очень не малые деньги взялся написать портрет одной из самых ярких дам Парижа.

Но дело двигалось медленно, художнику постоянно что-то мешало. Так, например, он был не удовлетворен местом, выбранным для позирования, и предлагал возобновить работу над портретом в другом помещении, обещая, что это будет шедевр, «творение, достойное оригинала».

В конце концов, все это весьма утомило Жюли, и она предложила



*Франц Крюгер.  
«Принц Август  
Прусский  
в военной  
форме»*

другому, не менее тогда модному художнику, ученику Давида, Франсуа Жерару закончить работу. Узнав об этом, Давид пришел в ярость и, когда Жюли в следующий раз пришла к нему позировать, заявил: «У женщин есть свои капризы, а у художников — свои. Позвольте мне удовлетворить мой каприз: я оставлю ваш портрет в его теперешнем со-

стоянии». В общем, портрет так и остался недописанным, но и в таком виде он — настоящий шедевр, образец классицизма, украшающий сегодня собрание Лувра.

После некоторого конфликта с Давидом супруги Рекамье все-таки решили заказать портрет Жюли Франсуа Жерару, которого называли первым живописцем короля и королем



живописцев. Он был человеком непростым, обидчивым, с переменчивым настроением. Однако подобно многим другим, знакомым с мадам Рекамье, попал под обаяние ее красоты и, как и его учитель, тоже создал шедевр.

На картинах обоих художников на Жюли Рекамье римская женская туника белого цвета. Длинные, украшенные широкой полосой с вышивкой серебром или золотом, с рукавами с небольшими буфами, с поясом под грудью платья вошли в моду во всех странах Европы. Дамы делали себе высокую прическу, открывали плечи и руки и чувствовали себя настоящими греческими богинями.

После того как публика увидела картины Давида и Жерара, мадам Рекамье стала настоящей иконой

стиля. Тогдашние модницы старались, чтобы их прически, украшения и туалеты были как у прекрасной Жюли...

Мадам Рекамье по-прежнему царил в своем салоне. Теперь он стал литературно-политическим. Среди гостей — знаменитая писательница Жермена де Сталь, Жан-Жак Ампер, сын великого физика Андре-Мари Ампера, Евгения Богарне, дочь первой жены Наполеона Жозефины, господин Бернадот, будущий король Швеции, писатели Ламартин, Проспер Мериме и Сент-Бев. Жюли дружила с Бальзаком и Гюго, с Мюссе и многими другими, чьи имена навсегда остались в истории мировой культуры, но никто — до некоторого времени — не затрагивал ее душу. Она была со всеми равна и всеми увле-

Слева:  
*Жак-Луи  
Давид.  
Портрет  
мадам  
Рекамье*



*Франсуа  
Жерар.  
Портрет  
мадам  
Рекамье*

чена — и ее гости с удовольствием делились с ней своими взглядами и воззрениями, научными теориями и стихами, романами и политическими статьями. Жюли умела так заинтересованно слушать, так глубоко вникать в то, что ей рассказывали, что становилась настоящей музой, вдох-

новительницей, заставлявшей творить новое.

Но и в ее жизни была любовь — дважды она испытала это сильное и порой мучительное чувство.

В 1807 году, пережив глубокое горе — потерю матери, которая для нее была практически всем, — Жю-

ли уехала в Швейцарию, в Коппе, в поместье своей подруги мадам де Сталь. Тем же летом туда приехал принц Пруссии Август. И этот блестящий человек, молодой, храбрый, с отличной выправкой, сумел увлечь ее своей страстью. Конные прогулки, концерты, катания на лодке, беседы в парке, — в общем, Жюли потеряла голову и даже была готова развестись с мсье Рекамье. Она и принц Август обменялись письменными клятвами, что сочетаются браком, как только это станет возможным. У Жюли появился шанс стать прусской принцессой... Рекамье, понимая, что происходит, дал согласие на развод, однако все-таки написал, что он на грани разорения и что слаб здоровьем. Жюли не знала, что ей делать, и металась между чувством долга и страстью. Принц и Жюли непрерывно писали друг другу, это было мучительное для обоих время. После нескольких месяцев страданий и попытки самоубийства (она даже написала предсмертное послание Рекамье с просьбой позаботиться после ее ухода обо всех ее родственниках, а спас ее кузен, вырвавший из ее рук пилюли опиума, которые она не успела проглотить) Жюли приняла решение — она должна остаться с мужем. Остаться в Париже, который она так любила, со своими друзьями, без которых не мыслила свою жизнь. И, наконец, — с Рекамье, к которому испытывала глубокое дочернее чувство. Но на память она подарила принцу свой портрет работы Жерара...

А второй ее любовью и поистине ее судьбой стал Рене Шатобриан, известнейший в те годы писатель, один из первых представителей романтизма в литературе, автор «Парадокса китайского мандарина», морально-этического парадокса о возможности совершить плохой поступок при полной гарантии, что о нем никто не узнает.

Они познакомились еще весной 1801 года в салоне мадам де Сталь. Жюли не могла не произвести на него впечатление. «Я как будто молил небо состарить этого ангела, отнять у него немного божественности, чтобы сократить расстояние, отделявшее его от меня», — писал он позже в автобиографических «Замогильных заметках». Тогда они даже не поговорили. А настоящее знакомство случилось 16 лет спустя, за столом их общей приятельницы, той же де Сталь, 28 мая 1817 года. И случилось тогда, когда должно было случиться. Блестящий писатель, путешественник, волевой, предприимчивый, с сильным характером, остроумный, едкий и слегка циничный, Шатобриан считал, что его литературная карьера подошла к концу, и ему следует начать новую жизнь и заняться политикой. Жюли было почти сорок лет. Она — уже опытная, мудрая, да к тому же в расцвете красоты. Иностранцы, попавшие в Париж, покупали гравюры с ее портретов, ну и поклонников у нее меньше не стало. Оба «слегка» состояли в браке — у нее был ее мсье Рекамье, уже давно ни на что не претендовавший,



*Франсуа-Рене  
де Шатобриан*

а у Рене — мадам Селеста, уже давно смирившаяся с его вольнолюбием и постоянными изменами. Вскоре мадам Шатобриан пришла к выводу, что Жюли — гораздо лучше, чем нескончаемая вереница подруг мужа. Более того — они даже подружатся на поле благотворительности, и мадам Шатобриан нередко будет обращаться с разными просьбами к «доброй душе» Жюли.

Для Шатобриана Жюли Рекамье стала не очередной любовницей, каких у него было много, а Женщиной, Музой. Она понимала, что он делал в литературе, и стимулировала его к

новым свершениям. И одной такой его победой, вдохновленной Жюли, стали знаменитые «Замогильные записки».

В 1819 году дела барона Рекамье резко ухудшились — по сути, он разорился, был объявлен банкротом. Жюли пришлось переехать из их роскошного особняка в скромное жилище, которое ей предоставили в парижском женском монастыре Аббеи-о-Буа на улице Севр. Теперь друзья посещали ее там, в скромной, но уютной квартирке. И снова вокруг нее были лучшие люди того времени, а украшением ее нынеш-



*Ф.Л. Дежуэн.  
«Салон  
мадам  
Рекамье  
в Аббей-о-Буа»*

Справа:  
*Ф. Жерар.  
Портрет  
Жюли  
Рекамье.  
Рисунок*

него салона был, несомненно, Шатобриан. Именно союз Шатобриана и госпожи Рекамье сделал салон в Аббей-о-Буа одной из важнейших точек на культурной карте Парижа 1830–1840-х годов.

Встретив Шатобриана, Жюли впервые в жизни по-настоящему влюбилась. Многие ее друзья пытались воспрепятствовать разгоравшемуся роману — они предупреждали Жюли, что у Шатобриана ужасный характер, что он эгоист, что способен любить только себя, что не знает, что такое преданность и верность, однако все было напрасно. «Более никто — ни я, ни Вы, ни кто-либо иной не помешает мне любить Вас; моя любовь, моя жизнь, мое сердце — все принадлежит Вам», — писала она ему 20 марта

1819 года. Почему так случилось? Почему Шатобриан стал главным человеком в ее жизни? В письме одной из своих подруг Жюли объясняла это так: «Возможно, это прелесть новизны: прочие занимались мною, а он требует, чтобы я занималась только им...»

Она во всем помогала ему и использовала свои связи в высших кругах, чтобы добиться для ее Рене постов, достойных его. Частично и благодаря ее хлопотам он был посланником в Берлине и Лондоне, получил портфель министра иностранных дел... Взамен она ничего не требовала — собственно, ей были нужны от него лишь любовь и внимание.

А потом ей все надоело. Надоели его измены, капризы, его вздорный



характер. И в 1823 году Жюли, взяв с собой свою воспитанницу, уехала в Италию. Вернулась она во Францию через два года, совершенно излечившись от страсти к Шатобриану. Осталось доброе дружеское чувство, которое было не менее ценно и не менее прочно. Когда Шатобриан потерял интерес к политике и вновь вернулся к литературному творчеству, именно Жюльетта была с ним рядом, ухаживала за ним, создавала ему условия для работы, старалась, чтобы ничто не отвлекало его от творчества. А он? Он любил ее — как умел. И регулярно приезжал к ней в Аббей-о-Буа. Жизнь Шатобриана была очень отрегулирована: он вставал рано, на заре, и садился за работу. А после обеда, к трем часа дня, приезжал на улицу Севр, в уютный мир Жюли. Она с радостью встречала бывшего любовника, согревала теплом, добрым словом, чаем или бокалом хорошего вина.

А уже в четыре часа двери салона раскрывались для близких и гостей — писателей, поэтов, критиков, историков, политиков. В ее доме, как всегда, звучали стихи, хорошая музыка, велись умные разговоры... Около пяти Рене уезжал, рано ужинал и ложился неизменно в девять часов.

«Все покинуло меня, кроме Вашего образа, который следует за мной повсюду...» — писал он Жюли.

Сент-Бев, большой друг Жюли, вспоминал:

«Г-н де Шатобриан в последние двадцать лет был средоточием ее



мира, высшим интересом ее жизни, которому она не то чтобы жертвовала всеми остальными (она не жертвовала никем, кроме самой себя), но подчиняла все вокруг. Что-то вызывало у него антипатию, отвращение или горечь, о чем довольно ясно говорится в «Замогильных записках». Она все это умеряла и исправляла. Как ловко она умела разговорить его, когда он молчал, вложить в его уста любезные и благожелательные к другим слова, которые он якобы недавно сказал ей наедине, но не повторил при свидетелях! Как она кокетничала ради его славы! Как ей удавалось порой заставить его быть действительно веселым, любезным, всем довольным, красноречивым — таким, каким ему с легкостью удава-

лось быть, когда он того хотел! Своим мягким влиянием на него она подтверждала слова Бернардена де Сен-Пьера: «В женщине есть легкая веселость, рассеивающая печаль мужчины». А с какой печалью приходилось сталкиваться ей! Печалью, которую Рене вынес из чрева матери и которая лишь увеличивалась по мере того, как он старел!»

В июле 1843 года умер принц Пруссии Август, с которым была связана весьма романтическая страница ее молодости. Апоплексический удар во время военной инспекции в Бромберге. Еще в феврале он писал ей: «Ни время, ни расстояние не смогли ослабить нежной дружбы, которая связывает меня с Вами самыми прекрасными воспоминаниями моей жизни». В своем завещании он распорядился, чтобы ее портрет кисти Жерара, который Жюли когда-то ему подарила, вернули ей...

А в 1847 году скончалась мадам Шатобриан. Писатель тут же предложил Жюли выйти за него замуж, но... Время прошло. Шатобриан был уже очень болен. Парализованный, он почти не мог двигаться и работать. Жюли была с ним в последние дни его жизни и в последние минуты. Правда, она уже давно не могла видеть своего друга — мадам Рекамье совершенно ослепла, две операции на глаза ей не помогли. Но она могла его чувствовать, слышать, понимать. Она была с ним рядом до последнего его вздоха. Рене Шатобриан скончался 4 июля 1848 года у нее на руках.

Смерть Шатобриана стала для Жюли страшным ударом. Она словно потеряла смысл жизни. Возможно, она бы справилась с горем, нашла бы силы жить, но в Париж пришла эпидемия холеры, и 11 мая 1849 года, спустя лишь год после смерти Шатобриана, Жюли Рекамье скончалась.

Ахилл Девериа нарисовал ее портрет на смертном одре: она была так же хороша, даже смерть ничего не могла сделать с ее красотой...

На отпевание в церкви Нотр-Дам-де-Виктуар пришли все ее друзья. Там было более трехсот женщин, отмечали современники, — редкость по тем временам. Мертвой Жюльетте, как и живой, удалось собрать вокруг себя блестящее общество.

Эта женщина не оставила миру литературных творений, прекрасных картин, великой музыки, но сколь многим она помогала создавать шедевры, а это качество — тоже талант, который встречается очень нечасто. В одном из писем Проспер Мериме так писал о ней: «Я полагаю, что своим влиянием она обязана была по преимуществу свойственной ей безропотности. Она с неизменной покорностью выносила общество всех светских львов. Она никогда не скучала или не подавала виду, что скучает. Мужчин постоянно нужно подкручивать как часы». Она умела подкручивать часы...

И спасибо художникам, сумевшим запечатлеть ее обаяние, ум, красоту... □

Ирина Леонтьева

# Пять минут: ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ!

Мы всегда помним первых. И это правильно. В 1963 году, всего лишь через пару лет после триумфального полета Юрия Гагарина, открывшего человечеству дорогу к звездам, в космос отправилась Валентина Терешкова, став первой в мире женщиной-космонавтом. 6 марта 2022 года Валентине Владимировне Терешковой исполнится 85 лет.



## ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

Земляне летают в космос уже более шестидесяти лет, и за этот промежуток времени на околоземной ор-

бите побывали десятки наших космонавтов. Женщин из них — единицы. Их до сих пор можно пересчитать по пальцам одной руки: две отважные женщины благодаря силе

научно-технического прогресса смогли слетать в космос во времена могущественного Советского Союза — Валентина Терешкова (1963) и Светлана Савицкая (1982, 1984). Причем Светлана Савицкая, дважды побывавшая на околоземной орбите, стала не только второй в мире женщиной (после Валентины Терешковой), оказавшейся за пределами нашей планеты, но еще и первой в мире женщиной, вышедшей в открытый космос.

В истории современной России за три десятилетия в космосе побывали три представительницы прекрасной половины человечества: Елена Кондакова (1994, 1997), Елена Серова (2014) и Юлия Пересильд (2021). Строго говоря, талантливая и красивая актриса Пересильд не является профессиональным космонавтом, но именно она осенью прошлого года стала первой в мире актрисой, которая в рамках космического полета участвовала в съемках эпизодов художественного фильма «Вызов», проходивших на борту Международной космической станции. Так что космос действительно с каждым годом становится к нам все ближе и ближе. А начало освоения космического пространства женщинами было положено именно Валентиной Терешковой, чем наша страна заслуженно гордится.

## **ЖЕНЩИНА В КОСМОСЕ**

Биография Валентины Владимировны Терешковой, родившейся в дале-

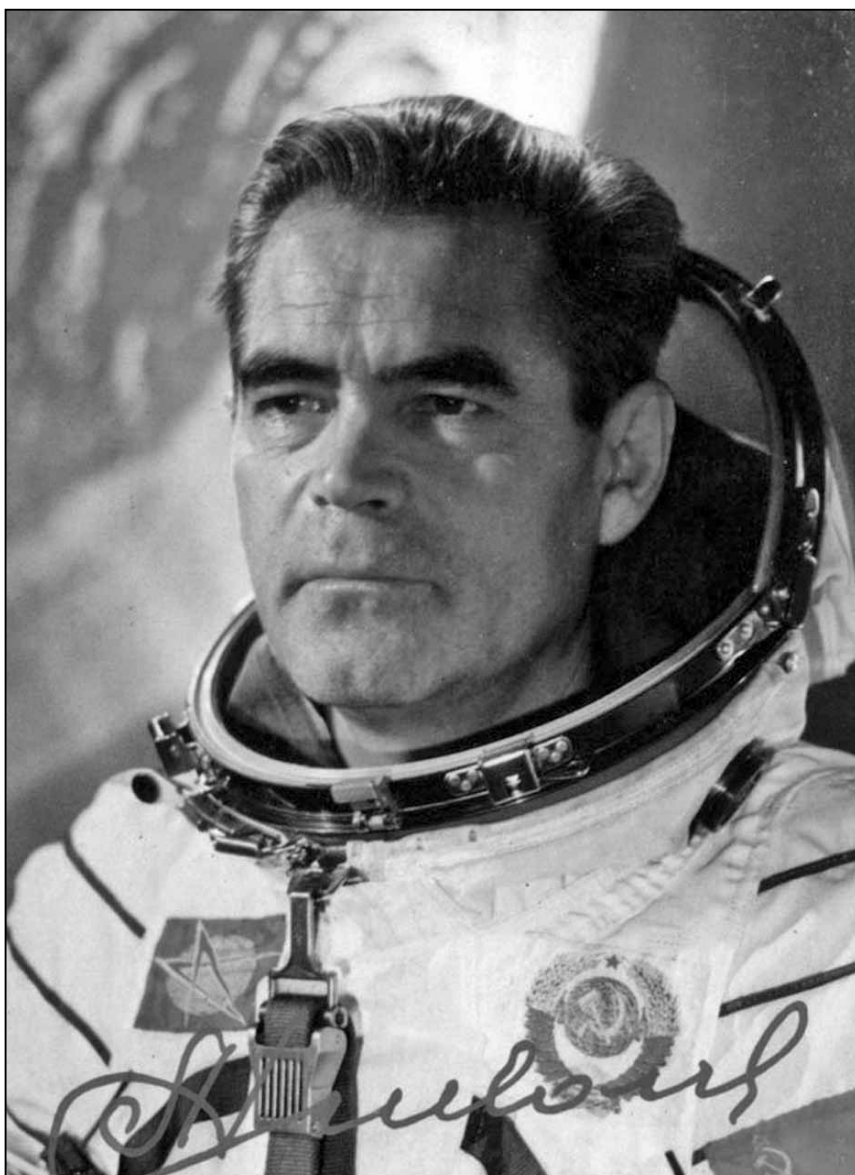
ком 1937 году, хорошо известна, и нет нужды ее пересказывать. Исключительная целеустремленность, помноженная на невероятное упорство, мужество и героизм, волю к победе, дала свой блестящий результат. 16 июня 1963 года Валентина Терешкова, стартовавшая в небо на космической ракете «Восток-6», стала первой на планете Земля женщиной-космонавтом.

И хотя во время подготовки к полету она показывала в целом очень хорошие результаты, годные для полета в космос, предсказать, как поведет себя женский организм в условиях реального полета, на сто процентов не мог тогда никто. Это космос, безжизненное и безвоздушное пространство, и он не прощает ни одной, даже самой малейшей ошибки. Но наша «Чайка» (именно такой позывной был у Валентины Терешковой во время полета) благополучно вернулась на землю. Фраза, которую произнесла первая в мире женщина-космонавт перед стартом: «Эй! Небо! Сними шляпу!», представляла цитату из поэмы Владимира Маяковского «Облако в штанах».

После триумфального возвращения на Землю Валентина Терешкова стала 6-м по счету летчиком-космонавтом в СССР и 10-м космонавтом в мире.

Кстати говоря, мало кто знает, что ряд космических рекордов Валентины Терешковой не побит до сих пор! Так, например, и по сей день во всем мире она является самой молодой из всех побывавших

на околоземной орбите женщин-космонавтов (на момент полета Терешковой исполнилось 26 лет). Наша «Чайка» — до сих пор единственная в мире представительница прекрасной половины человечества, кто совершил одиночный полет в космос. Напомним, что полет Юрия Гагарина, открывшего человечеству дорогу в небо и совершившего один виток вокруг Земли на космическом корабле, длился 108 минут. Полет Терешковой продолжался почти трое суток, и отважная, молодая женщина выдержала 48 оборотов космического корабля вокруг орбиты нашей планеты. Также Валентина Терешкова стала первой в истории современной России женщиной-генералом: это почетное звание генерал-майора было присвоено ей в 1995 году.



*Андрьян Николаев*

## **ИСПЫТАНИЕ СЛАВОЙ**

После триумфального возвращения Валентины Терешковой на Землю на нее обрушилась невероятная слава. Почитание, восхищение и обожание миллионов людей по всему миру. Известность, сродни гагаринской. В честь Терешковой на необъятных просторах Страны Советов были названы улицы многочисленных городов, установлены памятники и памятные доски, бюсты, барельефы, ее именем названы школы и теплоходы, гостиницы, выпущены блоки почтовых марок...



*Валентина Терешкова  
с Андрияном Николаевым и дочерью Леной*

А еще после полета для первой в мире женщины-космонавта настала череда бесконечных встреч, разездов, перелетов, выступлений перед трудовыми коллективами, на всевозможного рода собраниях, совещаниях, конференциях, съездах и так далее, и тому подобное. И такая бурная общественная жизнь буквально изо дня в день продолжалась ведь не год, не два, не три, а десятилетиями. И продолжается, кстати, до сих пор, без малого, уже почти полвека!

С таким постоянным, буквально круглосуточным успехом и вниманием любому, даже са-

мому стойкому в психологическом отношении человеку справиться невероятно сложно. Если вообще возможно. А Валентина Владимировна, несмотря на свой солидный возраст, прекрасно выглядит и до сих пор ведет активную общественную деятельность.

## **ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ**

Какая же женщина не мечтает о своем женском, личном счастье? О крепкой и дружной семье, о любимом муже, о детях? Даже если она известная на весь Советский Союз, да что там, на всю планету, первая в мире женщина-космонавт.

Как же у «нашей Вали» сложилась личная жизнь? И вот тут-то и начинается самое интересное.

В том же 1963 году, всего через несколько месяцев после триумфального полета в космос, Валентина Терешкова вышла замуж за Андрияна Николаева, тоже космонавта. Прекрасного, мужественно-

го, в расцвете сил, под стать своей невесте. Под венец шли «Сокол» и «Чайка» — такие позывные были на орбите у первой в мире космической пары.

На роскошной свадьбе в столичном Доме правительства среди многочисленных почетных гостей присутствовал, конечно же, первый космонавт планеты Юрий Гагарин и даже руководитель Страны Советов, генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Говорят, что именно он и настоял на этом — как же, первая в мире свадьба космонавтов. И опять же наша, советская! Даже в личном утерли нос этому загнивающему Западу. Что тут сказать — великолепный, блестящий пиарход, как сказали бы в наши дни.

Уже в следующем 1964 году у четы Николаева-Терешковой родилась дочь Елена, ставшая первым в мире ребенком, родители которого были космонавтами. Вот только...



*Юлий Шапошников*

личная жизнь первой на Земле космической пары, увы, не сложилась. О скандалах, сотрясавших в свое время это семейство, в Звездном городке ходили легенды.

Тогда, в советскую эпоху, было другое время, другие нравы и понятия, и выносить, что называется, сор из избы было не принято. Терешкова и Николаев тихо и мирно развелись в 1982 году, вскоре после совершеннолетия их дочери Елены. Хотя, положив руку на сердце, они давным-давно уже стали друг другу абсолютно чужими, и у каждого из них давным-давно была своя жизнь. О причинах развода со своим мужем Валентина Владимировна высказалась четко и емко: «В работе — золото, дома — деспот».



Есть, правда, ровно противоположная точка зрения, что брак первой в мире четы космонавтов развалился именно из-за практически вечно отсутствовавшей и занятой общественными делами Валентины Терешковой, отличавшейся сильным, волевым, целеустремленным, но в то же время весьма жестким и непреклонным нравом. Словом, совсем не женским характером.

Будь по-другому, Терешкова ничего не добилась бы в жизни. И никогда не стала первой на планете женщиной-космонавтом. А покладистому Николаеву дома хотелось спокойствия, тепла и семейного уюта. Как и любому мужчине. Кстати, вот, например, очень примечательный и красноречивый факт. Терешкова перед свадьбой

наотрез отказалась взять фамилию своего прославленного жениха. Официально, по документам она значилась как Николаева-Терешкова, а в обычной, невероятно насыщенной общественной жизни ее знали исключительно как Валентину Терешкову. Так что развод двух столь ярких и сильных личностей был в значительной степени закономерен. И предопределен самим ходом жизни.

Спустя годы Валентина Владимировна вступила в повторный брак и обрела, наконец, свое настоящее, личное, семейное счастье. Ее избранником стал Юлий Шапошников, директор знаменитого в свое время ЦИТО — Центрального института травматологии и ортопедии. К сожалению, в 1999 году этот талантливый ученый-медик ушел из жизни.

...Несмотря на свой возраст (на который, она, кстати, совсем не выглядит), Валентина Владимировна Терешкова полна энергии и творческих сил.

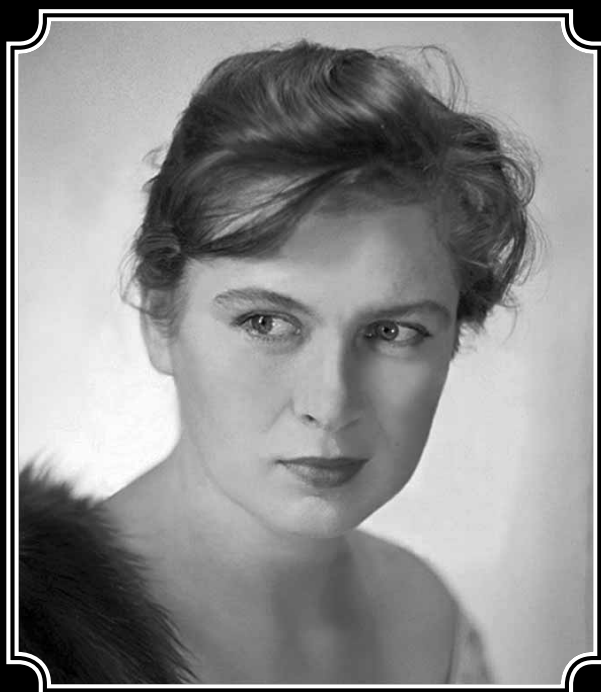
Редакция нашего журнала от всей души желает этой уникальной, замечательной женщине, составляющей честь и гордость нашей Родины, крепкого здоровья и активного долголетия! □



Андрей  
Колобаев

# Великолепная Изоolda

Нет в советском кино фигуры более загадочной и трагической, нежели Изоolda Извицкая. В 25 лет к ней пришла мировая слава — фильм Григория Чухрая «Сорок первый», где они с Олегом Стриженовым сыграли главные роли, буквально «взорвал» X международный кинофестиваль в Каннах. Жюри и зрителей поразил сам сюжет, свежий и смелый для советского кино тех лет — о пылкой любви бойца Красной армии Марютки и ее непримиримого классового врага — белогвардейца. Не меньше удивила и актриса: красавица со светло-изумрудными глазами, копной вьющихся каштановых волос (да еще из закрытого «железным занавесом» таинственного СССР!) справилась со сложнейшей драматургией блестяще.



Тогда, в 1957-м, именно Изоолду Извицкую европейская и американская пресса называла «советской актрисой №1». А как в нее влюблялись! Женские чары «великолепной Изоолды» воздействовали магически: было в ее внешности что-то запредельно притягательное — и на экране, и в жизни... Кто бы мог подумать, что через каких-то 13 лет актрису будет ждать такой драматический финал: от нее уйдет муж, отвернутся друзья и коллеги, режиссеры перестанут приглашать ее даже на пробы. Когда Извицкой не стало, по Москве пошли гулять слухи, один хлеще другого: «покончила с собой», «зверски убили, из квартиры вынесли все»... Даже официальная дата смерти — 1 марта 1971 года — очень условная. К тому времени как минимум неделю актрисы уже не было в живых.



*«Сорок первый»*

## КАК БУДТО ИЗО ЛЬДА

Будущая звезда советского кино появилась на свет в небольшом городке химиков Дзержинске, что под нынешним Нижним Новгородом, 21 июня 1932 года. На первый взгляд, семья была самая обычная: мама — педагог в местном Дворце пионеров, папа — химик на одном из оборонных заводов. Вот только вопреки моде тех лет на имена «революционные», имя для своей дочери они выбрали совсем «немодное», можно сказать, «старорежимное». Кстати, с выбором имени связана любопытная семейная легенда, даже две. По одной, мама, Мария Степановна, назвала ее в честь героини знаменитого рыцарского романа XII века —

о сумасшедшей любви королеви́ча Тристана и белокурой красавицы Изольды, которым зачитывалась в юности. По другой — когда малютку принесли из роддома домой, папа побоялся брать новорожденную на руки, настолько поразили его необычная нежная белизна и прозрачность ее кожи. Кто-то из близких даже восхищенно воскликнул: «Да она как будто изо льда!» Решили девочку так и назвать — Изольда.

Мама со временем стала директором Дворца пионеров, и Иза, как ее называли домашние и друзья, проводила там все свободное от учебы время — ходила в кружки рисования, кройки и шитья, вместе с мальчишками увлеченно клеила



модели самолетов. А когда стала чуть постарше — записалась в драмкружок. Как и всех будущих актеров ее поколения, на сцену ее подтолкнуло кино — шедевры тех лет «Веселые ребята», «Цирк» и «Волга-Волга» она смотрела бесчисленное количество раз, а Любовь Орлова навсегда стала ее любимой актрисой.

В одной из постановок драмкружка «юное дарование с косичками» заметил главный режиссер Дзержинского драмтеатра Борис Райский. Он стал заниматься с Изольдой индивидуально, причем, в тайне от родителей — строгий папа, Василий Герасимович, был категорически против ее «несерьезного увлечения киношкой». Однако вскоре увлечение стало настоящей страстью.

Подруга детства и одноклассница Изольды Нина Голубева годы спустя рассказывала: *«Иза меня делала зрительницей своих "спектаклей": мы сами придумывали маленькие пьесы, еще она играла героинь Островского, пыталась взяться за Шекспира — за Офелию. Тогда в Дзержинск часто приезжали артисты Большого, Малого театра, МХАТа, и мы постоянно ходили на спектакли, а потом горячо их обсуждали. Да и в школе у нас были очень хорошие учителя, особенно по литературе!»*

По словам подруги, характером Изольда была в Марию Степановну — женщину возвышенную, романтическую, видящую во всем и всех только позитивное. Жили все очень

бедно, но ей всегда удавалось придумать для дочери какую-нибудь изюминку в одежде, она сама кроила и шила ей модные платьица. А вот папа был жесткий и, хотя очень любил дочь, держал ее (да и всю семью) в «ежовых рукавицах». Характер, сила духа, умение сопротивляться — все это было подавлено в Изольде отцом.

*«Изу все любили, она была веселая, красивая — мальчишки влюблялись в нее повально, — вспоминала Нина Голубева. — Она была очень ярким человеком. Если бы к этой яркости прибавить силу воли и духа!»*

Сохранились дневники старшеклассницы Изольды Извицкой. *«Как мне хочется стать артисткой, учиться в театральном институте! — писала она. — Если бы моя мечта осуществилась, я бы обязательно очень хорошо училась. Только вот насчет таланта сомневаюсь. Мечта чудесная, но только невозможная... Нет, нет! У нас ведь все возможно! Почему бы мне не стать артисткой?!!!»*

Но все-таки она не верила, что ее, обычную провинциальную девчонку, могут принять в вуз, куда мечтают поступить все. Но Борис Райский убедил Изольду рискнуть и попробовать сдать экзамены во ВГИК.

Летом 1950 года прямо с выпускного школьного бала весь класс отправился провожать Изу на ночной московский поезд. В каком-то смысле это был настоящий побег — родители об ее отъезде не знали. Смелости признаться отцу в этой аван-

тюре ей так и не хватило, так что Изольда решила для себя: если не примут, вернется с повинной и пойдет работать на завод. Но выдающиеся педагоги ВГИКа Ольга Пыжова и Борис Бибииков на первом же экзамене «положили глаз» на волжскую красавицу и взяли на свой курс.

«Первую скрипку» в студенческих постановках и этюдах Изольда не играла, но училась прилежно, азартно. У ученицы и партнерши Станиславского Ольги Ивановны Пыжовой был девиз: *«Когда я могу сказать о своем студенте "он хорошо работает", я самый счастливый человек на свете!»* Педагоги всех своих учеников обожали.

Кстати, этот курс 1950 года был выдающимся: на нем учились будущие звезды сцены и экрана Руфина Нифонтова, Маргарита Криницына, Надежда Румянцева, Татьяна Конюхова, Майя Булгакова, Юрий Белов... Со временем его назовут «роковым» — большинство ставших знаменитостями актеров и актрис из жизни уйдут в расцвете лет. Некоторые, как например, Леонид Пархоменко, Руфина Нифонтова и Майя Булгакова — уйдут страшно. Из всего выпуска сегодня живут и здравствуют всего трое.

...В ноябре 2017-го я специально встретился с Татьяной Георгиевной Конюховой, чтобы поговорить об Извицкой. В частности, вот что она рассказала:

*«Конечно, хороша собой Изольда была невозможно. У нее была кожа*

*«Неповторимая весна»*



нежная — такой, знаете, «французский фарфор». Ресницы большущие — как веера. Когда она их поднимала, там открывалась такая глубина, такой удивительной красоты глаза — как будто ты в омут заглядываешь, в какую-то тайну тайн. При этом глаза на вас смотрели — наивные, чистые. И начинало все лицо светиться — меня это так поражало в ней! Мы с Изольдой жили во вгиковском общежитии в одной комнате — наши койки стояли рядышком. Мы подружились! Я ее воспринимала как мягкую, очень ласковую, добрую, искреннюю — от нее солнечное тепло исходило при общении. Знаете, кого она мне напоминала? Кошечку! Такую, как иногда сейчас в рекламе показыва-

ют — идет, не спеша, по лестнице пушистое существо, хвост трубой! Любимое ее словечко было «лапа». Когда она высказывала свое одобрение, она мне говорила: «Ой, Танюшка, ты такая лапа!» Честно вам скажу: в те студенческие годы вообще ничего не предвещало такой ее судьбы...»

### **«БОЖЕ, КАКАЯ СТРАШНАЯ ФАМИЛИЯ!»**

В отличие от театральных вузов, где студентам было запрещено подходить к съемочной площадке на пушечный выстрел, вгиковцам это не возбранялось. Даже наоборот! Например, та же Татьяна Конюхова уже на первом курсе снялась в фильме



*«Первый  
эшелон»*

Справа:  
*«Тревожная  
молодость»*

А. Роу «Майская ночь, или утопленница» и сразу проснулась знаменитой — ее огромный портрет висел в самом центре Москвы. Изольда дебютировала в кино в 1954-м, на предпоследнем курсе. Сыграла небольшие роли в приключенческой ленте «Богатырь» идет в Марто» и в драме «Тревожная молодость».

Незадолго до этого в ее жизни произошло одно важное событие — она приехала в родной Дзержинск на летние каникулы и... влюбилась. Первой любовью Изольды Извицкой стал 25-летний студент Ленинградского института киноинженеров Слава Коротков — красивый, высокий парень, спортсмен, фотограф, будущий кинооператор. У них было много общего, в том числе — страсть к ки-

но. По воспоминаниям друзей, они в те дни почти не расставались — допоздна пропадали на Оке. Купались, загорали, гуляли в лугах, фотографировались, мечтали, строили совместные планы. По общему мнению, они идеально подходили друг другу.

Еще год влюбленные обменивались полными нежности письмами, ездили друг к другу на свидания поездом «Москва-Ленинград». А в 1953-м неожиданно расстались — настоящая причина расставания так и осталась для всех окружающих загадкой. Известно только, что, став кинооператором студии «Ленфильм», Вячеслав Коротков участвовал в создании таких знаменитых художественных фильмов, как «Укротительница тигров», «В окопах Ста-



линграда», «Два капитана», «Поднятая целина», «Даурия»... Он ушел из жизни тоже очень рано — в 1973-м, пережив Изольду всего на два года. Семью так и не завел — любил ее до последнего дня...

Незадолго до окончания ВГИКа Извицкая сыграла трактористку Аню Залогину в мелодраме М. Калатозова «Первый эшелон». Именно на съемках этой картины она познакомилась с 21-летним Эдуардом Бредуном. Их свадьба и для ее близких, и для сокурсников стала полной неожиданностью. Борис Владимирович Бибииков, когда ему сказали, что Извицкая вышла замуж, сначала оживился: «Хорошие вести. И кто же этот счастливец?» «Актер с параллельного курса — Эдик Бредун!» По-

висла тяжелая пауза. «Боже, какая страшная, совершенно неактерская фамилия!», — произнес Бибииков.

Из письма Извицкой подруге Зареме Кормилицыной: *«Извицкая — идиотка! Вышла замуж... Да-да. Это реальное дело. Факт в паспорте. Но ты не огорчайся, мой котенок! Она, эта дрянная девчонка, которая называется актрисой, все такой же баламут и ничего не понимает в жизни. Она каждый день ссорится со своим мужем по поводу «кто глава семейства». Так еще и не выяснили!»*

### **«ЗВЕЗДА» С НОГАМИ СТЕПНОГО КАВАЛЕРИСТА**

В 1955 году молодой режиссер Григорий Чухрай задумал снять героико-

революционную драму «Сорок первый» по одноименной повести Бориса Лавренева. На главные роли — поручика Вадима Николаевича Говорухи-Отрока и бойца Красной армии Марии (Марютки) Басовой — им были выбраны ставший знаменитым после «Овода» Олег Стриженев и никому не известная выпускница ВГИКа Изольда Извицкая. Григорий Чухрай объяснял свой выбор так: «Мне очень понравилось сочетание этих двух людей — таких разных. Кроме того, Марютка в «Сорок первом» у Лавренева написана как немного диковатая, резкая. А мне показалось, что было бы лучше сделать ее такой мягкой, как была Изольда».

Работа над фильмом с самого начала шла крайне тяжело. Уж больно тема с позиций советской идеологии была щекотливая — о страстной любви девушки-красноармейца и пленного белогвардейца. Тем более, что режиссер планировал уйти от идеологии и просто рассказать трогательную человеческую историю. Для кино эпохи соцреализма — уже почти кощунство. Плюс в сценарии была прописана по нынешним временам абсолютно целомудренная, а по мнению чиновников тех лет — «бесстыдно-эротическая сцена». В Госкино категорически возражали против такого «антипартийного» подхода, требовали доработки сценария, съемки то и дело откладывались. Да и Извицкая, как считали в худсовете «Мосфильма», «слишком мягка, изящна и утонченна, чтобы

сыграть грубоватую и простоватую революционерку-партизанку Марютку». Открыто заявляли: «Да она провалит эту роль! Какой из нее «красный» стрелок?!» Но начиналась хрущевская «оттепель», подул свежестью ветер перемен, и Чухраю удалось настоять на своем, в том числе отстоять актрису. Съемки начались.

Результат превзошел все ожидания. Чухрай вспоминал, что директор «Мосфильма» Иван Пырьев, посмотрев готовую картину, обнял его и крепко расцеловал... Самое удивительное, что больше всех в восторге от «Сорок первого» были те, кто в картине сомневался и ставил съёмочной группе «палки в колеса». Режиссеру простили даже существенный перерасход казенных средств. В Госкино фильм приняли без серьезных поправок и пустили в прокат — в 1956-м его посмотрели 25 миллионов человек. Через год — на волне большого зрительского интереса — «Сорок первый» повезли на кинофестиваль в Канни.

Еще до открытия фестиваля французская газета «Фигаро» написала: «В Канни прибыла советская делегация. Среди ее членов — звезда с ногами степного кавалериста». Имелась в виду Изольда Извицкая, хотя никто ни фильма, ни ее еще и в глаза не видел. Как только советская делегация появилась в холле отеля, западные журналисты начали упражняться в остроумии, обсуждая ее наряды, вернее, их отсутствие. На фоне съехавшихся звезд мирового кино,



позировавших в костюмах и платьях от лучших кутюрье, в мехах и бриллиантах, «наряд» Извицкой выглядел, по их мнению, откровенно безвкусным и проигрышным. Репортеры ерничали: «Она тоже надела самое лучшее!» Участники нашей делегации рассказывали, что актриса, узнав об этих публикациях, целый день прорыдала в гостиничном номере, ее еле уговорили пойти на показ картины.

Зато что творилось в зале после просмотра! «Сорок первый» стал мировой сенсацией — «такого от русских, этих фанатов-коммунистов, никто не ожидал». Жюри фестиваля единодушно присудило ленте специальный приз — «За оригинальный сценарий, гуманизм и романтику». По словам Олега Стриженова, сидевшие в зале русские эмигранты забрасывали создателей картины цветами и кричали вдогонку: «Целуйте родину, целуйте нашу землю!»

«Действительно такого нашего кино на Западе раньше не видели, — вспоминал Олег Александрович. — Да его и не было — такого! И вдруг все видят трогательную человеческую историю любви белогвардейского офицера и красной партизанки, да еще с такими откровенными сценами... Фильм имел большой успех еще потому, что сделан очень профессионально, там прекрасный актерский ансамбль и великолепная работа кинооператора Сергея Павловича Урусевского».

Освещавших фестиваль журналистов как будто подменили: главной темой их репортажей стали «самобытный талант и неземная красота исполнительницы главной роли». Теперь они соревновались в изощренности и красочности комплиментов. Популярный американский светский журнал «New York Magazine» и ежедневная французская газета «Le Parisien libOrO» вышли с портретами Изольды Извицкой и подписями: «Актриса номер один советского кино», «Русская Мэрилин Монро». Отныне она была «великолепная», «прелестная» и так далее. Вскоре в Париже даже открылось кафе «Изольда» — в ее честь. Это был настоящий фурор!

Инна Чурикова, вспоминая об атмосфере вокруг фильма, говорила об Извицкой и ее образе пламенной «красавицы с ружьем»: «Мощная актриса — она мне очень нравилась. Она в «Сорок первом» как хороша была! Я любовалась ее лицом, тем, как она одета... И это заставляло меня думать о том, что тоже хочу быть актрисой».

В Москву Извицкая вернулась абсолютно счастливая: сбылась ее заветная мечта — она стала не просто знаменитой, а актрисой, признанной во всем мире. В любом городе СССР ее на улицах узнавали все — от мала до велика. В киоски «Союзпечати» выстраивались очереди за ее фотографиями, ее огромные портреты украшали афиши кинотеатров от Калининграда до Владивостока.



Всеобщее обожание, цветы, интервью... Дома тоже все было празднично. Любимый муж встретил Изольду как королеву, накрыл стол, пригласил друзей. Теперь многие коллеги почитали за счастье приехать к Извицкой и Бредуну в их «однушку» во 2-м Мосфильмовском переулке. Благо двери нараспашку — дом был хлебосольный, гостеприимный.

У Изольды появились многочисленные поклонники, среди которых были довольно известные и влиятельные личности. Например, по Москве тогда ходили слухи, что, добиваясь ее расположения, не на шутку разругались зять Никиты Сергеевича Хрущева Алексей Аджубей и знаменитый актер и певец Марк Бернес. Еще говорили, что у актри-

сы появился влиятельный воздыхатель из ЦК комсомола, который прилагает усилия, чтобы именно она стала «лицом СССР» — представляла страну за рубежом в составе всевозможных молодежных делегаций.

И, действительно, Извицкую вскоре выбрали членом Ассоциации по культурным связям со странами Латинской Америки, отныне она могла беспрепятственно путешествовать по всему миру. В Париже, Брюсселе, Вене, Будапеште, Варшаве, Буэнос-Айресе она была «желанным и обязательным гостем» на всевозможных приемах и светских раутах, ей пели дифирамбы, в честь ее красоты и таланта поднимались тосты...

От такого закружилась бы голова и у более закаленного славой че-

«"Богатырь"  
идет  
в Марто»



ловека, но в случае с Извицкой проблема оказалась посерьезнее «звездной болезни». От природы мягкая, романтичная, ранимая, со сверхчувствительным, обостренным восприятием мира, она не обладала ни «стрессоустойчивой» психикой, ни мало-мальски хорошим физическим здоровьем. Многие потом вспоминали, что на всех этих бесконечных приемах и банкетах уже тогда Изольду Извицкую можно было увидеть, мягко говоря, «не в идеальной форме». Иногда ее даже приходилось уводить, поддерживая под руки. Впрочем, тогда этим «дипломатическим» казусам особого внимания никто не придавал — молодая «звезда», с кем не бывает!

В течение нескольких лет с «Сорок первым» актриса исколесила всю страну, даже самые дальние «медвежьи углы». Об одной такой удивительной встрече с Извицкой несколько лет назад мне рассказывал Александр Васильевич Панкратов-Черный. Он, 10-летний мальчик, жил тогда в глухом алтайском селе, куда зимой и добраться-то было проблематично.

*«Однажды — мороз градусов под сорок, лютая зима, ночь... Я сижу на кухне, пишу стихи. Вдруг открывается дверь, и заходит... Изольда Извицкая. Волшебная женщина невероятной красоты — как фея из сказки! Представляете мое состояние?! Оказывается, наша потрясающая кинозвезда ехала с фильмом "Сорок*

*первый" из Кемерово в Новокузнецк, у них забуксовал автобус, и они застряли напротив нашего поселка. Негде ночевать, они пошли на единственный горящий огонек. Помню, она улыбнулась: "Здравствуйте!" Замерзшая, лицо необыкновенное, — мне казалось, если прикоснуться пальчиком — там шрам останется, такое нежное у нее лицо было... Я разбудил маму, она пельменей сварила. Гости покушали, чаю попили и сразу легли спать. Когда рано утром я их провожал, Изольда подарила мне черно-белую открыточку со своей фотографией. Спросила: "Саша, что тебе написать на память?" "Не знаю". "А о чем ты мечтаешь?" "Я мечтаю работать в кино". И тогда она написала: "Санечка! Твоя мечта обязательно должна сбыться. Я в это верю! Изольда Из." Открыточку эту я храню до сих пор».*

## **ПЫРЬЕВ И «ИДИОТ»**

Несмотря на плотный график поездок, Извицкая успевала сниматься в кино. В том же 1957-м она сыграла в комедии «К Черному морю», в драмах «Неповторимая весна» и «Поэт». Во всех трех лентах у нее были главные роли. Правда, совершенно однотипные — «хорошенькая студентка-комсомолка», «красавица — передовик производства». Казалось бы, после грандиозного успеха «Сорок первого» лучшие режиссеры должны были выстроиться к ней в очередь, но этого не произошло —

глубоких драматических, масштабных ролей Извицкой не предлагали.

Из ее письма подруге: «Как безумно тяжело быть актрисой! Если бы ты только все это перенесла... Господи, как трудно жить! Хочется свежего воздуха, хочется роли и настоящей работы, интересных в такой мере, что все остальное будет отлетать как шелуха».

Актриса понимала, что ей очень нужна картина уровня «Сорок первого». И судьба предоставила ей такой шанс. В 1958 году Иван Александрович Пырьев собрался экранизировать роман «Идиот» своего любимого писателя Федора Достоевского. Незадолго до этого на фестивале в Венеции в одном из итальянских журналов он увидел фотографию Извицкой. Внешне именно такой он представлял себе Настасью Филипповну — эту женщину-огонь. Вернувшись в СССР, дал ассистентам команду найти актрису и вызвать на пробы. Говорят, Изольда приехала и «внешне выглядела в тот день просто божественно». Но проба не удалась. Пырьев, как мог, старался ее «раскочегарить», объявлял перерывы, втолковывал, что он от нее хочет... Не зажгла! В конце концов, «Иван Грозный» не выдержал и при всех нелюбезно прошелся по поводу ее актерского дара.

Конечно, для Извицкой это был тяжелейший удар. Тем более, что об ее провале, естественно, сразу узнали все, и еще долго актерская бра́тия с удовольствием смаковала и

передавала эту историю из уст уста. Переживала она очень сильно. Приходила домой, а там вместо поддержки мужа обнаруживала застолье и очередную веселую компанию.

Татьяна Конюхова: «Эдик Бредун во ВГИКе учился у Ройзмана. Внешне хорошенький такой был, смазливенький, но как актер ничем не блистал — играл в основном в эпизодах. У него была большая компашка любителей «этого дела». Не сидеть же им к кафешке напротив «Мосфильма», когда у него рядом квартира. Он всех звал к себе в гости. Так гордился, что у него жена — мировое светило! Ну и Изка с ними сидела... Несчастное существо — здоровье-то у нее было совсем слабенькое».

Многие считают, что именно Бредун, умышленно или сам того не желая, приучил жену к спиртному. Мол, не мог смириться с ее славой и своей безвестностью — его больно задевало, ког-

да на съемках его представляли режиссерам: «Это Эдик, муж Изольды Извицкой!» Однажды на кинофестивале в Горьком коллеги стали свидетелями доносившегося из их гостиничного номера диалога: «Мне плохо, Эдик... Я больше не могу пить эту гадость». «А ты опохмелись, легче будет!»

Г. Чухрай: «Первое время, встречаясь с Изольдой на "Мосфильме", я спрашивал ее: "ну, как твои дела?" Она грустно отвечала, что, мол, нет интересных предложений, и говорила: "Когда вы-

*Эдуард Бредун*





«Поэт»

хожу с "Мосфильма", все меня узнают. А на "Мосфильме" хожу-хожу по коридорам, и никто меня "не узнает" — в упор не видят...» Потом до меня стали доходить слухи, что она приходила на какие-то съемки в не очень трезвом виде. Говорили, что Бредун любил выпить, а она, чтобы он пил меньше, брала на себя часть алкоголя, и втянулась в это дело».

Не прошло и года, как от главных ролей актрисе пришлось перейти к второстепенным, вскоре и вовсе соглашаться на эпизоды, лишь бы работать, оставаться в профессии. Но ей было обидно, когда, например, после съемок в фильме «Коммунист» ее имя даже не упомянули в титрах.

#### «А МОЯ НАДЕЖДА — УМИРАЕТ»

В 1963 году режиссер Сергей Колосов приступил к съемкам одного из первых отечественных сериалов — «Вызываем огонь на себя». На главную роль советской разведчицы Анны Морозовой была утверждена Людмила Касаткина, а на роль ее напарницы, красавицы-официантки из казино Паши, — Извицкая.

Сергей Николаевич вспоминал: «Порой Изольда была недостаточно собрана, плохо выглядела, чувствовалось, что она ведет безалаберную семейную жизнь с Бредуном, который был мне антипатичен».

Тем не менее Колосов отнесся к актрисе бережно — он понимал, как

это важно и для нее, и для конечного результата фильма. И Извицкая прекрасно справилась со своей задачей. Почти полтора года, пока шли съемки, она держала себя руках. Многим, кто продолжал в нее верить, даже показалось, что в жизни актрисы вот-вот начнется-таки белая полоса.

Но чудо не произошло. Вскоре радость оттого, что сериал был принят зрителями «на ура» и получил несколько международных призов, сменилась затяжной депрессией. Новой работы режиссеры Извицкой не предлагали. Но особенно ее ранило, что от нее отворачивались многие из тех, кого она считала друзьями. По выражению актрисы Майи Менглет, «ей завидовали, и ее депрессию воспринимали чуть ли не с восторгом». На «Мосфильме» все чаще говорили о том, что «былая красота и шарм Извицкой улетучились», «некогда волнующий тембр голоса стал хриплым».

Не для кого не были секретом и семейные скандалы — с криками и битьем посуды. В 1968 году известная актриса кино Людмила Марченко и ее муж, театральный администратор Виталий Войтенко, пришли в гости к Изольде и были потрясены, увидев, что она сильно избита. Некоторые старались Извицкой помочь. В Театре киноактера, где она числилась в штате, ей предлагали небольшие роли в спектаклях. В самый трудный период школьные

подруги призывали актрису вернуться на родину, устроиться в Дзержинский драмтеатр или в один из горьковских театров. Но она отвечала: «Нет, я уже не могу. Я же артистка кино».

Нина Голубева: *«Изольда никому в последние годы не признавалась, как у нее дела. Говорила, что все нормально. А еще она очень переживала, что не могла иметь детей. Во время одной из наших последних встреч говорила мне: "У тебя хотя бы есть сын, а у меня — никого!"»*

А Панкратов-Черный так вспоминал о двух последних встречах с актрисой: *«Прошли годы, я поступил в театральное училище в городе Горьком. И Извицкую пригласили на встречу со студентами в наше училище... Я к ней подошел, напомнил про ее пожелание. Она меня вспомнила, очень обрадовалась: "Вот видишь, мечта уже сбывается!" Последний раз мы встретились еще через несколько лет — в коридорах "Мосфильма", когда она уже была, мягко говоря, в очень грустном состоянии. Никогда не забуду ее слова: "Ваша мечта, Санечка, сбывается, а моя умирает..." Спасти ее мы так и не смогли, хотя, наверное, было можно, если б дали работу, возможность сниматься. А с ней так же, как с Танечкой Самойловой поступили. Танечке предложили сниматься в Голливуде, но элементарная зависть — запрещали, "не пуццали"»...*

## ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В 1969 году коллеги уговорили режиссера Самсона Самсонова взять Извицкую в картину «Каждый вечер после одиннадцати». Однако роль ей досталась такая крохотная, да еще без слов, что ее появления на экране зрители даже не заметили. Этот фильм стал 22-м и последним в ее фильмографии.

В январе 1971 года Эдуард Бредун собрал свои вещи и переехал к подруге жены, то ли буфетчице, то ли продавщице ковров. Это двойное предательство окончательно добило: актриса была на грани помешательства. Она закрылась в своей квартире, открывая дверь лишь на условный стук своих сомнительных знакомых. Жила, а вернее существовала, на свою небольшую зарплату, поступавшую из Театра киноактера.

Именно в эти дни ее случайно встретила актриса Татьяна Гаврилова, жившая неподалеку. Ее рассказ потрясает.

«Возвращаясь с репетиции, я шла вниз по 2-му Мосфильмовскому переулку. Впереди шла худенькая женщина в рыжей выцветшей каракулевой шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську с двумя пустыми бутылками из-под кефира и газетным свертком. Обогнав ее, я интуитивно обернулась и сразу узнала Изольду Извицкую. Ее лицо показав-

лось мне более болезненным и одутловатым, чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего. "Здравствуйте, Изольда Васильевна!" "Ой, деточка, здравствуй! Не хочешь ли зайти ко мне? Посидим, я кое-что тебе расскажу..." — Ее глаза просили меня поговорить, пообщаться с ней. Я согласилась... В однокомнатной квартире Извицкой царил идеальная чистота — чистюля она была необыкновенная, но обстановка была весьма бедной. В полуоткрытом одежном шкафу висело лишь несколько поношенных женских халатиков. Уловив мой взгляд, Изольда Васильевна сказала, что ее недавно обокрали. В углу стояла старая продавленная тахта и около нее телевизор с небольшим экраном, как выяснилось, не работающий... Выглядела она неважно: хилое тельце, совершенно высохшее, синие руки — я сразу поняла, что она тяжело больна. Конечно, я была поражена, что эта нищая совершенно женщина в драном французском халате — та самая Изольда Извицкая.

"Деточка, — вдруг произнесла актриса, — давай с тобой выпьем". Она извлекла из газетного свертка спрятанную бутылку "Столичной", поставила ее на кухонный стол, затем налила две небольшие стопки водки, а на закуску подала черные сухарики. Когда она открывала холодильник на кухне, я заметила, что он пуст. Видимо, все эти последние





*«Люди,  
как реки»*

*дни ее мучил голод, но на водку Изольда деньги где-то доставала. После первой рюмки она потеряла равновесие и схватилась за край кухонного стола. Испугавшись, я обхватила ее руками и поволокла к тахте. Когда она пришла в себя, я попрощалась и ушла. Я понимала, чем все это может кончиться».*

Зимой 1971-го в Театре киноактера Извицкой предложили роль в спектакле «Слава» по пьесе драматурга Виктора Гусева. Это предложение воодушевило актрису, она с энтузиазмом взялась учить текст, ждала начала репетиций. Все эти дни Татьяна Гаврилова ее навещала: приносила еду, помогала убраться, помыться, причесаться. И вдруг

23 февраля Извицкая перестала брать трубку, несмотря на условный стук, дверь не открывала. Гаврилова сразу поняла, что случилось самое страшное. Но в милиции на ее требование взломать дверь ответили: «Не устраивайте здесь спектакль! Может, она куда-нибудь уехала». Только третьего марта Татьяне и одной из сотрудниц Театра киноактера удалось уговорить Бредуна навеститься к Извицкой — у него были ключи от квартиры. Оказалось, что дверь заперта изнутри. Вызвали милицию, слесаря из ЖЭКа — они взломали дверь.

Татьяна Гаврилова: *«Изольда Васильевна лежала на полу как-то боком, головой — на кухне, худеньким*



*«Вызываем  
огонь  
на себя»*

Справа:  
*«Чтобы  
помнили»*

телом — в комнате. Увидев все это, Бредун громко сказал: "Уже набралась, вставай!" Но Извицкая не поднималась. На лице отчетливо проступали характерные пятна, и слесарь проворчал: "Ты что, не видишь, она же мертвая!" Видимо, актриса шла на кухню, но, потеряв сознание, упала и умерла. Судя по всему, пролежала так больше недели. Но я точно знаю дату ее смерти — 23 февраля».

Согласно официальному диагнозу, причина смерти — сердечно-сосудистая недостаточность. Однако всем было ясно: ее сломала тяжелейшая депрессия. И слабое сердце просто не выдержало. Изольде Извицкой было всего 38 лет.

Наталья Фатеева вспоминала: «Я пошла на похороны Изольды и

видела несчастных родителей, отца и мать, хоронивших дочь. Стоял мороз, но светило солнце, словно обогревая холодное кладбище. Мне запомнилось, что, когда опускали гроб и начали бросать мерзлые комья, раздавался жуткий грохот. А пьяный Бредун кричал и кричал: "Бросайте камни аккуратно, аккуратно, ведь ей же больно!"»

Из книги Олега Стриженова «Исповедь»: «Когда в начале 70-х годов умерла Изольда Извицкая, все вдруг заинтересовались причиной ее смерти. Выстраивались различные версии, одна из них: покончила с собой по причине алкоголизма. Почему-то интересовались больше не душой актрисы, которую она раскрыла в своих ролях, а изнанкой жизни. Но ведь ак-

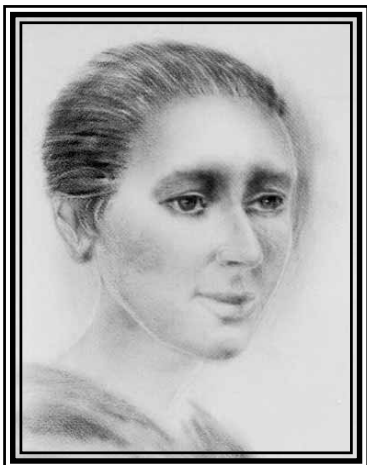


*тер — это загадка, это праздник, а если ты копаешься в мелочах семейной жизни, значит, тебя интересует больше не кино, а замочная скважина квартиры чужого человека. Я не хочу исповедоваться во всех откровениях ни читателю, ни священнику. И все же скажу: Изольда была от природы одаренным человеком, красивой и внешне — чудесные волосы, обворожительная улыбка, и внутренне. Во Франции ее часто сравнивали с Мэрилин Монро. И она удачно вписалась в прекрасный образ Марютки, созданный Лавреневым».*

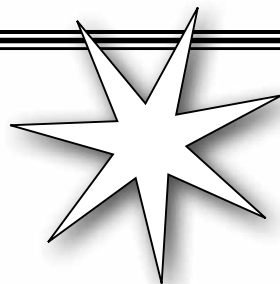
Эдуард Бредун пережил свою жену на 13 лет и умер, не дожив до своего 50-летия трех месяцев, оставшись в памяти людской только

тем, что он был мужем «той самой Изольды Извицкой».

А вот ее звезда не погасла: фильм «Сорок первый» до сих пор занимает свое законное место в сокровищнице мирового кино. Изольду Извицкую зрители до сих пор помнят и любят. О ней сняты несколько документальных фильмов, на ее родине в Дзержинске в краеведческом музее висит мемориальная доска, рядом с которой всегда лежат живые цветы. Посмотреть экспозицию, посвященную актрисе, послушать рассказы о ней ежегодно съезжаются поклонники ее таланта со всей страны. Да и ее могила на Востряковском кладбище — одна из самых посещаемых. И это понятно — забыть Изольду Извицкую невозможно. □



# ПЕРВАЯ ПОЛЯРНИЦА



12 сентября 1736 года штурман Семен Челюскин, согревая руки своим дыханием, негнуцимися от стужи пальцами писал в судовом журнале: «В начале сего 4 часа с полуночи бывшего командира дубель-шлюпки «Якуцка» Прончищева волею Божией жена его умре». Как могла оказаться эта женщина на военном корабле, именем которой названы бухта в море Лаптевых, гора на полуострове Таймыр, полуостров и полярная станция Бухта Марии Прончищевой? И почему именно ее именем увековечены эти географические объекты?

## НЕ БЫЛО СЧАСТЬЯ, ДА НЕСЧАСТЬЕ ПОМОГЛО

В 1713 году в семье мелкопоместного дворянина — владельца села Березово Алексинского уезда калужской губернии Ф.С. Кондырева родилась девочка, которую нарекли Татьяной, что в переводе с латыни «Учредительница». Род Кондыревых хотя и был незнатен, но своими корнями уходил в седую старину. Еще в шестнадцатом столетии сам Иван Грозный за верную службу пожаловал одному из Кондыревых бога-

тое подмосковное имение. Федор Степанович верой и правдой служил первому императору России Петру Великому. Он вместе с царем принимал участие в закладке северной Пальмиры — Санкт-Петербурга, не чураясь никакой, даже самой «черной работы», брал топор в руки и строил корабли. Самодержец по достоинству оценил это и пожаловал ему большой участок земли на острове Котлин. Принял Федор Степанович участие и в строительстве на этом острове крепости Кронштадт. Но не только топором махал



сын дворянский. В трудную минуту он встал на защиту Отечества, сражаясь в рядах русской армии против шведов. В одном из сражений он был тяжело ранен. По повелению царя его отпустили на лечение в родовое имение, где его ждала жена Василиса Петровна (в девичестве Нелюбова — авт.). Но недолго прожил в родовом имении Федор Степанович. Он умер, когда маленькой Тане было всего три года. И пришлось вдове с тремя детьми — сыном Федором, дочерьми Анной и Татьяной — не только отстаивать

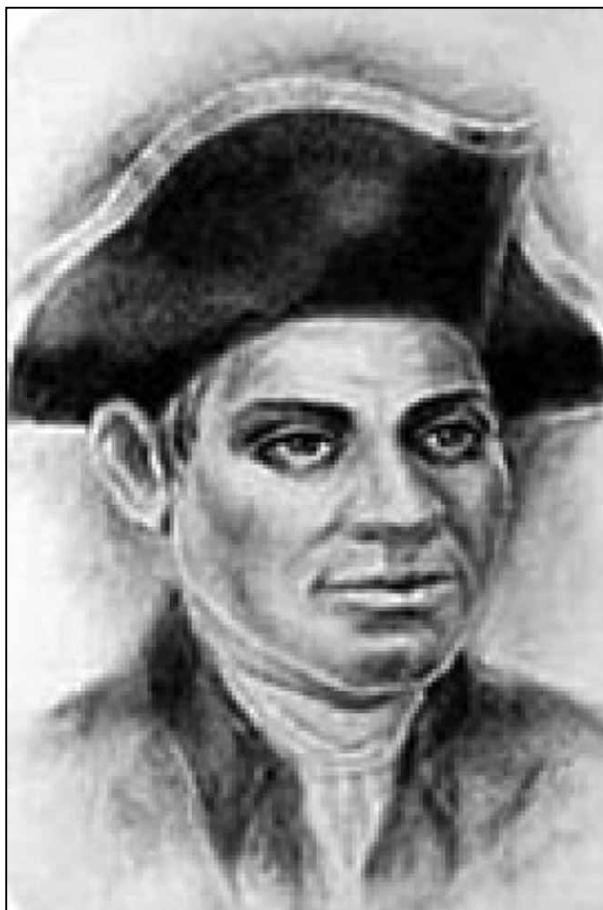
имение от алчных родственников покойного супруга, но заниматься и воспитанием дочерей. Именно от Василисы Петровны Таня узнала о своих предках, которые были отважными мореходами в полярных льдах, ходили на Грумант. Все это крепко запало в душу девочки. А рядом с имением Кондыревых около уездного Алексина находилось имение Прончищевых. Ее владелец, ротмистр Василий Парфенович, был однополчанином покойного Федора Степановича, и они часто ездили в гости друг к другу. Здесь и познакомилась

Таня с сыном Прончищевых — Василием. Но после смерти Федора Степановича Василиса Петровна переехала с детьми из родового имения супруга в Кронштадт. А вскоре умер и Прончищев-старший. Двух братьев-сирот отправили на учебу в Московскую навигацкую школу, а позже Василий Васильевич начал учиться в Петербургской морской академии. Здесь судьба свела его с двумя будущими полярными исследователями — Харитоном Лаптевым и Семеном Челюскиным. Прончищев вскоре был аттестован штурманом, и его направили для прохождения службы вначале на Балтику, а затем на Каспийское море.

А через два года уже лейтенант Прончищев прибыл в Кронштадт, где и встретил Татьяну. Молодые люди полюбили друг друга и 20 мая 1733 года в одном из родовых имений сыграли свадьбу. В июне молодожены прибыли в Москву. Прончищева назначили начальником Ленско-Енисейского отряда Второй Камчатской экспедиции, и Татьяна Федоровна последовала за мужем. Прончищеву предстояло исследовать и описать побережье Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея.

К лету 1735 года в Якутске уже была построена дубель-шлюпка «Якутск», и команда из сорока человек собиралась отправиться в экспедицию. В состав команды вошел и друг Прончищева Семен Челюскин. 7 августа 1735 года жены провожа-

ли своих мужей в это труднейшее плавание, и многие из них с удивлением смотрели, как на борт корабля поднимается женщина. Это была Татьяна Федоровна. До сей поры истории «ломают голову», как она могла попасть на корабль. Во-первых, среди моряков существовало поверье, что женщина на судне — это к бедствию. Во-вторых, судно было военное, и туда женщин не допускали никогда, на это был специальный приказ и инструкция. Таким образом получалось, что Прончищев совершал должностное преступление. Ни в судовом журнале, ни в отчетах не упоминалось ее имя. Даже Беринг — руководитель экспедиции — оставил свою жену в Сибири. На берегу осталось много жен офицеров и моряков, но нога ни одной из них не ступила на борт «Якутска». Кроме, конечно, Прончищевой. И, наверное, стоит гордиться Татьяной Федоровной, которая не только не испугалась сплетен и пересудов, но не утратила оптимизма, ожидая моряков в полярных льдах. По-видимому, она долго убеждала своего Васю, чтобы он взял ее с собой, но он категорически отказывался. И тогда вмешалась команда. Пораженные упорством жены командира, все стали уговаривать Прончищева и давали обет, что будут молчать, не выдадут своего командира. К тому же офицеры убеждали его в том, что Татьяна Федоровна — грамотная женщина, и может помочь в ведении наблюдений. Прончищев колебался.



*Василий и Татьяна Прончищевы*

Все решилось благодаря случаю. Неожиданно выяснилось, что провиант для экспедиции испорчен. За борт полетели крупа и мука. Среди офицеров начались взаимные упреки, подозрения, обвинения. Дело дошло до того, что некоторые начали писать доносы друг на друга. А тут еще одно несчастье постигло Василия и Татьяну. Денщик Прончищева, которого они считали порядочным человеком, на самом деле оказался негодяем. Он сбежал, не забыв о драгоценностях и деньгах Прончищевых, даже ненароком прихватил и их обручальные кольца. Таким образом супруги остались без

средств к существованию, и если бы Василий Васильевич оставил свою жену в Якутске, ее ждала бы мучительная голодная смерть. И тогда, скрепя сердце, он уступил своим товарищам, разрешив жене отправиться с ними в экспедицию.

### **В ПОЛЯРНЫХ ЛЬДАХ**

Прончищев возглавлял третий отряд Второй Камчатской экспедиции. Трудность заключалась в том, что за устьем Хатанги берег Таймыра уходил далеко на север, тогда думали, что к самому Северному полюсу. Выйдя 7 августа 1735 года на «Якутске»,

в конце этого месяца дубель-шлюпка дошла только до устья Оленека.

Повеяло холодным дыханием Арктики. В судне открылась течь, ударили сильные морозы, и Прончищев принял решение остановиться на зимовку. Они высадились на берег около небольшого якутского селения. И все его жители, за исключением только одного, спешно бежали, увидев пришельцев. Вот здесь и пригодилась жена командира отряда. Уже само присутствие женщины говорило о том, что у белых людей самые добрые и мирные намерения. Татьяна Федоровна смело вступила в переговоры с якутами. Их сумели убедить в том, что им не желают ничего плохого, и они вскоре вернулись в свои жилища. Чуть позднее сам Прончищев доносил, что русские моряки поступали с местным населением «со всякою ласкою и обнадёживали добротами».

Татьяну Федоровну часто можно было видеть в жилищах эвенков и якутов. Аборигены очень внимательно рассматривали эту смелую женщину, рискнувшую отправиться в такое опасное путешествие. При помощи местного населения были построены две избы для зимовки. Сразу же приступили к ремонту «Якутска».

Вместе с офицерами Татьяна Федоровна начала собирать сведения об обычаях и нравах местного населения, помогала вести наблюдения, большим подспорьем стало и то, что она систематизировала

все записи. В трудную минуту эта храбрая женщина с лаской и нежностью успокаивала отчаявшихся, убеждала, уговаривала и служила примером для всех матросов и офицеров. Она была в экспедиции и поваром, и лекарем, оказывала помощь не только членам команды, но и местному населению. Все считали ее своего рода путеводной звездочкой и верили, что отряд выполнит возложенное на него задание Беринга.

На помощь русским пришли туземцы. Видя их доброту, они помогали им на охоте и вместе с ними добрались до реки Анабар, где были найдены месторождения медной руды.

В августе 1736 года Прончищев продолжил путь. Аборигены провожали команду как настоящих друзей. Но климат Арктики вскоре сказала — появилось немало больных, нагрянула страшная цинга. Плохо стал себя чувствовать и сам капитан, но все же решил продолжить плавание. А у них не было карт. Приходилось ориентироваться только по звездам и навигационным приборам. Медленно дубель-шлюпка продвигалась вдоль берега, боясь быть раздавленной толстыми льдами. На пути встречались коварные морские мели. В придачу, не было ветра, и пришлось сесть за весла. Прончищев постоянно находился на палубе с подзорной трубой. Рядом с ним была его верная спутница жизни. Кругом царило ледяное безмолвие, ни одного ни жилища, ни человека.



Неожиданно на берегу залива Симса путешественники увидели одиноко стоявшую развалившуюся избушку. Взору моряков представила страшная картина — в зимовье лежали останки трех человек. Это были члены промысловой экспедиции. На полу валялись компас, солнечные часы, ножи и даже кусок полуистлевшей грамоты от царя Михаила Федоровича. С молитвой моряки погребли останки умерших почти сто лет назад и отправились дальше по бескрайней снежной пустыне.

Но были и радостные моменты. Был открыт остров Преображения, а 16 августа 1736 года — бухта, которая с 1913 года стала носить имя Прончищевой. Были открыты и исследованы острова Петра, Фаддея, Самуила, залив Фаддея. К югу в отдалении на материке моряки обнаружили окончание гор Бырранга.

Погода стала портиться, видимость ухудшилась из-за наступившего с востока тумана. Но «Якутск» продолжал упорно двигаться к северу, держась чуть восточнее кромки льдов.

Вскоре берег исчез из виду. На западе появились почти сплошные льды с редкими разводьями. Произведя замеры, выяснили, что находятся на 77 градусах северной широты. Лавируя во льдах, Прончищев повел судно дальше на север. Позднее исследователи доказали, что «Якутск» продвинулся севернее мыса Челюскин к восточному входу

в залив Вилькицкого. Только пасмурная погода не позволила морякам увидеть архипелаг Северная Земля и самый северный мыс Евразии. «Великие льды» не давали возможности двигаться дальше, к тому же мороз усилился. Прончищев собрал «консилиум», на котором было решено повернуть на юг.

В это время Василий Васильевич был смертельно болен. Татьяна Федоровна днями и ночами дежурила у его постели. Теперь «Якутск» вел Челюскин. Моряков не пугали уже ни штормы, ни сильный холод, ни ледяные поля. В любую минуту дубель-шлюпка могла быть раздавлена.

28 августа подошли к устью Оленька. На следующий день, несмотря на



болезнь, Прончищев лично отправился отыскивать безопасный фарватер для «Якутска». Но он был так слаб, что не сумел удержаться на ногах, упал и при этом сломал ногу. Отсутствовали медикаменты, сказался и сильнейший мороз. У Василия Васильевича началось заражение крови. Не приходя в сознание, он скончался 30 августа на руках любимой и любящей жены.

Похоронили своего командира на высоком берегу мыса Тумуль, отдав ему последние воинские почести. Горе Татьяны Федоровны было безмерно, несколько часов она просидела на могиле мужа, не сказав ни слова.

Молодая вдова пережила своего любимого и ненаглядного Васю всего на четырнадцать дней. Умерла она на рассвете 12 сентября. Перед смертью попросила Челюскина похоронить ее рядом с мужем. Семен Иванович выполнил ее волю...

В 1913 году экспедицией Вилькицкого мыс при входе в одну из безымянных на тот момент бухт на восточном побережье Таймыра был назван в честь Прончищевой и отмечен на карте как «м. Прончищевой». Обозначение на карте «м. Прончищевой» (мыс Прончищевой) было при подготовке издания карт воспринято как относящееся к близлежащей бухте и трансформировалось со временем в бухту М. Прончищевой. В 1921 году «М» было расшифровано в «Марию». Так Татьяна Федоровна стала Марией. И, соот-

ветственно, супругу Василия Васильевича долгое время считали Марией. Ее подлинное имя было установлено лишь в 1983 году при просмотре документов Центрального государственного архива древних актов. Могила Прончищевых сохранилась до наших дней. В 1875 году она была найдена геологом А.Л. Чекановским. Еще в 1893 году Э.В. Толь установил на могиле супругов крест, а в 1921 году гидрограф Н.И. Евгенов вновь восстановил его.

В наши дни могила Прончищевых, рядом с которой находятся полярная станция и поселок Усть-Оленек, охраняется как исторический памятник. В 1999 году экспедиция Института археологии Российской академии наук провела эксгумацию и перезахоронение останков супругов Прончищевых. Впервые была проведена работа по реконструкции их лиц, и в результате написаны портреты Василия Васильевича и Татьяны Федоровны. А сибирский поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский посвятил первой женщине-полярнице стихи:

*На взморье одинокая могила,  
Чугунный крест и пасмурный гранит.  
Их жизнь и смерть навек соединила,  
Здесь Прончищев с подругою  
зарыт...*

*Невеста бурь, подруга капитана!  
Отчизна помнит славные дела,  
Как ты сквозь льды и штормы океана  
Из русских женщин первая  
прошла... □*

## «Джерсийская лилия»

**Она была любовницей наследника английского престола, будущего короля Эдуарда VII, и перипетии их связи обсуждала вся страна. Ее талантом актрисы, остроумием и изяществом восхищались Сара Бернар, Марк Твен, Редьярд Киплинг и Сомерсет Моэм. Именно для нее Оскар Уайльд написал одну из своих самых блистательных пьес, а ее портрет был замурован под обелиском «Иглы Клеопатры», установленным на набережной Темзы. Яхта, приобретенная для нее одним из любовников, была роскошнее королевской, а принадлежавшие ей чистокровные скакуны приносили баснословные деньги, побеждая на самых престижных скачках...**



Лилли Лэнгтри (в девичестве Ле Бретон) родилась 13 октября 1853 года на острове Джерси, где ее предки жили еще с конца X века. Один из них участвовал в исторической битве при Гастингсе на стороне Вильгельма Завоевателя. Ле Бретоны владели обширными землями на Джерси, од-

нако к началу XIX века потеряли свои богатства и влияние. Отец Лилли, настоятель местного кафедрального собора, был одним из самых уважаемых горожан на острове.

В детстве она была сущим бесенком, не уступая своим братьям в проказах, вполне, впрочем, невинных.

Плавать научилась в четыре года, в шесть уже уверенно сидела в седле. В десять лет превратилась в прехорошенькую девушку, а в четырнадцать с половиной — получила первое предложение руки и сердца от молодого офицера, переведенного в гарнизон Джерси. Отец Лилли отговорился тогда молодостью дочери. В воздыхателях у Лилли и дальше недостатка не было, однако о заму-

более откровенно высказывалась по поводу своего решения. Дело в том, что Эдварду принадлежала быстроходная красавица-яхта. В нее-то Лилли и влюбилась. «Чтобы стать хозяйкой яхты, пришлось выйти замуж за ее владельца», — без тени стеснения объясняла она.

Свадьба состоялась в марте 1874 года. Молодые довольно приятно проводили время, путешествуя на

---

**В** детстве она была сущим бесенком, не уступая своим братьям в проказах, вполне, впрочем, невинных. Плавать научилась в четыре года, в шесть уже уверенно сидела в седле. В десять лет она превратилась в прехорошенькую девушку, а в четырнадцать — получила первое предложение руки и сердца от одного молодого офицера. В воздыхателях у Лилли недостатка не было, однако о замужестве она впервые серьезно задумалась, когда встретила Эдварда Лэнгтри, наследника состоятельной купеческой семьи из Ольстера

---

жестве она впервые серьезно задумалась, когда встретила молодого вдовца по имени Эдвард Лэнгтри, наследника состоятельной купеческой семьи из Ольстера, человека бесхарактерного и довольно бесцветного. Лилли была всего на два года моложе Эдварда, которому исполнилось двадцать два, но, обладая ясным умом и твердым характером, не сомневалась, что сумеет крутить слабым мужем, как пожелает. Любила ли она его? Отца и мать она уверяла, что да. Позднее Лилли гораздо

своей яхте и участвуя в многочисленных регатах. Не будет преувеличением сказать, что Эдвард трепетал перед своей красавицей-женой. Доходило до курьезов. Однажды они участвовали в гонке на Темзе. К вечеру ветер стих. Раздосадованная Лилли удалилась в свою каюту и легла спать. Однако за ночь течение вынесло яхту, у руля которой находился Эдвард, к финишному створу, и она пересекла его первой. Чтобы победа была засчитана, Эдвард должен был выстрелить из носовой пушки. Од-

нако, опасаясь разбудить Лилли, он не решился произвести этот выстрел, и яхта была дисквалифицирована.

Вскоре супруги Лэнгтри поселились в Лондоне. Дом в семнадцать комнат уже не казался Лилли достойным для нее пристанищем. Она была очень честолюбива и верила в свою счастливую звезду. Ее с Эдвардом начали приглашать в светские гостиные. Мужчины были без ума от красоты и обаяния «Джерсийской лилии», как все чаще называли ее теперь. Начинающий поэт Оскар Уайльд, демонстрируя свое восхищение восходящей звездой, расхаживал по улицам Лондона, держа в руках цветок лилии, купленный на цветочном рынке. Он был бы рад купить целый букет, но лилия стоила два пенса, а Оскар был беден, как церковная мышь. Зато он преподнес Лилли тоненький томик первых своих стихов (весьма слабых) с посвящением, в котором именовал ее Еленой Троянской (Прекрасной).



Как-то на банкете один из молодых художников сделал карандашом набросок с Лилли. Репродукции с этого наброска уже через несколько дней появились в витринах лондонских магазинов. Дело в том, что с 70-х годов в Англии необычайную популярность приобрели открытки и фотографии, изображавшие элегантно одетых дам в изящных интерьерах. Эти «профессиональные красавицы», как их тогда называли, являлись для современников примерно тем же, чем сегодня являются для публики звезды шоу-бизнеса и топ-модели. Лилли быстро стала одной из самых популярных «профессиональных красавиц» и получала неплохие комиссион-

ные от художников и фотографов. Лондон буквально сходил по ней с ума. Восторженные почитатели едва не бросались под копыта ее скакуна, когда она выезжала на прогулку в парк. У дверей магазинов, в которые она входила, собирались целые толпы зевак. Подход к ее портрету, выставленному в Королевской академии искусств, огородили веревками — таков оказался наплыв

осторожно сняла ее с крюка и сбросила на пол, считая, что изображению «профессиональной красавицы» не место в ее дворце. Однако решить проблему Лилли столь простым способом королеве, как оказалось, не удалось. Именно в эти дни портрет красавицы попался на глаза принцу Уэльскому, а это было уже серьезно.

Альберту-Эдуарду или Берти, как называли наследника престола близ-



*Дороти Дин и Лилли Лэнгтри на картине «Идиллия»*

зрителей. Кстати, именно этому портрету суждено было сыграть важную роль в жизни Лилли. Репродукцию с него приобрел и, заключив в серебряную раму, повесил в своей гостиной младший сын королевы Виктории принц Леопольд. Как-то, навестив сына и быстро проследовав по его апартаментам, королева неожиданно остановилась у портрета. Не поленившись взобраться на стул, несмотря на свою тучность, она внимательно рассмотрела картину, затем

кие, было уже за тридцать пять, и он доставлял своей царственной матушке немало огорчений. Королева не допускала сына к делам внешней политики, которой он интересовался, и потому Берти с головой ушел в светские удовольствия. Уж их-то лишить его не мог никто. Берти обожал лошадей и проигрывал на скачках огромные суммы. Не меньше он тратил на охоты и приемы гостей. Он слыл законодателем моды не только в Англии, но и в Европе.

Одних только шляп, цилиндров и прочих головных уборов в его гардеробных комнатах насчитывалось свыше полутора сотен. Но главным его увлечением были женщины. Амурные похождения принца стали притчей по языцех во многих европейских странах. И это притом, что Берти был женат. Его супруга, принцесса Александра, дочь короля Дании (ее родная сестра Дагмар была замужем за русским императором Александром III), отличалась удиви-

чем он публично появлялся в лондонском свете. Более того, его супруга приглашала Лилли отужинать на борт королевской яхты «Осборн». Впрочем, принцесса Александра вообще достаточно спокойно относилась к «шалостям» мужа.

Однако триумфом для Лилли стал тот день, когда в Виндзорском дворце она была официально представлена королеве Виктории. Лилли в роскошном вечернем платье со шлейфом длиной почти в три ме-

---

**М**ужчины были без ума от красоты и обаяния «Джерсийской лилии», как все чаще называли ее теперь. Начинаящий поэт Оскар Уайльд, демонстрируя свое восхищение ею, расхаживал по улицам Лондона, держа в руке цветок лилии. Он преподнес Лилли тоненький сборник своих первых стихов с посвящением, в котором именовал ее Еленой Троянской (Прекрасной)

---

тельной красотой, но удержать около себя легкомысленного мужа не смогла.

Знакомство Лилли и принца состоялось в доме его друзей. Лилли покорила Берти не только своей красотой, но и сильным, независимым характером. На стене роскошного особняка, который принц выстроил для своей «Джерсийской лилии», она приказала сделать надпись: «Они говорят... Что они говорят? Да пусть говорят...»

До этого знакомства Берти никогда не афишировал свои любовные связи, а Лилли стала первой, с

тра изящно присела в глубоком реверансе перед королевой, восседавшей на троне. И хотя Виктория не удостоила любовницу сына ни единым словом, ни даже слабым подобием улыбки, Лилли расценила эту сцену как свою победу. Берти тоже был доволен. Правда, после приема он добродушно заметил: «Все было превосходно, но с плюмажем ты все-таки переусердствовала». Лилли, зная, что старая королева не любит маленьких страусиных перьев, действительно несколько переборщила, выбрав для своего головного убора гигантские перья. Вообще же она



обладала изысканным вкусом. Ее пеньюары были отделаны мехом горноста, а вечерние платья — мехом серебристой лисицы. Фасоны ее платьев, зонтов, тубель, муфт — все это становилось предметами для подражания, тиражировалось модными магазинами.

Связь Лилли и Берти продолжалась почти три года. Для принца это уже был рекорд, тем не менее, Лилли понимала, что бесконечно их роман длиться не может. Ей следовало подумать о будущем. Толчок к этим мыслям ей подали гастроли в Лондоне великой французской актрисы Сары Бернар. Лилли была потрясена ее талантом. Берти был хорошо знаком с великой Бернар и представил ей свою приятельницу. Впервые в жизни Лилли испытала нечто, похожее на трепет, а Бернар, гля-

дя на нее, подумала: «С таким решительным подбородком она далеко пойдет». Надо сказать, что чувство ревности и зависти было несвойственно «Джерсийской лилии». Однако то почти детское восхищение, которое вызывала Бернар у лондонцев, включая и Берти, невольно задевало ее. В это время она сама находилась в апогее славы. О ней сочиняли песни, которые затем тиражировались десятками тысяч экземпляров. Принц с супругой посетили премьеру оперы, посвященной ей, под названием «Лилия из Киларни». Тем не менее, успех великой француженки потряс английскую красавицу. Мысль повторить успех «божественной Сары» завладел всем ее существом. «Я отдала бы всю свою красоту за шанс хотя бы приблизиться по мастерству к этой великой актрисе», — признавалась она позднее. Тем временем принц стал уделять Лилли меньше внимания, чем



прежде. Когда Сара вернулась в Париж, он последовал за ней. Во время спектакля о русских нигилистах под названием «Федора» он изъявил желание участвовать в представлении. Бернар немедленно нарядила его в костюм мужа главной героини — бездыханный труп, который приносят домой, и зрители получили возможность увидеть принца в этой странной роли.

Да что там Берти! Даже Оскар Уайльд, несколько лет назад провозгласивший Лилли новой Еленой Троянской, теперь пел дифирамбы «божественной Саре», уверяя всех, что в профиль Бернар — вылитая римская богиня, правда, какая именно, он не мог припомнить. Впрочем, постепенно «страсти по Бернар» улеглись.

А в личной жизни Лилли произошли важные изменения. Дело в том, что принц познакомил ее со своим племянником, Луи Баттенбергом, обаятельным офицером королевского военно-морско-



*Король Эдвард VII*

го флота. Он был отпрыском династии Баттенбергов, правившей в небольшом немецком княжестве Гессен. Луи не мог наследовать княжеский титул своего отца, поскольку родился от мorganатического брака, но, тем не менее, получил предложение стать правителем Болгарии. Однако политика и власть мало привлекали его, он обожал море и мечтал о карьере военного моряка. Берти, который любил и восхищался молодым человеком, пригласил его служить на своей яхте «Осборн».

Многие дамы считали Луи Баттенберга одним из самых привлекательных кавалеров Европы. Высокого роста, хорошо сложенный, он прекрасно танцевал, был великолепным наездником и пловцом, неплохо играл на фортепиано. Даже



*Луи Баттенберг*

чопорная королева Виктория любила слушать его анекдоты, над которыми порой смеялась до слез.

Луи страстно влюбился в красавицу Лилли. Она тоже не осталась равнодушной к нему. Берти, скорее всего, знал об их отношениях, но мелочная ревность была не в его характере. Дело было в муже Лилли, Эдварде. Он не мог помешать роману супруги с принцем, но наотрез отказался дать Лилли развод для того, чтобы она могла выйти замуж за Луи.

Между тем, Луи Баттенберг делал успешную карьеру как офицер британского военно-морского флота. Он уже давно покинул королевскую яхту и теперь бороздил просторы мирового океана на боевом фрегате. Именно поэтому ему не сразу стало известно,

что в марте 1881 года у него родилась дочь. Девочка получила имя Жанна-Мария, и на свет она появилась в Париже. Эдвард Лэнгтри был заблаговременно отправлен в Америку и ничего об этом знаменательном событии не знал. В Париж Лилли приехала в сопровождении матери.

Луи по-прежнему был влюблен в свою «Джерсийскую лилию» и мечтал назвать ее своей женой, однако родители решительно воспротивились его матримониальным планам. Князь Александр Баттенберг пришел в ужас при мысли о том, что сын повторит его судьбу, связав себя мorganатическим браком. Принц, разумеется, знал, кто отец девочки, но молчал, опасаясь, что скандал может повредить карьере его любимца. Практически весь двор был убежден в том, что Жанна — дочь самого Берти, а он никого не разубеждал.

Оставив дочь со своей матерью, Лилли решила, что настало время приступить к осуществлению своих театральных проектов. К этому ее побуждало не только честолюбие, но и насущные потребности. Денег, чтобы вести привычный для нее образ жизни, не хватало. Эдвард был никудышным бизнесменом, Луи, располагавший лишь небольшим жалованием морского офицера, не мог оказать ей существенную помощь, да и виделись они лишь несколько раз в году. Несмотря на всю свою любовь к нему, трезвомыслящая Лилли все больше убеждалась в бесперспективности их дальнейших отношений, да и сам Луи уже начал

отчаиваться когда-нибудь назвать ее своей женой.

Дебют Лилли состоялся в лондонском театре Хаймаркет в пьесе Гольдсмита, и «Таймс» отметил ее «несомненный артистический потенциал». Огромная энергия и честолюбие, а также дружеская поддержка принца, с которым Лилли сохраняла теплые отношения, несмотря на то, что они уже больше не были любовниками, помогли ей достаточно быстро добиться успеха на новом поприще. У нее была своя труппа, с которой она гастролировала сначала по Англии, а потом и Соединенным Штатам. Успех был потрясающий. Публика валом валила в театры, чтобы взглянуть на женщину, которая покорила принца Уэльского и лондонский высший свет. При виде ее нью-йоркцы начинали насвистывать мелодию «Вальса Джерсийской лилии». Самым популярным именем для новорожденных девочек в Новом Свете стало имя «Лилли».

В нее без ума влюбился молодой американский миллионер Фредди Гебхардт. Он сопровождал Лилли во всех ее гастроях по Штатам. По его заказу для Лилли был изготовлен специальный вагон, который обошелся ему в четверть миллиона долларов. В нем был просторный салон, обшитый золотистыми лионскими кружевами и обставленный антикварной мебелью. Гостиная и личные апартаменты Лилли тоже были убраны с царской роскошью. Краны и прочие аксессуары в ванной комнате были сделаны из чистого серебра.

Мать Лилли привезла Жанну в Штаты, и они вместе путешествовали в роскошном вагоне по стране. Правда, обращаясь к Лилли, девочка называла ее «тетушкой». Ей было сказано, что она — дочь брата Лилли, который погиб в Индии. Зарабатывая очень хорошие деньги, Лилли приобрела в Калифорнии большой дом, получила американское гражданство и сумела оформить в суде развод с Эдвардом Лэнгтри. Последний ничего об этом не знал. Так же, как не имел понятия о существовании Жанны-Марии.

Лилли время от времени приезжала в Англию, где вела светский образ жизни. Ей стало известно, что еще в 1884 году Луи Баттенберг женился на внучке королевы Виктории, принцессе Виктории Гессенской.

Она тем временем познакомилась с баснословно богатым шотландцем по имени Джордж Бэйрд. Тот осыпал ее драгоценностями, купил роскошный особняк. Однако у Бэйрда имелся достаточно необычный для джентльмена недостаток. Все женщины, которые становились его возлюбленными, страдали от его ... рукоприкладства. Не стала исключением и Лилли. Один раз он отколотил ее едва ли не до полусмерти. Зато, выйдя из больницы, она получила от него кучу драгоценностей, трех лучших жеребцов из его конюшни и роскошную яхту, по своему тоннажу и богатству отделки превосходящую королевскую. Яхту Лилли вскоре продала, так как содержать ее было слишком накладно. Зато вскоре ее

конюшня стала одной из лучших в Англии. В октябре 1897 года Лилли только во время одного заезда выиграла 120 тысяч фунтов стерлингов.

Во время одного из приездов Лилли в Англию ее навестил Оскар Уайльд, который принес с собой рукопись пьесы, написанной для нее. Пьеса называлась «Веер леди Уиндермиер». Оскар уверял, что она ей идеально подходит. Однако Лилли была шокирована, узнав, что ей предназначена роль светской дамы, у

могла распоряжаться своей судьбой. Высокоставленный австрийский дипломат Пауль Антонио Николас, князь Эстергази, уже давно мечтал назвать ее своей женой, но Лилли отказала ему, отдав предпочтение молодому аристократу Хьюгу де Бейзу, которому в то время было 27 лет. Обвенчались они в 1899 году.

Взрослеющая Жанна-Мария, уже знавшая, кто ее настоящая мать, жила в роскошном лондонском особняке Лилли вместе с бабушкой. Ей ис-

---

**Л**илли следовало уже подумать о будущем. Она понимала, что ее роман с принцем Альбертом бесконечно длиться не может. Толчок к этим мыслям ей подали гастроли великой Сары Бернар, которой Берти представил свою подругу. Впервые в жизни Лилли испытала нечто, похожее на трепет, а Бернар, глядя на нее, подумала: «С таким решительным подбородком она далеко пойдет»

---

которой есть незаконнорожденная дочь. Она была так разгневана, что отказалась даже прочитать пьесу и не позволила Уайльду оставить рукопись. Свой отказ она объяснила тем, что, слава богу, находится еще не в том возрасте, чтобы иметь взрослую дочь. Но, разумеется, подлинная причина отказа состояла в том, что сюжет пьесы слишком уж напоминал события реальной жизни.

В 1897 году скончался Эдвард Лэнгтри. Лилли официально была разведена с ним в Штатах, но в Англии об этом мало кто знал. Теперь после смерти Эдварда она смело

полнилось двадцать лет, когда она совершенно случайно узнала о том, кто ее отец. Потрясенная девушка была не в силах простить матери многолетнюю ложь и разорвала с ней все отношения. Летом 1902 года она вышла замуж за члена парламента, сэра Иана Малькольма. На свадьбе присутствовало несколько сот человек, Лилли среди них не было.

Шли годы. У Жанны было уже трое сыновей и дочь, но с матерью она по-прежнему не поддерживала никаких отношений. Лилли жила то в Англии, то в Нью-Йорке, то на Французской Ривьере. В 1918 году Лилли

завершила свою театральную карьеру, ей было тогда 65 лет. Во время одного из ее приездов в Лондон состоялось, наконец, и примирение с Жанной.

Лилли приобрела в Монако виллу Валле де Лис, на которой часто гостили ее внуки. А Хьюг де Бейз, целиком зависивший от жены в финансовом отношении, жил в Ницце, в доме, купленном на ее деньги. У каждого из них была своя жизнь. Встречались они лишь во время официальных приемов, которые устраивала Лилли.

«Джерсийской лилии» исполнилось семьдесят пять, когда она впервые серьезно заболела. Это был бронхит, осложненный плевритом. Она поправилась, но здоровье ее было подорвано. В феврале 1929 года она снова заболела, и на этот раз болезнь не пощадила ее. Лилли Ле Бретон Лэнгтри де Бейз скончалась 12 февраля 1929 года. «Нью-Йорк Трибьюн» отозвалась на это событие большой редакционной статьей, которая завершилась словами: «Ее смерть ознаменовала



конец целой эпохи». Похоронена она была на острове Джерси.

Лилли утверждала, что добилась в жизни всего, чего хотела. Возможно, она не была вполне искренна. Ведь ей так и не удалось выйти замуж за единственного мужчину, которого она, похоже, по-настоящему любила — Луи Баттенберга. Впрочем, пути Господни неисповедимы. Возможно, такова была воля госпожи Истории. Ведь дочь Луи от брака с принцессой Гессенской, Алиса, вышла замуж за греческого принца Андрея, и в 1921 году у них родился сын, которого назвали Филиппом. Сегодня он известен всему миру как герцог Эдинбургский, супруг ныне здравствующей королевы Великобритании Елизаветы II, закончивший свой жизненный путь весной 2021 года. □



# СМЕРТЬ

## надевает маску

Работать начальником поезда в карантин — это нечто. Циркуляров и проверяющих больше, чем пассажиров. Да и пассажиры скучать не дают. Нет бы тихо сидеть в своих респираторах — чуть не потоком лезут в штабной вагон, грузят проблемами. Хотя вагоны наполовину пустые, после очередного рейса из Питера Николай Федорович чувствовал себя как выжатый лимон. Раньше было время передохнуть между поездками, а теперь и этого не осталось: когда состав отгонят в тупик, ему нужно лично присутствовать при дезинфекции перед вечерним рейсом. И через три часа — снова в дорогу, обратно в Питер.

Лидка, проводница штабного вагона, уже собиралась захлопнуть дверь, когда он увидел женщину, спешащую к поезду. Нелепая — длинная юбка чуть не волочится по перрону, волосы странного цвета — почти фиолетовые, лицо морщинистое. Но шагает бодро. Пассажирка? Забыла что-то?

— В каком вагоне ехали? — услышал он Лидкин рык. — Нет, начальник поезда занят. Отойдите, мы сейчас в депо.

Николай Федорович быстро отодвинул стакан с чаем и поспешил на помощь. И очень вовремя: назревала настоящая буря. На глазах у пожилой дамы слезы, вцепилась в поручень вагона, а Лидка ее оттолкнуть пытается. Сейчас еще травму нанесет!

— А ну, отойди, — велел он подчиненной и ласково обратился к старухе: — Я — начальник поезда. Вы ко мне?

---

Окончание. Начало в №2, 2022 г.

Бабка мигом перестала рыдать, ловко ввинтилась внутрь и внушительно произнесла:

— Прошу внимательно выслушать, что я вам скажу. У меня убили сына, два дня назад, двадцать шестого апреля. Его звали Александр Бардин. Актер театра и кино. Вы наверняка его знаете.

Начальнику поезда показалось: имя вроде знакомое.

Верная Лидка увидела, что шеф растерялся, и мигом пришла на помощь:

— Я этого актера в лицо знаю. И по всем вагонам хожу. Не ездил он у нас в поезде. Выходите! Сейчас в тупик уедем.

Но посетительница вытерла слезы и как отрезала:

— Он и не ездил. Вы убийцу везли! С вашей бригадой двадцать шестого апреля ехала женщина — его жена, моя невестка. Достоверно известно, что билет она покупала, в поезд садилась. Но мне нужно знать, добралась она до Санкт-Петербурга или вышла раньше?

— А мы-то откуда знаем? Мы за пассажирами не следим, — отозвался Николай Федорович. — И вообще, мы не выдаем личную информацию. Обращайтесь в полицию.

А Лидка вдруг спросила:

— В каком вагоне ваша невестка ехала?

— Не знаю, — понурилась пожилая женщина. — Но у меня есть ее фотография. Она девица приметная, а у вас всего восемь вагонов. Понимаете... мой сын был богат. Его убили — в ту самую ночь, когда она в Санкт-Петербург якобы отправилась. Я полагаю, невестка специально уехала, чтобы алиби себе обеспечить. Но если она вышла в Твери... и вернулась в Москву — тогда все меняется!

— Я не буду обсуждать с вами других пассажиров. Если у вас есть подозрения, обращайтесь в полицию, — повторил начальник поезда.

Он ожидал, что Лидка поддержит, но суровая проводница неожиданно мягким тоном проговорила:

— Николай Федорович, все равно в тупик уже едем. Давайте девочек позовем, пусть фотку посмотрят. Жалко, что ли?

С Касей Полуянов встретился на площадке отдыха дальнобойщиков.

— Пойдем ко мне в машину. Поговорим, — сухо произнес он.

— А может, лучше сразу поедем? — жалобно посмотрела на него Кася.

— Куда?

— Ну... куда вы меня спрячете. Мне дома никак нельзя оставаться!

— Почему?

Она потупилась, огляделась по сторонам, понизила голос и выпалила:

— Вы верите, что я не убийца?



— Я никогда не верю на слово.

— Но я медик, клятву давала!

— Не самый убедительный аргумент.

— Ну, подумайте сами! У меня бы и сил не хватило убить! Я могла мужа бросить, но не стала бы убивать! И убийцу нанимать — тоже. Но... я была в Москве двадцать шестого апреля. В тот день, когда Саша погиб.

— То есть ты не уехала в Питер? — нахмурился Дима.

— Нет, уехала! Господи! Там так все запуталось! Это все Лика, моя сестра! Она придумала план, помочь обещала, а потом предала меня. Димочка, пожалуйста! Я умоляю, спрячьте меня! Клянусь, я не виновата ни в чем. Но... наверное... меня будут искать.

Дима пожал плечами, вздохнул и коротко бросил:

— Садись в свою машину и езжай за мной.

А что ему еще оставалось делать? Оставить ее здесь одну?

Кася еще в юности поняла: лучший путь для нее — побыстрее выйти замуж. Куда еще деваться? Учиться она не любила, финансово поддержать некому, приемные родители в черном теле держали. Зато внешностью бог не обидел. Глаза синие, лучистые, нос прямой, кожа фарфоровая, волосы густые. Поклонников всегда хватало, но головы Кася не теряла ни разу. Сладкие речи слушала, букеты брала, но никого не обнадеживала — особенно после того, как одноклассник Мишка из-за нее вены резать пытался.

Она всегда хотела связать жизнь с медициной, но никогда не мечтала стоять за операционным столом, реанимировать, вытаскивать с того света, пачкать руки в чужой крови и гное. В медучилище, когда таскали в морг или на кесарево, пряталась за спинами однокурсников. И работать пошла — сначала в физиотерапию, а потом в «легкое» отделение частной психиатрической клиники.

Двоюродная сестра Лика вслух не говорила, но всем своим видом давала понять: Кася — бедна и глупа. Поэтому если и светит ей муж, то самый заурядный. Но она ошиблась. Касе в супруги достался идеал. Молодой, красивый, талантливый, не жадный. Счастливая жена с удовольствием «растворилась» в муже, стала его тенью. Сашка был главным во всем и гораздо умнее ее.

Пару лет Кася прожила покорной женой. Даже свекровь — абсолютно невыносимую даму — как-то терпела. Но дни летели, стремительно подступал тридцатник, и она все чаще стала задумываться — а что дальше? Своих денег у нее нет и не будет. Работать муж запретил, имущества никакого не положено: свекровь настояла на брачном контракте. Образ идеального супруга постепенно мерк. Сашка обрастал поклонницами, начинал

«звездить», руку на нее посмел поднять. Да еще матушка упоенно подначивала, чтобы сын держал супругу в ежовых рукавицах, а лучше бы вообще поменял — на девушку своего круга.

Только отдушина и была — теннис. А еще любовник Денис Ивашов.

Кася сначала думала: просто развлекаться, но партнер по миксту запал на нее серьезно — звал замуж, сулил золотые горы. Любая другая визжала бы от радости, но ей какой смысл менять шило на мыло?

Раньше Кася только смеялась, когда двоюродная сестра говорила, что рассчитывать на супруга — путь в никуда, а сейчас начала понимать: Лика права. Что будет дальше, когда ей стукнет тридцать, сорок, пятьдесят? Продолжать зависеть от милостей мужа? Молчаливо терпеть молодых моделей? Постоянно дрожать, что тебя выкинут на улицу, потому что надоела и потеряла товарный вид?

Кася решила искать способ, чтобы обеспечить себе независимую, счастливую старость. Она завела секретный счет в банке. Помаленьку отщипывала от тех денег, что Сашка выдавал на хозяйство. Диню тоже приучила не сумочки из крокодиловой кожи дарить (их дома все равно не предъявишь), а переводить ей на карточку, мол, лучше сама куплю, что мне надо. Очень уж хотелось: обеспечить себя не прожиточным минимумом, а радикально.

Брачный договор Кася когда-то подмахнула, не читая, хотела доказать свекрови, что не ради денег за Сашку пошла. Внимательно изучила его только спустя годы после свадьбы. Овца она, конечно, что согласилась. С какой стати все имущество, нажитое в браке, при разводе отходит мужу? Разве жене не положена награда за то, что она обустроивает быт, терпит придирки и поучения? Но за преданную службу Касе при разводе только машина светила. Да и той не достанется — если будет документально подтверждена ее супружеская неверность. Руки бы вырвать тому юристу, кто филькину грамоту составил! А свекровь — идейного вдохновителя — вообще живьем надо сварить.

Сначала она собиралась, плавно и аккуратно капать мужу на мозг. Уговаривать, умолять, угрожать, но добиться, чтобы в случае развода все делилось пополам.

Когда она обсудила план с двоюродной сестрой, та в ответ фыркнула:

— Мелко ты плаваешь. Нить, клянчить — фу!

— А какие еще варианты?

— Да я бы сразу в суд пошла, сказала бы, что документ кабальный, меня вынудили его подписать.

Судиться с Сашкой Кася пока что не собиралась, однако была у нее приятельница, знавшая все и вся, включая юриспруденцию. Она обратилась за советом, и та подтвердила: судьи (в большинстве своем дамы) часто стано-

вятся на сторону брошенных жен. А если на руках будет такой козырь, как Сашкина супружеская неверность, — почти сто процентов, что совместно нажитое имущество поделят, согласно семейному кодексу, то есть поровну, несмотря ни на какие брачные контракты.

Кася за идею уцепилась. Она подозревала, что Сашка погуливает. Оставалось поймать неверного мужа, получить доказательства измены, а дальше и разводиться не обязательно. Вытребовать миллиончик за моральный ущерб, положить на секретный счет и, конечно, кабальный контракт аннулировать. Кася даже пару раз съездила тайком на съемки, но в сыске не преуспела. У всех на виду супруг ни с кем не целовался, а что в его вагончике происходит — как выяснишь?

А потом наступил карантин, рестораны закрылись, светские мероприятия прекратились, и Сашка засел дома. Кася за мужем зорко приглядывала, но тот же не дурак — подозрительных разговоров по телефону при жене не вел.

Как-то вечером, когда Сашка ушел спать, она подсела к его компьютеру, открыла почтовый ящик и — о, ужас! — прочитала его послание:

*Привет, моя рыбка, привет, Иришка!*

*Я тоже адски устал от четырех стен. И даже не могу пироженку съесть для тонуса, в отличие от тебя. Сидим на здоровом питании, безглютеновая шарлотка, чтоб ее!*

*А в Париже уже каштаны зацветают. И Сена прекрасна, даже когда по ней не ходят кораблики. Но раз пути туда нет, предлагаю альтернативу. Напиши, когда и на сколько сможешь вырваться. Шалаш я организую.*

*Твой С.*

Касю бросило в жар. Вот гад! Он ведь и ее когда-то возил в Париж — специально для того, чтобы показать, как цветут каштаны! И рыбкой называл — не при всех, а только наедине, в минуты особенной нежности.

Она поддалась порыву, бросилась в кухню и выкинула в мусорное ведро недавно освоенный кулинарный шедевр — ту самую безглютеновую шарлотку. А потом процедила сквозь зубы:

— Ты, милый, ищешь шалаш? Ладно, я тебе помогу.

Она позвонила в Питер Лике. Описала ситуацию, и девушки вместе придумали, как спровоцировать изменника.

План начали осуществлять немедленно. Тем же вечером Лика позвонила. Кася специально вышла с телефоном в гостиную, где сидел Сашка, и включила громкую связь. Сестра долго жаловалась на страшное одиночество и горячо умоляла родственницу ее навестить.

— Разве поезда сейчас ходят? — фальшиво удивилась Кася.

— Их меньше, но ходят. Получаешь пропуск — и вперед. Карантина для приезжих в Питере тоже нет.

Кася вопросительно взглянула на мужа.

— Почему нет? — кивнул он. — Езжай. Хоть развеешься, а то вон нервная какая.

И девушки сразу наметили дату — воскресенье, двадцать шестого апреля.

Кася думала, что ввиду эпидемии скоростной поезд «Кондор» окажется почти пуст. Но людей на перроне толпилось изрядно. Социальную дистанцию не соблюдали, маски спускали — кто-то курил, а одна смелая парочка даже целовалась.

Билет у нее был до Питера — специально покупала на глазах у Сашки, чтобы тот не сомневался, куда она едет. Жаль, конечно, что не увидит город на Неве, не пройдет по Фонтанке, но что поделаешь: спецоперация по поимке неверного мужа важнее.

Вроде ничего особо сложного, но Кася с самого утра ужасно нервничала. Первая в ее жизни шпионская история! Саша провожать ее на вокзал не стал, сказал: пропуск жаль тратить.

И хотя всему миру было наплевать, на какой станции пассажирка выйдет, девушка решила создать полную иллюзию, что она действительно едет в город на Неве. Надела яркую, красную куртку, под нее — кофточку с вырезом. Волосы уложила, глаза накрашила.

Перезрелая проводница внимательно оглядела пассажирку и выплюнула:

— Кресло пятьдесят восемь.

Место Кася выбирала по схеме вагона — чтобы сидеть в серединке и не у окна. Прежде чем поезд тронулся, вышла в социальную сеть и выложила два селфи — одно сделала на платформе, у хищной морды «Кондора», а потом в кресле. Тут же получила первый лайк — от супруга.

Пассажиры массово уткнулись в гаджеты, редкие оригиналы шелестели страницами книг. Кася минут пять притворялась, что читает газету, но когда к ней подошла проводница, швырнула газету на сиденье и спросила у нее:

— Ресторан в каком вагоне?

— Между шестым и седьмым.

— Пойду, там посижу. Здесь очень душно.

В ресторане тоже оказалось немало народу, но разместились по правилам: за каждым столиком по одному. Оно и лучше: никто не пристанет.

Кася просмотрела меню и заказала кофе с пирожным.

«Кондор» мчался, сердце тревожно билось. Пока дождалась заказа, прошло минут двадцать. До Твери оставалось всего-ничего. Она выпила

кофе, откусила кусочек пирожного, потом расплатилась наличными и покинула ресторан. Проследовав на пару вагонов вперед, юркнула в туалет и открыла сумочку. Первым делом — удалить косметическим молочком яркий макияж, наглухо застегнуть блузку, собрать волосы в хвост, нахлобучить кепку. И, финальным аккордом, вывернуть наизнанку двустороннюю куртку — теперь красной стала подкладка, а основной цвет превратился в блекло-серый.

«Наш поезд прибывает на станцию Тверь», — возвестила громкая связь. Кася затесалась в толпу, выпрыгнула на платформу и прошла к выходу в город...

## Ольга Петровна

Начальник поезда убеждал, что никакой юридической силы их разговор иметь не будет. Полицейские должны прийти сами, задать вопросы, оформить протокол. Но через три часа «Кондор» отправлялся обратно в Питер. Дальше смены менялись, и вся бригада оставалась в городе на Неве. Несчастливая мать горько плакала, и проводница из третьего вагона, посочувствовав чужой беде, пообещала все рассказать полицейским, а потом вырвала из обычной тетрадки листок и записала все, что видела.

Покинув здание вокзала, Ольга Петровна на каждом светофоре бережно извлекала бумаженцию, перечитывала, и сердце ее пело:

*«Я, проводник вагона номер три Алимova Н.К., подтверждаю, что пассажирка с паспортом на фамилию Бардина, одетая в красную куртку, действительно предъявила билет до Санкт-Петербурга в мой вагон на место пятьдесят восемь. Через двадцать минут она спросила, где находится ресторан, ушла и больше не появлялась. Моя коллега, официант вагона ресторана Кочегарова Ю.Ю. рассказала мне, что девушка в красной куртке просидела за столиком примерно полчаса и ушла минут за пятнадцать до Твери. В Санкт-Петербурге из моего вагона пассажирка Бардина не выходила. Никто из моих коллег (а в коллективе мы ситуацию обсудили) после Твери ее в поезде больше не видел».*

И пусть документ не официальный, Ольга Петровна верила: уже теперь-то просто отмахнуться от нее полицейские не посмеют.

В здании Тверского вокзала Кася откололась от общего потока, приобрела в кассе билет на ближайшую «Ласточку» до Москвы и отправилась в обратном направлении.

На Ленинградском вокзале она оказалась в начале одиннадцатого вечера. Сначала на «Спутнике» — за восемнадцать минут — добралась до Мытищ, дальше села в автобус. Доехав до коттеджного поселка, она вышла,

перебежала дорогу, еще больше ссутулилась, надвинула кепку на нос и постаралась сделать походку максимально мальчишеской.

Наружное видеонаблюдение у них в коттедже по всему периметру. Саша, если был дома, его не включал, но Кася, когда готовилась к своей спецоперации, на всякий случай выбрала место, куда камеры не дотягивались — наискосок от дома, в самом дальнем от него углу. Там заранее и расшатала доску в заборе.

Прежде чем отодвинуть заборную планку и юркнуть в щель, она осмотрелась: в доме светилась дежурная лампочка в кухне, мерцал неяркий свет в спальне. На улице — тишина, темнота. Ни людей, ни машин.

Но когда Кася протискивалась внутрь, послышался шум мотора. Кто это еще? Вот некстати! Она быстро проскользнула на участок и увидела, как мимо пронесся черный джип. В темноте Кася не смогла разглядеть номеров, но на душе стало беспокойно. Где-то она видела точно такую машину — и не здесь, не в поселке! А когда вспомнила, ее прошиб холодный пот, но она заверила себя, что не может такого быть! Просто совпадение. Рев двигателя стих. Улица снова опустела.

Кася, крадучись, подошла к двкри, отперла ее своим ключом, присмотрелась, принюхалась. Ни единой приметы того, что в доме любовница. На кухонном столе — одинокая чайная чашка, подсыхающие ломтики хлеба (Саша вечно забывал убирать его в пакет).

Она скинула кроссовки, взлетела в одних носках на второй этаж и осторожно приоткрыла дверь в спальню. Покрывало на супружеском ложе смято. На полу — Сашкины майка и джинсы. В ванной горит свет. Муж, похоже, слушает там музыку. Один. Кася улыбнулась, представив, как Сашка удивится, начнет ее расспрашивать... Потом скинула куртку, открыла дверь ванной, весело выкрикнула:

— Доставка пиццы! — и зашла криком.

— Сашиной головы над водой не было — лишь прихотливое кружево мыльной пены. А над ней, в недвижимом изгибе, замерла рука. Пальцы сведены судорогой.

Она кинулась к ванне, рывком выдернула из воды тело. Муж — такой родной, беззащитный! Глаза наполовину прикрыты, лицо довольное, даже счастливое.

— Сашка! — заорала Кася.

Откачивать! Реанимацию при утоплении она знала: очистить от воды рот, непрямой массаж сердца, искусственное дыхание!

Но увидела на губах следы розовой пены, поймала остановившийся взгляд — и в страхе отступила. Слишком поздно!

И снова вспомнила черный джип.

Если... если это тот самый, то она пропала.

В марте — еще до карантина — на парковке теннисного клуба «Подмосковные зори» Касиному любовнику Денису Ивашову помяли «мерседес». Лиходейкой оказалась блондинка с только что купленными правами. Оформлять европротокол Денис не стал — удар приличный, вдруг скрытые повреждения? Решил вызвать аварийного комиссара. Страховая компания предложила подменный автомобиль, но владелец «мерседеса» отказался. Позвонил заму, велел подогнать служебный «крузак».

Кася осталась поддерживать друга. Они просидели в буфете, пока не подъехал помощник. А когда тот позвонил, вышли из клуба вместе. Тогда она и увидела: квадратный, несколько старомодный джип. Точно такой, как пронесся полчаса ранее мимо их дома.

Сколько таких в Подмоскovie? Сотня? Две? Но джип — точно не из поселка, всех местных Кася знала. Да и не ездят у них по улицам в одиннадцать вечера. Тем более в карантин. Значит, это был Денис. И мотив у него. И возможности. Диня ведь страшно злился, что она не уходит от мужа. А возможности — она ему сама предоставила. Натрепала про все: что в Питер едет, что Саша ванну вечерами всегда принимает — в наушниках. И ключи Денис мог украсть. Он вообще по жизни — человек без тормозов и правил, как все успешные бизнесмены, и не скрывал: устранять неугодных ему уже приходилось, как своими руками, так и чужими, что гораздо проще.

Кася в отчаянии смотрела на мертвое Сашино лицо. В носу щипало, но слезы не проливались. Жаль было не мужа — себя. Она понимала, что влипла. Уехала напоказ — вернулась тайно, и прямо к трупу мужа — еще не остывшему. Да кто ей поверит! Обвинят в убийстве! И как оправдываться?

Валить на Дениса? Признаваться на весь мир, что у нее есть любовник?

Но Диня — человек с возможностями, наверняка алиби себе обеспечил. Отмажется, а ей не простит, что выдала. И свекровь живьем будет жрать. Что же делать, что делать? Бежать — вот единственный выход!

Официально она сейчас в Питере. Никто не видел, как выходила из поезда в Твери, возвращалась в Москву, ехала в Мытищи, пробиралась в дом.

Надо любой ценой срочно попасть в северную столицу. А Лика — сестра, родная кровь — всегда поддержит.

Кася дрожащими руками погрузила Сашино тело обратно в воду. Оторвала листок от рулона с бумажными полотенцами, вытерла влажный пол. Вернулась в спальню. Схватила с постели куртку. Начало двенадцатого, в стране режим повышенной готовности. На своей машине ехать нельзя. В такси и на любом транспорте — только по пропуску. Поезд и самолет — с паспортом. Что остается? Автостоп? Ее начала бить дрожь. И тут зазвонил телефон. Это была Лика — сестре не терпелось узнать, чем закончилась «специальная операция».

— Ну что? — спросила она с придыханием.

— Сашка мертвый, — бесцветным голосом ответила Кася.

— Как?!

— Утонул. В ванне. Или утопили.

— Кто?

— Я... я не знаю.

— О боже! Ты полицию вызвала?

— Лика, его совсем недавно убили, даже трупных пятен нет. Если вызову, решат, что это я...

— Ничего не решат! Ты, главное, не трогай там ничего!

— Я уже трогала — думала, откачать смогу. Лика, я боюсь! Помоги мне, пожалуйста! Подтверди, что ты меня встретила в Питере!

— Кася, это глупо.

— Ты хочешь, чтобы я в тюрьму пошла?

— Нет...

— Тогда подтверди!

— Но нас вычислят!

— Каким образом? Билет до Питера у меня есть. Как я садилась в поезд — люди видели. И обратно — тоже уеду официально. Главное, ты скажи, что я с тобой была.

— Легко проверят, что тебя здесь не было.

— Нельзя предавать родных. Я скоро буду. Жди, — твердо произнесла Кася и положила трубку.

Ничего не поделаешь, придется выходить на трассу и голосовать — другого пути нет.

На всякий случай все-таки зашла на сервис поиска попутчиков и не поверила своим глазам: в час ночи от «Макдональдса» на Ленинградке стартовал какой-то искатель приключений. Она немедленно позвонила и сказала, что едет с ним за любые деньги.

Дядечка-водитель высадил ее у КАД. Дальше Кася пересела на такси, и уже в восемь утра входила в квартиру сестры. Лика встретила заботливо, охала, ахала. Вместе строили предположения, кто мог убить, и как теперь выкручиваться. Купили Касе билет на самолет. Прежде чем ехать в аэропорт, показательно прошлись по двору, поздоровались с соседями, заглянули в пышечную, где торговали навынос.

Сестра клялась, что любит, понимает и всегда будет поддерживать. А спустя два дня позвонила и начала шантажировать. За молчание потребовала два миллиона. На то, чтобы собрать деньги, дала три дня, или она идет в полицию.



Кася кричала, плакала, умоляла, но Лика лишь усмехалась:  
— А откуда я знаю, что это не ты его убила?

Изначально Полуянов категорически планировал Касю не покрывать. Однако зачем-то специально заехал домой и захватил с собой ключи от дачи. Принадлежал загородный домик Надюшке, достался ей по наследству. Прежде они ездили сюда исключительно вместе.

А теперь, после того, что Кася рассказала, ничего не оставалось, как везти ее в поселок Васильково.

Дима первым делом задернул шторы (хотя соседи все равно увидят машины и свет в окнах). Раскочегаривал котел, искал заварку и пледы. Кася помогала наладить уют, перебивала запыхавшуюся посуду, протирала столы, и от этого становилось вдвойне стыдно.

Но нельзя бросить на произвол судьбы человека, который тебе доверился. Тем более стресс последних дней девушку доконал. Она становилась все бледнее, глаза с каждой минутой горели тревожнее. Скучный ужин не доела — извинилась, что плохо себя чувствует. Он отвел ее в спальню.

Кася зябко куталась в одеяло. Дима смотрел на ее осунувшееся лицо, тонкую шею лебедевка, испуганные глаза и чувствовал, что тонет.

— Дима, вы мне поможете? — Кася сложила в умоляющем жесте худющие лапки.

— Давай сначала разберемся. У тебя есть враги?

Она ни секунды не сомневалась:

— Да. Свекровь, Ольга Петровна. Она меня ненавидит.

— Еще?

— Ну, получается, еще и Лика, раз она меня шантажирует. Как она может! Вместе план придумывали. Все знала, что на самом деле произошло. А теперь на мне нажиться хочет.

— Они обе убить твоего мужа не могли.

— Вы же про врагов спросили, а не про того, кто убил.

— А как ты считаешь, кто мог убить твоего мужа?

Она не колебалась ни секунды:

— Денис.

«Кася, ты глупа», — едва не вырвалось у Полуянова. Но он удержался и мягко спросил:

— Какое у твоего Дениса образование?

— Н-не знаю. Вроде высшее. Он в Америке учился.

— У него бизнес серьезный?

— Да, сеть магазинов плюс свое производство.

— Вот и я о том же. На идиота Ивашов не похож. Думаешь, нормальный человек будет чужого мужа в ванне топить? Исподтишка, подло, не взглянув в глаза?

— Н-ну... я не знаю...

— Хорошо. Ты считаешь, что убил Денис. И как, по твоему мнению, это произошло?

— Ну... Диня пришел, отпер дверь моими ключами и начал искать Сашу. Думаю, он хотел с ним поговорить по-мужски, может, в лицо дать. Но заглянул в ванную, увидел, что Сашка в наушниках и с закрытыми глазами, ну, и воспользовался. Подошел, резко за ноги дернул, Саша и понять ничего не успел. А с виду — несчастный случай.

— И когда уезжал после убийства — его машина случайно попала тебе на глаза.

— Ну... я считала так.

— У твоего любовника огромный капитал и холодная голова. Если такой человек совершает преступление, он как минимум его тщательно продумывает и организует. Если он хотел поговорить — не стал бы дверь своими ключами открывать. Собирался тайно убить — не стал бы полагаться на то, что ему повезет и соперник будет слушать музыку в ванной. И уж точно не поехал бы на дело на машине, которую легко с ним связать.

— Может, он не сам, — предположила Кася, — а Юрку, своего зама, отправил? Машина-то как раз его. И Юрка — очень противный тип, скользкий. Убить втихушку — для него норма. И подставить такого не жалко. Тогда все сходится!

— Абсолютно ничего не сходится, — поморщился Полуянов.

— Почему?

— Подумай сама, как можно поручать убийство своему заму? Этот Юрка ведь потом всю жизнь может Дениса шантажировать! У меня есть другая версия — твоего мужа кто-то убил, чтобы тебя подставить. Кому ты до такой степени насолила?

— Ну, Лика... — Кася затравленно взглянула на Диму. — Мы, конечно, дружили. Но она мне всегда завидовала.

— Она тебе и отомстила: сначала вроде как помогла, а потом начала шантажировать. Но убивать твоего мужа ей незачем. Кто еще?

— Меня еще Ольга Петровна ненавидела. Всегда мечтала подставить.

— Но не ценой жизни сына. Ты что, совсем не соображаешь? Думай!

— Ну... я еще когда работала в клинике, в меня один пациент влюбился. Такой, реально больной на голову. Замуж звал, но я отказала. Он выпи-сался, а через две недели покончил с собой. Его сестра считает, что он погиб из-за меня, и поклялась меня убить.

- Как пациента звали?
- Венька Власов.
- Когда конкретно это было?
- В шестнадцатом году.
- Четыре года назад?!
- Ну да.
- И его сестра действительно пыталась тебя убить?
- Нет. Только по телефону грозила.
- Когда в последний раз?
- Ну, может, год назад.
- И больше на связь не выходила?
- Н-ну... когда Саша на съемках был, мне однажды все четыре колеса прокололи. А еще как-то под дверь куклу подбросили. Такую, шитую, ручной работы, в одежде, как у меня. Один глаз вырезан.
- Что значит, вырезан? — нахмурился Полуянов.
- Один обычный: бусинка, ресницы. А вместо второго разрез, прямой, будто скальпелем, и ворс торчит.
- Где эта кукла?
- Выбросила.
- Фотки есть?
- Были, но я их стерла. Очень противно смотреть.
- Может, ты что-то видела, чего тебе видеть было нельзя?
- Я не знаю! У меня совсем обычная, скучная жизнь!..
- Когда тебе подкинули эту куклу?
- Примерно год назад.
- Ты ни с кем не ссорилась? Никого не обижала, никому не делала больно?
- Ну... я тогда впервые Сашке высказала насчет его матери, и он мне врезал. Я от него уходить думала... но не ушла. Ольга Петровна, наверное, знала, что я пожелала ей сдохнуть, и страдала, что мы все-таки не развелись. Я подумала: может, ее шутки глупые.
- Да, Кася! Так гадать можно вечно. Но выход я пока вижу единственный: надо идти в полицию и во всем признаваться.
- Но они же меня обвинят!
- Тебя и так обвинят. Платить шантажистке бессмысленно — Лика все равно тебя сдаст. Полиция опросит проводников, найдут машину, на которой ты ехала в Питер в ночь убийства. Просмотрят записи с камер — на Ленинградском вокзале, в Мытищах.
- И это вся ваша помощь?! — жалобно выкрикнула Кася. — Иди в полицию, и пусть тебя в тюрьму посадят?!

— Никто тебя никуда не посадит.

— Нет, нет! Я ведь их обманывала все время! Так что теперь они меня заберут! — Она бросилась на постель, зарылась лицом в подушку, плечи ее затряслись, и она сквозь рыдания проговорила: — В тюрьму все равно не пойду. Лучше с собой покончу...

Дима вздохнул, сходил в кухню, нашел в шкафчике оставшийся с лета недопитый джин, открыл, плеснул в стакан и отнес в спальню:

— Пей залпом.

Кася мужественно зажмурилась — и выпила до дна. Сразу покраснелась, зевнула:

— Ой, глаза сразу стали слипаться. Я ведь три ночи почти не спала. Страшно было очень.

— Так и спи, — усмехнулся Полуянов, — а я буду тебя охранять.

Кася послушно нырнула в постель и вскоре задышала спокойно, глубоко. Он подоткнул ей одеяло, постоял у постели, любуясь ее безупречным профилем, и совсем не придавал значения тому, что штора задернута не наглухо. И, конечно, не видел, что в окно за происходящим в комнате внимательно наблюдают два ненавидящих глаза...

На цыпочках, чтобы не разбудить девушку, прошел в кухню и только сейчас взглянул на часы. Сумасшествие! Одиннадцать вечера! Почему Надька-то не звонит? Достал телефон, озадаченно взглянул на дисплей: ни единого вызова. Наверное, обиделась на него.

И Дима решил.

По ночной дороге, да в карантин, без пробок до его дома не больше сорока пяти минут. Домчать — и поговорить с Надей по-человечески, лицом к лицу. Повиниться, все объяснить и позвать с собой — вроде как помогать в расследовании.

Он оставил ключи от дачи на тумбочке, приложил, на всякий случай, записку: «Вернусь через пару часов», и, захлопнув за собой входную дверь, поспешил к машине.

От дачи на семнадцатом километре Новой Риги до их дома возле метро ВДНХ Дима домчал даже быстрее, чем планировал — всего за тридцать четыре минуты. Выйдя из машины, первым делом посмотрел на окна квартиры — темные. Надя точно обиделась и сейчас, наверное, плачет в спальне, всунув нос в его подушку.

Он торопливо пошел к подъезду и вдруг услышал:

— Дмитрий! Дмитрий Сергеевич!

От одной из припаркованных во дворе машин к нему спешила какая-то старуха. Смешная — юбка в пол, пальто-пелеринка, сиреневый пучок волос. Лицо казалось смутно знакомым.

Женщина протянула ему руку для приветствия и одышливо представилась:

— Ольга Петровна Бардина.

У Полуянова в списке дел значилась встреча с матерью погибшего актера — но только не в собственном дворе и не в двенадцать ночи. И откуда, кстати, она адрес узнала? Свой телефон Дима не таил — но квартира, личное убежище, ни в каких справочниках не числилась.

— Простите, что нежданно, — продолжила женщина, — но я хочу сказать, что мы должны вместе объединиться против Кассандры. — Ее лицо полыхнуло злобой, глаза гневно сузились: — Это она убила моего сына. У меня есть доказательства. Она не ездила в Санкт-Петербург — проводники поезда подтвердили: эта тварь вышла в Твери. А в десять вечера двадцать шестого апреля ее видела соседка. Кассандра шла по поселку в направлении своего дома и прятала лицо.

— Я не полицейский. Почему вы пришли ко мне? — пожал плечами Дима.

— Господи боже мой, да потому, что полицейские меня не слушают! Они все решили! Несчастный случай — это гораздо удобней. Зачем им искать убийцу?! — Ольга Петровна опустила плечи и разрыдалась: — Повторная экспертиза — тоже профанация. Меня сегодня ознакомили. Подтвердили причину смерти — утопление в пресной воде! Следов борьбы нет. Посторонних ДНК нет. Я им приношу доказательства — а меня не хотят слушать!

— Ольга Петровна, — мягко произнес Дима, — я обещаю вам сделать все для того, чтобы обнаружить и наказать убийцу вашего сына.

Слова оказались не те. Пожилая женщина взвыла:

— Зачем его искать? Это Кассандра сделала! Она, гадина! У меня есть свидетели! Документ подписанный!

Она трясущимися руками полезла в сумочку и уронила ее. Об мокрый асфальт звякнули и разбились очки, кошелек распахнулся, разлетелись монетки. Полуянов кинулся помогать, но она отталкивала его, истерически всхлипывая:

— Я думала... вы журналист... за справедливость! А вы такой же равнодушный, как они все!

В окнах начал вспыхивать свет, из-за штор выглядывали любопытные лица.

Дима мечтал об одном: чтоб разверзся асфальт. Или пусть хоть полиция приедет!

Но вместо этого зазвонил телефон. Надюшка.

— Ты можешь спуститься? — нервно попросил Полуянов.  
Она ответила странным голосом, будто ее держали за горло:  
— Дима. Меня сейчас вырвет.

### **За полтора часа до описываемых событий**

Когда ей позвонил сосед по даче, Надя чрезвычайно удивилась. Со стариком из дома напротив они практически не общались — лишь сухо кивали друг другу. Но его телефонный номер в записной книжке остался — еще с тех пор, когда Надя только начинала обживать дачу, отцовское наследство, активно пыталась подружиться с соседом и постоянно зазывала его на чай с домашними пирожками.

Сейчас старик, обычно сдержанный, был неприкрыто взволнован:

— Не хотел тебя, Надя, тревожить. Я вообще в чужие дела лезть не люблю. Но твой, прости, сюда бабу привез.

— К-какую бабу? — опешила Митрофанова.

— Молодую. Хозяйничает тут у тебя. Посудку перемывает. Я, извини, не удержался, в окошко заглянул. Как у себя дома держится.

— Не может быть! — прошептала Надя.

— Дак мне тоже казалось: парень у тебя положительный. И семья у вас хорошая.

— А она... эта баба... как выглядит?

— Ну... меньше тридцати. Тощая. Глаза, как у лани, только синие.

— Кассандра... — прошептала Надя.

— Что?

— Тимофей Маркович, я сейчас приеду.

— Давай, — одобрил сосед. — Они пока вечерают, так что к самому интересному доберешься.

Митрофанова не помнила, как выскочила из дома. Только в машине сообразила, что забыла куртку, о пропуске даже не подумала, а документы вообще остались в другой сумочке. Но возвращаться не стала. Придет штраф — Дима заплатит. И вообще — за все заплатит!

Она гнала по ночному пустому городу, и слезы заливали лицо, мешали рулить.

До родового имени Васильково домчала за сорок минут. В самом поселке скорость сбросила — хотела подобраться к голубкам без шума и помпы. Машину оставила на соседней улице и, пока спешила к калитке, старалась держаться в тени. У Тимофея Марковича светился только фонарь на крыльце — наверное, пошел с собакой пройтись. А ее дом выгля-

дел совсем темным, необитаемым, хотя на грунтовке перед воротами отчетливо виднелись следы протекторов. Надя была плохим следопытом, но машин, ей показалось, заехало две.

Она отперла калитку и вошла во двор. Интересно! Диминого авто нет, зато у самого крыльца — передними колесами на газоне! — припаркован дамский красненький наглый автомобильчик.

Пока ехала, вся кипела от праведного гнева, но сейчас почему-то стало страшно. Куда делся Дима? И почему в доме тихо и темно? Да еще показалось: за спиной прошелестели шаги. Резко обернулась — никого, но кусты смородины покачивались, хотя никакого ветра не было.

— Кто здесь? — дрожащим голосом спросила Надя.

Тишина. И хотя за смородиной, похоже, кто-то скрывался, в темноту участка она идти не решилась — лучше дома спрятаться. Взбежала на крыльцо и перепугалась еще больше. Дверь-то — приоткрыта. Что здесь происходит?

Уже не ловить злоумышленников хотелось, а бежать без оглядки. Но куда? В доме — непонятно что. Кинешься во двор — неизвестно, на что нарвешься. Этот, из смородины, выскочит.

И Надя выбрала менее страшное — проскользнула внутрь и захлопнула за собой дверь.

Она вошла в коридор, включила свет и громко крикнула:

— Эй! Вы где?

Тишина.

Надя нервно хихикнула. Да все понятно! Полуянов, небось, отправился за провизией. А пассия его в окошко выглянула, увидела ее, догадалась, что сейчас ей в волосы вцепятся, свет выключила, из дома прочь, выбралась во двор — вон, и окно как раз распахнуто. Но в машину сесть и смыться не успела, прячется теперь в кустах.

Объяснение казалось логичным, но страх все равно не проходил.

Митрофанова обвела растерянным взглядом коридор. Обратила внимание — на светлом линолеуме остался след грязной подошвы. Обувь узкая, остроносая, несомненно, женская, но размер — минимум сорок второй. Неужели у миниатюрной Каси столь огромная лапа? И вообще: что за манера ходить по дому, не разуваясь?

Она сбросила мокасины и заглянула в кухню. Остатки трапезы — хлеб не убран, чай не допит.

Надя глубоко вздохнула, отворила дверь в спальню и зашлась отчаянным криком...

Это только в Москве следственно-оперативная группа на иномарках разъезжает и летит на место убийства в течение стремительных минут и с

воем сирен. А у них в Васильково на труп всегда первым участковый приходит. Своими ножками. Ночь, дождь, карантин — всем плевать. Изволь из постели вылезти и рысить.

Участковый прибыл на место происшествия в половине второго ночи и в историю московской хозяйки дачи не поверил ни на секунду. Злоумышленник, дверь открыта, труп сам по себе появился. Все они сначала заливают, пока не поймут — если чистосердечное, то срок меньше.

По всем признакам — убийство из ревности. Классика. Дамочка сама и рассказала: ей позвонил сосед, наябедничал, что ее сожитель привез на дачу девчонку. Дальше логичная реакция: она в ярости срывается из дому. Является, машину ставит за квартал — чтоб не спугнуть голубков. До участка доходит пешком. Во дворе только одна машина — любовницы. Муж куда-то отъехал — мало ли, за цветами или шампанским, а в постели супружеской его пассия поживает. Какой первый позыв? Правильно. Молотком — и по башке.

Участковый внимательно осмотрел тело и кое-какие выводы сделал. Жертва, похоже, спала. Оскорбленная жена оценила диспозицию, подхватила из кладовочки молоток, подкралась — и сразу «мочить», без выяснения отношений. Колотила яростно, но не по-мужски. Тут явно старались не просто убить, но и внешность изуродовать. Как бабы говорят: «Чтоб в закрытом гробу хоронили».

Участковый уже хотел оформлять протокол, но дальше пошли проблемы. Без сознания москвичка пролежала недолго и, хотя продолжала всхлипывать, начала активно оправдываться. Про шаги на участке и что кусты смородины колыхались, участковый и в голову не взял. Но след в коридоре пришлось изучить, сфотографировать. Хозяйка при этом причитала:

— Это не мой размер! И не Касин. И не Димкин!

— Кася — это кто? Покойница? Ты ее знаешь?

— Знаю. Заочно. Дима... мой муж... ее дело вел. Он — известный журналист Дмитрий Полуянов, его криминальные расследования вся страна читает.

— Да ну! — Почтения участковый не проявил, вместо этого потребовал: — Паспорт дай. — Пролистал его и злорадно проговорил: — Нет у тебя никакого мужа. А сожитель — человек свободный, клятвы верности не давал. А ты все равно любишь, борешься за него. Приревновала и убила в аффекте. Ну и чего бояться? Максимум «трешка». И то, скорее всего, условно дадут.

— Слушайте, хватит давить на меня! — вдруг окрысилась хозяйка. — Никого я не убивала! И не стала бы убивать!



Тут во дворе залаяла собака, дверь распахнулась, и явился сосед. Местный старик, Тимофей Маркович. Тот еще фрукт! Много лет в подвале дома своего преступника укрывал. И сейчас, считай, смертоубийство спровоцировал — чего было в чужие дела лезть, жене звонить? Ну, загулял сосед — так промолчи благородно. Никакой мужской солидарности.

Первым делом Тимофей Маркович кинулся к москвичке:

— Надечка, прости! Я ж как лучше хотел, кто мог знать, что к телу мертвому приедешь! — Потом повернулся к участковому и сурово произнес: — Вы Митрофанову подозревать не смейте! Она ни при чем здесь. Я с собакой гулял, я все видел!

— Убивали в доме. Как ты мог видеть, если гулял?

— Убийцу я видел! — торжественно заявил сосед. — Смотрите, как было. Эти двое голубков сюда часов в девять вечера приехали. Я сначала подумал, что это Надя с Димой явились, пандемию на даче пережидать. Еще удивлялся, почему здороваться не идут. Но потом раз выглянул, другой, гляжу — почему-то две машины на участке. А потом девица во двор вышла, я и рассмотрел: посторонняя. Сначала лезть в чужие дела не хотел, думал: мало ли, может, сестра или родственница. Но когда отечеряли они, вижу: свет в спальне включили, у постели какое-то шебуршение. Решил все-таки позвонить, уточнить, в курсе ли соседка, что здесь делается. Она, конечно, расстроилась, разволновалась...

— Во сколько это было? — перебил участковый.

— В одиннадцать примерно. Надя сказала, что выезжает. Ну, я и подумал: надо пока пса прогулять. А то примчится, вдруг скандал начнется, моя помощь потребуется. Свистнул Бурого, вышел — гляжу, и Дима куда-то на своей машине выезжает. Специально в салон заглянул — один он. Гостья дома осталась. Мы с Бурым отправились. Маршрут всегда один — по нашей улице, потом к замку заброшенному и назад — минут на двадцать. Когда возвращались, смотрю, с участка Надиного вроде как тень метнулась. Бурый сразу рычать, хочет след брать, но я ж его спустить не могу — порвет. Побежали вместе, а у меня ноги-то еле-еле, возраст. Но все ж разглядел: вроде баба. Высокая, жопастая, в черной куртке. До угла ее отследил, а там она в машину — и прочь.

— Что за машина?

— «Ниссан-Мурано». Машина приметная, на боку тигр.

— Какой еще тигр?

— Картинка. Огромный тигр на весь бок.

Участковый оставил хозяйку всхлипывать на диване. Тимофея Марковича препроводил в кухню, велел писать подробную объяснительную. Тут

на улице послышался шум мотора. Думал — следственная бригада, наконец, осчастливила. Но нет, явился изменщик.

Участковый не исключал: дамочка московская сразу вцепится гулящему в волосы. Но хозяйка лишь метнула в своего разлюбезного злобный взгляд и выплюнула:

— В гостинице не мог ее прятать? Зачем на даче-то моей?

— Надька, я дурак, — опустил голову красавчик.

Присел на корточки, взял ее ладонь, поцелуйчиками покрыл. Барская мать. Тьфу!

Участковый устало вздохнул:

— Гражданин, в каких отношениях вы находились с покойной?

— В исключительно деловых, — поспешно отозвался москвич. Хотя глазки забегали.

— Если в деловых — почему сожительницу не предупредили, что на ее дачу девицу везете?

— Не ваше дело, — грубо ответил допрашиваемый, и сам налетел с вопросами: — Что с Касей? Как она погибла?

— Ваша подружка спала, и ей размозжили голову молотком. Несколько ударов нанесли, и все — прямо в ее красивое личико. Орудие убийства из вашего хозяйства, похоже. Узнаете молоточек? — Участковый включил телефон и продемонстрировал фото.

— Может, и наш, — пробормотал журналист. — Но такие в любом магазине продаются.

Участковый обернулся к москвичке и ласково сказал:

— Если б я в своей постели чужого мужика увидел, тоже мог бы дров наломать.

— Убийством любовь не вернешь, — отбрила его девица и, покосившись на своего благоверного, добавила: — И тем более глупо руки обо всяких шалав марать.

Когда тело, наконец, увезли, а оперативно-следственная группа покинула их дом, Надя обвела сердитым взглядом затоптанный пол, сдвинутую мебель и буркнула:

— Вечно ты все портишь, Полуянов.

— Надюшка, — не без опаски приблизился к ней Дима, — вызовем клининг. Освятим дом заново. Да я лично тебе тут все вылижу до блеска! Плы перестелю, новую мебель закажу! Из личных средств!

— Энергетику уже никак не поправишь, — вздохнула она. — Ни минуты здесь оставаться не могу. Поехали домой на твоей машине, мою потом перегонишь.

Они закрыли дом и поехали. Дождливо-грязные сумерки потихоньку сменялись рассветом. Дима опять предвосхищал: сейчас начнутся претензии, всхлипывания, или, уж как минимум, — гордое молчание.

Но Надя вдруг спросила:

— Тебе не показалось, что Тимофей Маркович — сказочник? «Мурано» с тигром, тетка какая-то в черных одеждах. Как-то слишком уж невероятно звучит.

— Я бы тоже не поехал убивать на подобной машине, — кивнул Дима. — Только зачем соседу придумывать? Думаю, все-таки был «Мурано». Я подслушал, опера обсуждали с участковым: под окном спальни множество следов — таких же, как в коридоре. Похоже, за нами с Касей следили. Преступник пробрался во двор и топтался под окном. Ждал, наверное, когда мы уснем. Он (или она) один напасть не решается, но тут я уезжаю. Удача! Куда проще убить спящую девушку, чем нас обоих. Только ведь неизвестно, когда я вернусь. Преступник торопится, как следует все продумать не успевает, поэтому и косячит. А ты можешь вспомнить подробно — как подходила к дому, что видела?

— Ну... Припарковалась я на Тенистой. «Мурано» точно не видела. На улице никого. У Тимофея Марковича только свет на крыльце — я сразу подумала, он с собакой пошел гулять. Когда во двор вошла, показалось, кто-то пробежал у меня за спиной и спрятался совсем рядом, за кустами смородины. Но, сам понимаешь, я преследовать не решилась. Захожу на крыльцо — дверь приоткрыта. В коридоре этот след огромный. У Каси, кстати, какой размер?

— Я не приглядывался. Но рост у нее примерно метр шестьдесят, значит, скорее всего, тридцать шестой или тридцать седьмой.

— Скажи честно, для чего ты ее на мою дачу повез?

— Ей надо было скрыться.

— От кого?

Дима вкратце объяснил, и Надя ахнула:

— И ты поверил в этот бред? Она все-таки была в Москве в тот день! Значит, и мужа убила она! Точно!

— Но кто тогда убил ее?

— Ну, Кася твоя такая крыса, что желающих должно быть достаточно.

— Назови мне хоть одного.

— Пожалуйста. У нее ведь любовник имелся?

— Да. Жениться на ней мечтал.

— Ну вот. Наверняка надеялся: муж на небеса, и Кася сразу к нему в койку. А она вместо этого — к тебе! На мою дачу. Тот ревновал, ждал, взялся следить за вами. Увидел, как вы там милуетесь, и выиграла горячая кровь.

— Ее любовник ездит на «Мерседесе». Но все равно лихо. А еще варианты есть?

— Сестрица из Питера, шантажистка. Приехала за деньгами, а когда Кася ее послала — схватилась за молоток.

— Но когда Кася успела бы ее послать? Она спала, когда я уезжал. И убили ее примерно через полчаса, как я уехал, тоже спящую. К тому же, пока полицейские дом ворошили, я эту сестру в Интернете нашел. Как и Кася, птица-невелица, худышка. Сорок второй размер обуви носить точно не может. Да и зачем ей так подставляться? Думаю, сестричка сидит себе спокойно в Питере и ждет, пока Кассандра ей два миллиона перечислит. Я вот вчера велел Касе вспоминать поименно всех, кого могла оскорбить, обидеть, унижить. Она уверяла, что со всеми поклонниками расставалась культурно. Но одного человека упомянула — пациента из частной клиники, где работала. Влюбился, ответа не получил и покончил с собой. Венька Власов какой-то.

Надя вздрогнула и зловещим тоном спросила:

— Как ты сказал?

— Венька Власов. Полное имя, наверное, Вениамин.

— Ну да, Вениамин В. А у него сестры случайно не было?

— Откуда ты знаешь? — изумился Полуянов.

— И сестра была?!

— Да.

— Что Кася про нее рассказывала?

— Что та ее убить поклялась. По телефону угрожала. Колеса проколола у машины. Куклу с вырезанными глазами подкинула. Она сначала боялась, но потом, поняв, что та только пугать может, успокоилась.

— А еще эта сестра писала гневные отзывы на Клинику ментального здоровья, где Кася работала, и на дуру-медсестру.

— На Касю?!

— Там только «дура-медсестра». — Надя секунду подумала и добавила: — Родственница этого Вени, мне показалось, не слишком адекватная или просто глупая. Пишет, брат умер оттого, что подлюга вколола ему лекарство неправильное в высокой дозе. А главный врач клиники отвечает, что Вениамин скончался в результате несчастного случая, причем через две недели после выписки.

— Где ты все это нашла?

— В Интернете.

— Умничка ты моя! — расчувствовался Полуянов. — Помощница! Спасибо!

— Помогать еще тебе, ха! Я на Кассандру твою компромат искала!

Уже второй раз за сутки Дима укладывал женщин спать, причем разных. Митрофанова — пусть скандала не устроила — глядела по-прежнему сурово. Вырядилась в пижаму, когда начал подтыкать одеяло, шарахнулась и сонным уже голосом пробормотала:

— И прилаживаться не смей! Иди спать на диван.

Но спать Дима не собирался. Нервное напряжение накопилось, клокотало внутри. По идее, надо бы заварить пустырник и попытаться отдохнуть, но Полуянов сделал себе кофе. Пока пил, открыл электронный почтовый ящик. Адрес печатали под каждым его журналистским материалом. Читатели охотно вступали в переписку, слали свои обиды, истории, мнения, частенько — угрозы, обманки и фейки. За долгие годы работы Дима виртуозно научился ставить своим корреспондентам диагнозы, вычленять среди них откровенных недоброжелателей и выуживать редкие жемчужины.

В «Молодежных вестях» еще со времен СССР сохранилась рубрика «Письмо позвало в дорогу». Читатели страшно гордились, если получалось заманить «самого Полуянова». Дима по сигналам из электронной почты срывался крайне редко, но сейчас он увидел письмо, которое заставило его залпом допить кофе и выскочить из квартиры, на ходу вбивая в навигатор адрес.

Не дает алкоголь того полета, как «герыч», не дает, сколько ни выпей. Да и денег нет на него. Чистый продукт — удовольствие для буржуев. И плотняком на наркоте садиться тоже страшно. Пусть жизнь пустая, но коньки к сорока годам отбросить жаль.

Вера — пусть употребляла довольно активно — под забором пока не валялась. Здоровья хватало даже на работу ходить.

Вразнос она пошла относительно недавно. Всего четыре года назад — когда брат погиб. А пока Венька был жив, позволяла, как все: пивасик в жаркий день, да винца в выходные. Но с тех пор, как брат погиб, собственная судьба тоже полетела под откос.

С Венькой они с детства — единое целое. Родителям — по фигу на обоих. Еле дождалась, пока дочке исполнится восемнадцать. Оформили на нее опеку над младшим братом — и усвистали за лучшей долей в Новую Зеландию.

Вера считала, что ее Веня очень талантливый. Он прекрасно и загадочно рисовал, писал непонятные, волнующие стихи. Но зависть ее сердце не точила, наоборот, она им гордилась и всеми силами, с раннего детства, создавала Веничке атмосферу. Давала возможность не заботиться о глупостях и мерзостях бытия.

Обычно даже после дружного детства пути брата и сестры расходятся — но Вена с Верой и в голову не приходило разрушить свой симбиоз. Он продолжал творить — и со временем начал получать за это какие-то деньги. Рисовал, правда, не то, что хотелось, а портреты с фотографий на заказ. Она работала на скучной работе — и вдохновенно порхала над братом, продолжала создавать ему возможности, оберегать ранимую душу, обеспечивать уют.

Веня всегда был нервным, чувствительным. Плакал над мертвым птенчиком, начинал задыхаться, если что-то сильно его волновало. От любого стресса подскакивало давление. Врачи обещали: закончится подростковый период, и все пройдет. Но в восемнадцать лет у него случилась настоящая паническая атака — с истерикой, обмороком, попыткой членовредительства. Вера перепугалась, чуть было не вызвала обычную «скорую» — но вовремя включила свой рациональный мозг: не хватало им только учета в психушке! Она накачала брата успокоительным, сунула в машину и повезла в первую попавшуюся в Интернете частную клинику.

Очень боялась нарваться на халтурщиков — как часто бывает, если суешься, куда попало. Но Клиника ментального здоровья ей приглянулась — симпатичный особняк под сенью сосен, дружелюбные доктора, пациенты, больше похожие на курортников.

И Веньку, что тоже приятно, здесь не стали записывать в сумасшедшие. Заверили: дело обычное, просто обратная сторона творческой натуры. Нужна, в первую очередь, психотерапия, минимальная медикаментозная коррекция и расслабляющие процедуры.

Вера без раздумий выложила за курс лечения немалую сумму. Венчик вернулся розовощеким, бодрым, ясноглазым — и вскоре окупил затраты с лихвой. Его картины, перерисованные с фотографией, стали пользоваться спросом, телефон из рук в руки передавали, от заказчиков не было отбоя. Брат вдохновился, стал работать с еще большим упоением. Но заряда хватило на полгода — а потом опять паническая атака, и очередной курс лечения в клинике.

Она ждала — выпишется, и наступит новый, еще круче в плане богатства и славы, подъем. Но на сей раз вышло по-другому.

Веня спустя две недели вернулся домой — и она сразу поняла: с братом что-то случилось. Он по-прежнему каждое утро уходил в свою комнату, превращенную в мастерскую, но почти не рисовал. Подолгу сидел у пустого холста, тоскливо смотрел в одну точку, холодил лоб об оконное стекло. Когда расспрашивала, прятал глаза, бормотал, что обдумывает новый грандиозный проект.

Вера поехала в клинику разбираться. Лечащий врач брата сначала пытался убедить, что с Веней все нормально, но сестра поднажала, и тот признался: в клинике у пациента приключился роман.

— Некоторые медсестры... они... э-эээ... девушки привлекательные, свободные, — слегка смущаясь, лепетал доктор. — А наши пациенты, в большинстве, — личности творческие. Такие люди всегда нуждаются в музе. Поэтому мы, э-ээ... никогда не препятствуем... Между прочим, уже три счастливые семьи создано. Креативные, талантливые часто ищут в паре себе подобных. Хотя для психолога очевидно: им куда лучше подойдет человек обычный, заботливый, мягкий, без амбиций. Браки между медсестрами и творцами обычно долгие и счастливые.

— То есть мне теперь ждать свадьбы Вени с медсестрой, — саркастически произнесла Вера.

— Э-ээ... да, это возможно, — снова засмущался доктор. — Но, видите ли, наши девочки внимательны ко всем без исключения пациентам... А для того, чтобы возникли сильные чувства, нужна обоюдная симпатия.

— Хотите сказать, что ваша шлюшка в белом халате его послала?

Вера не удивилась. Веня далеко не красавец и к жизни не приспособлен, да и зарабатывает гроши. И слава богу, еще только не хватало им медсестры-хищницы.

Впрочем, сразу после беседы с доктором Вера клинику не покинула. Режим здесь свободный, строгих часов посещения нет, в кафешку кого угодно пускают. В отличие от своего нелюдимого брата, Верочка легко заводила знакомства, умела разговорить кого угодно и буквально за час выяснила: медсестра с драматическим именем Кассандра — та еще шустрила. Мужа богатого ищет, не скрываясь, возле всех, кто поперспективней, трется липучкой.

С самой Кассандрой Вера знакомиться не стала, но издали рассмотрела. Чертов фарфоровый ангелочек — вся такая эфемерная, беззащитная, точеная. Неудивительно, что брат голову потерял. Но время — лучший лекарь. Пусть поглазеет печально в окно, потоскует, поймет, что корыстной Кассандре не он нужен, а купюры шуршащие.

Она провела разъяснительную работу — попыталась объяснить брату, что настоящая любовь в его жизнь еще придет. Веня печально покинул, и Вера оставила его в покое.

А спустя еще неделю печальных бдений Венички она нашла его мертвым. Брат аккуратно снял с потолка люстру и использовал металлический крюк для того, чтобы хорошенько закрепить ремень. На кухонном столе осталась записка. Ей, Вере, — только извинения. Зато для Кассандры — целая поэма о будущей жизни, в которой они обязательно встретятся.

Отчаяние сестры было безмерно. Два дня она просто пила и рыдала. На третий — даже вышла из дома, собираясь ехать в клинику, найти Кассандру и убить ее. По счастью, бабушки на лавочке увидели, в каком состоянии Вера садится в машину, и проявили гражданскую ответственность. Повисли гроздьями, не пустили за руль. Поднялись вместе с ней в квартиру, квохтали, уговаривали, что завтра похороны, и надо обязательно протрезветь, чтобы не позориться.

И Вера действительно смогла взять себя в руки на какое-то время. Выдержала почти без слез, когда на гроб брата посыпались комья земли. Молчаливым сфинксом высидела поминки. А на следующий день поехала в Клинику ментального здоровья.

Ее немедленно провели к главному врачу. Тоже квохтали, сыпались болезнованиями, но постоянно, словно бы между делом, пробрасывали: управы на Кассандру нет. С Веней о любви они даже не говорили — просто спали вместе по обоюдному согласию. Кассандра ничего у него не требовала, никак психологически не давила и не давала никаких обещаний.

— Но, разумеется, мы ее уже уволили, — подвел итог главный врач. — И на хорошее место она вряд ли теперь устроится. Наш круг узок, репутация бежит впереди тебя.

Вера вернулась домой — в теперь навечно пустую квартиру. Помочь поддержать некому. Родители отделились окончательно — даже на похороны не приехали. Подруг и личной жизни она не завела — все силы отдавала, чтоб создать комфортную атмосферу брату. Как унять сердечную боль?

Первым делом она решила подать иск на Клинику ментального здоровья. Юристы выслушивали ее историю, кивали сочувственно — но ни один за дело не взялся. Дружно утверждали: дело тухлое.

Вера написала в Роспотребнадзор, в санэпидстанцию, в налоговую, в Минздрав. Клинику ментального здоровья по ее сигналам тщательно проверяли и даже находили некоторые нарушения, но закрывать чертово учреждение никто не собирался. Вера оставляла везде, где только возможно, отрицательные отзывы, только и это не особо помогало. Медики отслеживали ее наветы, активно отбивались — и грозили ответными исками за клевету.

Тогда она решила сосредоточиться на Кассандре. Убивать — и самой идти в тюрьму — было страшно, но портила гадине кровь с удовольствием. Тем более что увольнение из клиники никак Кассандре не повредило: почти сразу вышла замуж. Супруг для нее начал особняк строить.

Вера страшно бесилась. И когда Бардин стал знаменитым, одной из первых вступила в его фан-клуб и постоянно подпитывала форум гадкими новостями и мерзкими детальками про свою врагиню.



Любила ей ночью звонить — с редких таксофонов, что еще оставались в городе. Знала адрес особняка, где отставная медсестрица проживала со своим актерчиком, и однажды порезала колеса, а потом подкинула под дверь мерзкую посылочку.

Но легче не становилось, горе не ослабевало. Оставалось лишь топить его в спиртном. И вскоре водки стало не хватать. Сначала добавилась «травка», потом подключились таблеточки. Дальше — «кокс», «герыч». Несколько раз у Веры случались провалы в памяти.

За день до похорон брата, когда Веру вытащили пьяной из-за руля, — она пообещала себе никогда не водить машину под газом и тем более под кайфом. И долгое время перед тем, как собиралась налить себе первую рюмку, убирала подальше ключи от любимой машины с красивым тигром-аэрографией на боку. В бар всегда добиралась пешком или на такси.

Вера много раз слышала, что время — лучший лекарь. Но брат никак ее не отпускал. Или это она его не отпускала? Уже и лицо Веночки стерлось в памяти, но она по-прежнему мечтала, как отомстит за его смерть, и продолжала предаваться саморазрушению.

Тем более что под кайфом являлись ей красивые, вдохновляющие картины. Как проклятая медсестра Кассандра падает из окна с высокого этажа — и летит, летит вниз, пока не размазывает ее об асфальт. Как заболевает дурной болезнью и ходит, обернув лицо платком и скрывая провалившийся нос.

Объявили карантин, но вечеринки у нее не закончились. Вера давно не удивлялась, когда в дверь ее квартиры звонили, и на пороге показывался незнакомый человек. А уж если кто-то из своих, да в пакете бутылки звенят — пускала запросто.

И накануне, она помнила, веселуха в ее квартире началась прямо с утра. Павлуха притаранил абсент, Джамиль принес травки, потом еще что-то вкусное появилось. Веру очень быстро сморило, а когда она проснулась и скосила глаза — не осталось ли возле постели недопитой стакышки, чтоб поднять настроение, вместо живительной алкогольной влаги увидела: на полу валяются ключи от «ниссана», а рядом, все в пятнах крови — портмоне с документами на машину.

Вера Власова проживала на Мартеновской улице — в странном квартале, где безо всякой системы мешались дряхлые пятиэтажки и помпезные новостройки.

«Ниссан-Мурано» с вычурным тигром на левом боку Дима увидел сразу. Припаркована машина была небрежно, двумя колесами на газоне.

Он вбежал в подъезд и позвонил в дверь. Отворила ему высокая, сильно похмельная, с тоскливыми глазами женщина.

— Вера Власова?

— Вы из ГАИ? — затравленно спросила она.

— Почему так решили? — удивился Дима.

— Я... я вчера пьяная была и, похоже, на своей машине ездила куда-то, — прошептала Вера и расплакалась.

Она с трудом стояла на ногах, перетаптывалась, держалась за стенку. Это утром-то! А какова же она ночью была?!

— Что вы употребляли? — строгим тоном спросил Полуянов.

— Не помню, — отозвалась она слабым голосом. — Меня еще днем срубило, дальше не помню ничего. Боюсь только, вдруг я правда ката-лась?

— Вы садитесь за руль таком состоянии?

— Вообще-то нет. Но мало ли? У меня машина «ниссан» с аэрографией. Вы ее сейчас видели во дворе? Цела?

Отвечать Дима не стал. Вместо этого медленно произнес:

— Вчера ночью была убита Кассандра Бардина.

— Нет, нет! — В глазах женщины полыхнул ужас. — Этого не может быть! И вообще, я не знаю никакую Кассандру!

Она прислонилась к стене и начала сползать на пол. А Дима увидел — на полочке для обуви стоят женские кроссовки большого размера. В грязи и засохших капельках крови.

...Полуянов вернулся домой в сташно подавленном состоянии. Вера Власова не отпиралась, не пыталась прятать кроссовки или выбрасывать заляпанное кровью портмоне, не отрицала, что желала Кассандре смерти. Но упрямо повторяла:

— Не ездила я никуда! С утра загуляли, к обеду меня сморило уже. «Улетела» в своей кровати, — в ней и проснулась.

— С кем вчера употребляла?

— Да много кто был. Реваз. Павлик. Кто-то уходил, приходил...

— Ты на учете состоишь?

— Нет. Я ж не буйная. Да и друзья помогают.

— Как они тебе помогают?

— С окна сняли — когда прыгать собиралась. Бритву отобрали, чтобы вены не порезала.

— Можешь мне телефоны своих собутыльников дать?

— Откуда у меня телефоны? Я не звоню — сами приходят. Мало у кого свое жилье есть. Пашка с предками живет. Реваз — в общежитии при рынке.

— А враги у тебя есть? Подумай: кто тебя мог подставить?

— У меня враг только один был. Кассандра, — хмыкнула Вера.

— Полицейским только этого не говори, — посоветовал Дима и покинул пропахшую алкоголем и нечистотами квартиру.

Когда выходил из подъезда, увидел — во двор влетели три полицейские машины. Служители закона тоже желали допросить владелицу «Мурано» с аэрографией.

А Полуянов чуть ли не со страхом — подумал: «Что же за противник у меня? Против кого я играю?!»

Со смертью Кассандры Ольга Петровна впала в странное, похожее на анабиоз состояние. Ей было лень двигаться, лень думать. Гибель самого близкого человека, наконец, перестала жечь сердце каленым железом, обратилась в тупую тяжкую боль. На Ольгу Петровну накатили усталость, равнодушие. Она сидела в кресле и смотрела на фотографию сына. Саша беспечно улыбался, а ей больше всего хотелось впасть в забытие, чтобы любимый сын пришел к ней во сне, протянул руку и забрал с собой. На земле удерживало лишь одно — Сашу надо похоронить. Ну а дальше — она найдет возможность уйти за ним.

Несколько раз звонил телефон. Ольга Петровна равнодушно взглядывала на определитель. Следователь. Журналист Полуянов. Соседка. Бывшая коллега. Опять следователь. Они ее, что ли, хотят в убийстве Кассандры обвинить? Не успела выключить у аппарата звук, как на этот раз позвонили в дверь. Да куда же деваться от них всех?! Она тяжело поднялась, вышла в прихожую, распахнула дверь. На пороге стоял журналист Полуянов.

— Мне бы только чайку. И пару вопросов задать, — с кротким видом проговорил он и быстро добавил: — Я у вашего сына интервью брал за день до его гибели. Больше четырех часов отсняли, хотя в передачу только сорок минут вошло. Саша там про вас так хорошо говорит! Я диск принес.

Ольга Петровна тоскливо улыбнулась. Сашенька у нее такой же был — ластился, когда ему что-то нужно было.

— Иди в комнату, — велела она, — и давай свои вопросы. Быстро и без всякого чая.

Он поспешно юркнул в квартиру, прошел в гостиную и, сев в кресло, произнес:

— Ольга Петровна, я хочу поговорить о Касе. Скажите, у нее были враги — кроме вас?

— Так по телевизору говорят: ее Верка убила.

— Почему вы называете ее Верка? Знакомы?

— Нет, но историю гибели ее брата я выяснила давно — когда Саша и эта... только что поженились. Я рассказала сыну, что его жена спала с парнем, давала ему надежду, потом бросила, а он от безысходности покончил с собой. Но Сашеньку это не смутило.

— А лично с Верой вы встречались?

— Нет. Никогда.

— Машину Власовой видели у дома, где убили вашу невестку. На ее обуви — грязь, идентичная той, что во дворе. И документы на машину — в крови. В крови Кассандры.

— Обо всем этом говорили по телевизору, — равнодушно повторила Ольга Петровна.

— Так, значит, Касю убила она?

— Не знаю. Главное, что ее убили.

— У Каси были друзья? — неожиданно сменил тему журналист.

— На ее друзей мне плевать, — с ненавистью отозвалась Ольга Петровна.

— Но все-таки: они были?

— Кому может быть интересна Кассандра? Только самцам, падким до молодого тела.

— Она дружила со своей двоюродной сестрой...

— Не верю я в эту дружбу. Полагаю, просто повод вырваться в Питер — и от души там гульнуть.

Но Дмитрий не унимался:

— Ольга Петровна, ну, пожалуйста! Я знаю, вы хотели избавить Сашу от Каси. Целенаправленно наблюдали за ней, собирали информацию. Неужели ни разу не заметили ничего необычного, подозрительного?

— Да зачем эти расспросы?

— У несчастной пьяницы Верочки в крови больше трех промилле плюс наркотики. Как в таком состоянии можно проехать за рулем в общей сложности сто километров, убить и благополучно вернуться домой? Ни одного нарушения правил и на машине ни царапины. Ваша мечта сбылась, Кася мертва. Я понимаю, вам все равно. Но мне нужно выяснить, кто ее убил. Вы знаете невестку, как никто. Наверное, бывали в теннисном клубе, где она играла? — взглянул он вопросительно.

— Да... Я была там несколько раз.

— Ваша невестка занималась с тренером. Играла на счет с Ниной Щегловой, с Денисом Ивашовым. С кем еще?

— Были еще какие-то девицы, но они меня не интересовали.

— А мужчины?

Лицо женщины перекосила гримаса:

— Кассандра хитрая, с администраторами дружила. Ее, похоже, всегда предупреждали, что я в клубе, поэтому при мне она ничего такого себе не позволяла. А против того, что она просто играет с мужчинами, Саша не возражал.

— Но, может, вы сопровождали ее куда-то еще? — с надеждой спросил Дима. — Когда она ходила по магазинам? Или, может, в косметический салон?

— Я ненавидела ее, — тихо произнесла Ольга Петровна. — И будь у меня реальный компромат — немедленно предъявила бы его Саше.

— Но, может, просто видели что-то необычное?

— У Каси, как ни странно, была одна приличная подружка, — неохотно отозвалась Ольга Петровна. — Образованная, умная. Она приходила на свадьбу. Смотрелась там — в сравнении с остальными — человеком из другого мира. И потом они встречались, но не часто. Эта женщина — не знаю зачем — пыталась подтянуть мою невестку до своего уровня. И когда Кассандра говорила, что идет с ней на выставку Моне или на лекцию в Третьяковскую галерею — они действительно шли туда. Я проверяла.

— И как ее звали?

Ольга Петровна ответила.

— Как вы сказали? — поперхнулся Дима.

Женщина повторила.

— Вы уверены?

— Да.

— Но что у них может быть общего?

— Кася мне врала, что познакомилась с ней в теннисном клубе. Но я выяснила: встретились они совсем в другом месте.

Маргарита была одной из самых известных в Москве тусовщиц и на карантине неприкрыто тосковала.

В прежней жизни она посвящала светским мероприятиям минимум пять вечеров в неделю, жила ритмом большого города, миганьем иллюминаций и цветомузыки. Темные витрины, запертые кинотеатры и замершая светская жизнь нагоняли на нее настоящую тоску. Даже снова хотела в Клинику ментального здоровья лечь — да оказалось, что заведение тоже закрыли на карантин.

На форуме фан-клуба Бардина она тусовалась, чтобы хоть здесь чем-то другим пожить. О смерти артиста особо не переживала. У звезд судьба такая — внезапно воссиять и быстро кануть (не важно, умереть или про-

сто сойти с орбиты). Погиб — и погиб, нового зажгут, мало ли красавчиков. Но читать поклонниц хотя бы интересно. Движуха. Переругиваются, версии строят.

Артиста Бардина Маргарита знала лично. Их объединяла не то чтобы очень страшная, но общая тайна — оба лечились в одной психушке. Впрочем, заведение считалась элитным, диагнозы у обоих не опасные, богемные, и вообще половина светской Москвы там побывала, поэтому стыдиться нечего. Когда пересекались на тусовках, Бардин улыбался:

— Еще больше постройнела! Опять на петрушке сидишь?

— А ты-то как? Ногти грызть перестал? — подкалывала она в ответ.

Превращение Бардина из скучного интеллигентного Гамлета в востребованного сериального актера случилось у Маргариты на глазах. Она сама актерских амбиций не питала, но к Александру приглядывалась с интересом: как это ему удалось? А потом выяснила, что Бардин взобрался на Олимп честно. И даже когда дошел до уровня, когда можно созвать в свой гостиничный номер хоть с десятков поклонниц разом, своей жалкой супруге Касе не изменял.

Ее Маргарита тоже знала. Когда впервые увидела, решила: просто кукла — глупая и беспринципная. Главврач специально взял — чтобы эротические потребности пациентов удовлетворять. Но потом пригляделась внимательнее и поняла: у медсестрички талант, очень в наше время редкий. Маргарита сама много раз в жизни пыталась смотреть на мужчину, как на бога — но ей куда больше нравилось быть богиней самой. А Кассандра не просто притворялась, но именно растворялась в том, кого хотела соблазнить. Плюс имела еще миллион кошмарно устаревших, но почему-то милых мужскому сердцу умений: пироженки пекла, цветочки вышивала, плечи разминала — старалась от души.

В последние пару лет Бардин на светских мероприятиях появлялся в основном без Каси. Но романов вроде бы не крутил и о своей медсестричке всегда отзывался пусть несколько снисходительно, но с теплотой в голосе. Поэтому сейчас Марго никак не могла понять, с чего вдруг Касе убивать своего бога? Даже от скуки вступилась за медсестрицу, когда ее на форуме преступницей клеймить начали.

А сегодня на форуме еще круче — настоящий криминальный сериал начался. Почти как в сказке: жили счастливо и умерли в один день.

Маргарита, когда узнала о Касиной смерти, тоже опешила. Выпила одинокий мохито за помин невинно убиенной души и начала гадать над мотивами и личностью преступника.

Она как раз просматривала форум и попивала второй мохито, когда в электронный почтовый ящик шлепнулось письмо:

« Дорогая Маргарита! Меня зовут Надя, и вы мне очень помогли, когда подсказали название клиники, где работала Кася. Я не объяснила вам вчера, зачем мне это было нужно. Сейчас готова признаться: я собирала на нее компромат. Дело в том, что мой муж, Дмитрий Полуянов, журналист "Молодежных вестей", попал под ее чары. Он тайно привез Касю в дом, принадлежащий мне. Именно там ее и убили. Тело Кассандры обнаружила я и теперь нахожусь под подпиской о невыезде, меня подозревают в убийстве из ревности. Поэтому для меня крайне важно выяснить, кто преступник. Вдруг вы сможете мне помочь? Пока в смерти Каси также подозревают Веру Власову. Но я полагаю, что убил кто-то другой, и следствие скоро в этом убедится. Возможно, среди тех, кто имеет отношение к Клинике ментального здоровья, у Каси были еще недоброжелатели? Я хотела сама туда съездить. Но оказалось, что из-за коронавируса клиника закрыта на карантин, большинство пациентов выписаны, почти весь персонал в отпусках, главный врач от встречи категорически отказывается. Не можете ли вы мне помочь еще раз?

Я знаю, что из-за Каси покончил с собой молодой художник Вениамин. Но я не верю, что к смерти Каси причастна его сестра.

Очень жду вашего ответа,  
Надя».

Марго хмыкнула, сделала глоток мохито. Касю прямо роковой женщиной хотят представить! Бардина — окрутила. Веничку — погубила.

Но перечислить фамилии не жаль. Чего бы не помочь неведомой Наде?

Она перетряхнула все закоулки памяти и составила целый список. Уже хотела отправить письмо, но не удержалась и приписала постскрипту:

— Надя, по-моему, искать убийцу в давнем Касином прошлом — это неправильный путь. Вам нужны те, с кем она общалась (любилась или ссорилась) совсем недавно. Я, к сожалению, тут вам помочь не могу. Мы с ней не дружили и вне клиники не общались. Но месяца три назад, в конце января или в феврале, я встретила Касю в ресторане «Икра». Она обедала с женщиной. Я специально прошла мимо, прислушалась, о чем они говорят. Обе увлеченно обсуждали какую-то занудную лекцию в Третьяковской галерее. В Касиной приятельнице я узнала довольно известного светского персонажа. Еще очень удивилась: где они могли познакомиться? А потом вспомнила. Касина подруга, как и я, и Саша Бардин, тоже лечилась в Клинике ментального здоровья.

...Умирать не хотелось, но ситуация обернулась так, что другого выхода не было. Слишком много необдуманных действий, ошибок. Не стоит ждать, пока тебя начнут прессовать — лучше полыхнуть самой. Чем ярче, тем лучше.

Эффектнее всего — Красная площадь, Минин с Пожарским. Или у подножия печального Пушкина.

Но знаковые места столицы от эксцессов оберегают тщательно. А сейчас, в пандемию, на центральных улицах вообще сплошная полиция. Она-то сама проберется, но зрители — никак. Поэтому для последнего шоу в своей жизни она выбрала скверик неподалеку от журфака. Только зрителей надо особенно тщательно подобрать, чтобы никто прежде времени не засветился, не дал слабину в самый ответственный момент — спасти бы ее не бросился.

Ни с кем из государственных телеканалов решила не связываться, пригласила два фрондерских. Трех популярных блогеров и пятерых западников из иностранных представительств. Обращалась только к тем, кого знала лично, деталей операции заранее не выдавала. Просто просила четвертого мая, в районе восьми вечера, находиться в начале Большой Никитской, обязательно с пропуском. И никаких огромных камер — исключительно походная, максимально незаметная аппаратура.

Приехала за пятьдесят минут до действия. Оставила машину на платной парковке рядом с консерваторией. Честно заплатила семьсот шестьдесят рублей — за то, что ее автомобиль просто постоит два часа на одной из центральных улиц. Прошлась, притворяясь беспечной прохожей, по Большой Дмитровке. Вдохнула посвежевший московский воздух. Полиции, к счастью, немного. Центр почти пуст, москвичи прячутся по дачам. К ней, впрочем, все равно подошли, попросили пропуск. Она предъявила — служебный, постоянный.

— С какой целью здесь? — без особого интереса спросил сержантик.

— От стоматолога. Зубы болят.

Он вернул пропуск, козырнул:

— Поправляйтесь, — и прошел мимо.

На противоположной стороне улицы — Робер, из французского представительства. Изучает памятные таблички на зданиях. Джеймс, американец, тоже не подвел — сидит в машине прямо у сквера.

Она вернулась на парковку, юркнула в салон и отправила сразу всем своим десятерым соучастникам сообщение: «Большая Никитская. Сквер. У барельефа. Ровно в 20.00 будьте готовы снимать. Только снимать. В происходящее не вмешиваться!!!»

Достала пятилитровую канистру и выплеснула жидкость на себя. Ее пробрало ознобом, в носу закололо, сердце объяло страхом. Кто-то невидимый шепнул в ухо: «Может, не надо?!»

Но решение принято, анонс сделан, и люди ждут. А бояться, отступить — это к слабым женщинам. Значит, абсолютно не к ней...



Димка опять отсутствовал, но сейчас Надя хотя бы не волновалась. Неприятно находить в себе изменные черты, но как хорошо стало, когда змея-искусительница Кассандра исчезла с лица земли! И, скажем честно, помогать в поисках убийцы куда приятнее, нежели пытаться оградить от ее тлетворного влияния самого Полуянова.

Надя еще раз перечитала письмо от своей новой знакомой Маргариты. Неплохо, очень неплохо! Полуянов должен оценить. Она вышла из почтового ящика и хотела выключить компьютер, но внимание привлек ярко-красный зигзаг — «молния» в новостях.

Надя краем глаза взглянула — и замерла.

— Самосожжение журналистки у Красной площади! Лиза Горихвост обвиняет в своей смерти Россию! Кадры с места трагедии!

Дрожащими руками Митрофанова кликнула по иконке. Лиза Горихвост — нескладная, некрасивая, с влажными волосами и удивительно сейчас прекрасная — стояла у серой стены. На нее были нацелены несколько камер. Где-то совсем рядом истерили полицейские сирены. Она выкрикнула: «Нельзя жить в мире вранья!» Щелкнула зажигалкой и обратилась в ослепительно-яркий факел. В кадр влетели люди, повалили ее на землю, пытались погасить пламя, но огонь продолжал пылать...

Федеральные каналы событие проигнорировали, но Интернет и западные средства массовой информации бушевали. Надя с Димой сидели плечом к плечу у монитора.

Лиза Горихвост. Одна из самых «неудобных» правительству журналисток. Ей неоднократно угрожали, ее обвиняли в клевете — судебное заседание должно было состояться на следующей неделе. И она не стала ждать сфабрикованных обвинений — сама вынесла себе приговор. СМИ не сомневались: «русская Жанна д'Арк устала жить под постоянным пресингом».

Нигде не говорили о том, что Лиза Горихвост лечилась в Клинике ментального здоровья, познакомилась там с медсестрой Касей. Зачем-то водила ее на лекции в Третьяковскую галерею и на выставку Моне. И совершила свое самосожжение через день после ее загадочного убийства.

## Лиза Горихвост

Мои родители жили, как вся страна — радовались квартирке в «хрущобе», отчаянно копили на машину и перебивались от зарплаты до зарплаты. А я всегда хотела не банально выбраться из нищеты, но совершить рывок. Перейти в другую касту. А для этого поступить на международную журналистику.

В универ — на бесплатное — попала единственная из класса. Сразу взялась за два иностранных языка, начала осваивать фотографию. Подрабатывала везде, где брали — водила экскурсии, писала репортажи. Спала стабильно по три-четыре часа.

И уже со второго курса организм начал бастовать. Бесплатный врач рекомендовал покой и умерить амбиции. Платный психиатр предложил ноотропы и транквилизаторы. Конечно, от покоя я отказалась. Без раздумий продолжила гонку и теперь постоянно подстегивала организм стимуляторами, а на головные боли плевала.

Сразу после универа я получила грант на учебу в Штатах. Через какое-то время поехала туда же в аспирантуру. В итоге к тридцатнику в моем активе имелись дипломы МГУ и американская степень доктора философии. А также идеальный английский, приличный французский и работа в московском представительстве крутого информационного агентства, где я стремительно делала карьеру.

Но раз в полгода, осенью и весной, я обязательно ложилась в клинику. Легкие транквилизаторы, витаминчики, массаж, ванны, психотерапия. Без этой подзарядки я не могла. Сосновый лес, мраморный туалет, отделение спа-процедур, заказное меню. И медсестры приятные — их, похоже, специально учили «считывать» состояние пациента. Больше всех мне нравилась Кася. Глазищи — синие, огромные, рука легкая — уколы лучше всех делала. И душа трепетная.

— Слишком ты нежная. Зачем в медицину пошла? — спросила я однажды.

— Да я где-нибудь в хирургии и не смогла бы, — призналась она. — Я спасать не умею. Зато ухаживать — очень люблю.

Лет до двадцати я честно пыталась лепить отношения с мужиками. Ходила на свидания, целовалась, занималась любовью, даже иногда испытывала подобие удовольствия.

А после четвертого курса во время каникул поехала на английские курсы в Брайтон.

Однажды вечером, когда сидела на пляже и ела в гордом одиночестве мидии, мимо прошла девушка. Взглянула мимолетно, приостановилась, молча погладила меня по спине и спокойно спросила:

— Пойдем?

По моему телу пробежали мурашки, я тут же вскочила, и мы пошли в отель. И потом больше не расставались. Я бросила свою общагу и переехала к ней.

Увы, время летит быстро, и так же быстро все проходит. Каникулы кончились, и надо было возвращаться в Москву. Стоя в зале ожидания аэровокзала, мы рыдали, держась за руки и глядя друг другу в глаза. Я пообещала, что обязательно еще раз приеду.

Вернувшись в Москву, я решительно оборвала отношения со своим тогдашним молодым человеком и поняла, что теперь у меня большая проблема. Россия — это вам не Брайтон, мне предстояло или таиться, или стать изгоем. С мужчиной, конечно, будет проще, но такого, чтобы голову потерять, мне не подалось. Зато встретила в клинике худенькая, нежная, с преданным взглядом медсестра Кася.

Мне хотелось рисовать ее, слагать ей стихи, раствориться в ее журчащем тоненьком голоске.

Мы встречались пару раз в месяц. Я всегда кормила ее в дорогом ресторане, делала подарки, уверяла, что совсем скоро мы уедем.

— А в какую страну?

— А куда бы ты хотела?

— Ну... я всегда мечтала жить в Лондоне.

— Тогда учи английский. И теннисом займись.

Репетитор по языку и тренер у Каси были лучшие. Занятия языком моя Касенька терпела с трудом, зато теннисом занималась от души. Я иногда приезжала на ее тренировки и с удовольствием смотрела, как она порхает по корту в плиссированной юбочке от Стеллы Маккартни.

А однажды она меня неожиданно огорошила:

— Я выхожу замуж.

Самообладание меня покинуло. Я забыла, что мы на людях, в дорогом ресторане — и залепила ей пощечину на глазах у официантов.

Она могла вскочить и убежать, но не сделала этого. Прикрыла ладошкой красное пятно на щеке, из печальных аквамаринов глаз закапали слезки:

— Лиза, прости. Но мне уже двадцать шесть, надо в жизни определяться...

— Тебя просто купили, — горько произнесла я.

— Нет, — отозвалась она. — Саша служит в театре. Зарплата — тысяч пятнадцать, по-моему. Но он очень талантливый. У него есть перспективы.

— А ты его любишь?

— Нормальный парень. Но чтобы голову потерять — такого нет. И давай ты больше не будешь на меня сердиться. В наших отношениях ничего не изменится. Мы будем встречаться, как раньше. А на мою свадьбу ты придешь?

Я сочла ее приглашение издевательством, но, немного поостыв, решила: почему нет? Да и Касю надо порадовать — той, несомненно, хотелось похвастаться подружкой со статусом, а также получить от меня дорогой подарок.

Во время свадебной церемонии я жадно разглядывала человека, украсившего у меня любимую. Выглядел он, надо признать, довольно мило: правильные черты лица, добрые глаза, улыбчивый, образованный, пластичный. Почему такое сокровище прозябает в заштатном театрике? Где-то видела я этого Александра. Но где мы могли встречаться?

Сомнения разрешила Кася. Когда оказались рядом, она шепнула:

— Мы с Сашкой тоже в клинике познакомились.

Коллега, значит. Алкаш? Мизантроп? Псих? Наркоман?

— С чем он лежал? — спросила я.

— Обычный невроз. На бытовой почве.

— А что у него случилось?

— Мама сильно болела, Саша нервничал, сорвался. — Кася опасливо покосилась на новоиспеченную свекровь.

Я тоже посмотрела на женщину. Такая кого хочешь доведет! Глаза холодные, злющие, губы поджаты. Она не скрывала, что выбор сына ей неприятен.

Но Александр будто не замечал неудовольствия матери и вообще держался молодцом. Каждого гостя старался развлечь, дамам говорил комплименты. Меня горячо поблагодарил:

— Какая вы молодец, что сподвигли Касю теннисом заняться.

— Вы тоже играете?

— Нет, я банален. Качаюсь, бегаю.

Несмотря на старания Александра, торжество прошло довольно уныло. Касины подружки перешептывались, коллеги жениха по театральному цеху очень быстро набрались, мамаша новоиспеченного мужа все больше наливалась недовольством, а ближе к концу вечера уже хамила невестке в открытую.

Я, разумеется, не участвовала в чужих ссорах, но неприятие матерью невестки мне очень понравилось. Вряд ли суровая женщина, отдавшая единственную свою кровиночку в руки «хищнице», сменит гнев на милость. Если я решу разрушить их семью, Касину свекровь можно будет смело привлекать в союзницы.

Хотя Кася и была теперь замужем, наши отношения продолжались. Мы по-прежнему встречались несколько раз в месяц. Я выводила ее в свет, дарила дорогие подарки, прилагая к этому все силы — работала на износ,

интриговала, отказалась от дорогих марок одежды и обуви, старалась как можно больше откладывать. Бралась за любые халтурки — гонорары немедленно обращала в твердую валюту и забрасывала на депозит.

Но, к моему величайшему сожалению, актер захудалого театра Александр Бардин тоже пошел в гору. Кася таила от меня новости — но я следила за карьерой артиста по своим каналам. Красавец, доселе вполне довольный подмостками где-то в Кузьминках, вдруг начал ходить по кинопробам и кастингам. И не только я оценила его внешность, обаяние и пластичность: Бардин вскоре получил первый эпизод, потом роль второго плана... а уже через год после свадьбы его взяли главным ментом в очередной сериал. К великому моему сожалению, свои возросшие гонорары он тратил не на кутежи, а приобрел в ближнем Подмоскowie участок и принялся строить загородный дом.

Я не сомневалась: все подвиги артист совершает ради красоты-жены, и ситуация меня чрезвычайно беспокоила. Но Кася уверяла, что с ним она живет ради удобства и статуса, а меня — любит.

Глупо-счастливой женой Кася действительно не выглядела — не все в ее семейной жизни шло гладко. Саша убедил ее уйти с работы, а сам дома почти не бывал. Зато его омерзительная мамаша регулярно навещалась. Лазила в холодильник, проверяла свежесть продуктов, белым носовым платочком контролировала чистоту дверных ручек.

Однажды Кася приехала ко мне совсем грустная.

— С Сашей поссорилась? — спросила я с надеждой.

— Да что Саша! Я и не вижу его. Зато свекровь любимая достала! Знаешь, что сегодня начала гнать? Будто мой борщ плесенью пахнет! Я ей чуть кастрюлю на голову не надела.

— Зачем ты вообще ее в дом пускаешь?

— Я много раз пыталась ее отвадить, но Сашка не дает, просит потерпеть: «Мамочку нельзя травмировать, ее жизнь драматически изменилась, ей нужно справиться с одиночеством!» Раньше-то было занятие — сыночка кормить-обхаживать. А теперь эта гримза от безделья совсем с ума сходит. И я для нее — словно красная тряпка. Вчера в теннисный клуб приперлась. Села в темных очках в кафе на втором этаже, откуда корты видно, и всю тренировку с меня глаз не сводила.

— С ума сойти! Ты к ней подошла? Что-то сказала?

— А что я могу сказать. «Здравствуйте, Ольга Петровна»?

Мне очень, очень нравилась эта женщина! И ее желание собрать компромат на невестку было чрезвычайно похвально. Когда-нибудь она вычислит, к какой-то такой подруге ездит Кася.

Однако Кассандра тоже была хитра. Однажды она попросила сводить ее «куда-нибудь в приличное место».

— Ты имеешь в виду «Пушкин»?

— Нет! Что-то умное. Музей. Лекция.

Я не заподозрила подвоха. И только когда после выставки Моне мы зашли в ресторан выпить кофе, я увидела, что через пару столиков от нас, в смешных темных очках, прячется Касина свекровь.

А спустя примерно три года после Касиной свадьбы в час ночи меня разбудил звонок в дверь. Кто это может быть в такое время? Я помотрела в «глазок» — на лестничной площадке стояла Кася. Я тут же втянула ее в квартиру и охнула: в легеньком вечернем платье (хотя за окном от силы плюс десять), она вся дрожала, на щеках еще не высохли дорожки слез. Ее правый глаз смотрел крошечной щелочкой, нижнее и верхнее веки опухли, налились багрянцем, щеку раздуло огромным кровоподтеком.

— Кто это тебя?!

— Сашка, — всхлипнула Кася.

— Боже! — воскликнула я и отвела Касю в спальню. Помогла ей снять платье, укрыла теплым одеялом, принесла из морозилки лед, велела приложить к лицу и терпеть, а потом спросила:

— Да что на твоего Сашу нашло?

— Все из-за мамы его безумной, — со злобой выдохнула Кася. — Она специально мне гадит! Прикинь, я Сашку почти месяц уговаривала сходить вместе в ночной клуб. Ты же знаешь, как я люблю танцевать! Вот, наконец, сегодня собрались. Заказали столик у самой сцены. Егор Крид выступал. И тут на моей любимой песне — она звонит! С сердцем у нее, видите ли, плохо! Требуется срочно приехать! И плакал мой ночной клуб — поехали эту гадину спасать! Приезжаем. Дверь приоткрыта — все, конец, умираю. А сама лежит в постели — румяная, гладкая. Но стонет эффектно: «Саашенька! Подай мне нитроглицерин!» А этот лапот — все за чистую монету. Скачет вокруг нее, таблеточки, компрессик прохладный на голову. Она на подушках откинулась, глаза закатила, но зрение, тварь, не потеряла. «Сааша! Почему твоя Кассааандра так вульгааарно нааакрашена?» И он — нет бы меня защитить! — только оправдывается: «Мы в ночном клубе были. Касе хотелось выглядеть красиво». — «Но есть же рааазница между эффектным выходом и дурновкусием!»

— Каська, — вздохнула я. — Как ты только такое терпишь!

— Так я и не терпела сегодня! Вот что получила. На лицо мое полюбуйся! — взъярилась она.

— Прямо при матери тебя ударил?

— Нет, я там молчала. Но когда цирк закончился, и мы в лифт зашли, не выдержала. Говорю ему: «Понятно, в кого у тебя актерский талант». А он глазами хлопает, вроде как не понимает. Ну, меня и понесло, все ему высказала. А он мне врезал. Скотина! Завтра же на развод подам. И на всю страну его ославлю!

Касины слова падали на мое раненое сердце, словно бальзам. Но насколько тверды ее намерения? Нужно ее немедленно в полицию тащить, пока не передумала. Я взглянула на часы: пятнадцать минут третьего. На улице темнота, холод и дождь. А Кася пригрелась под одеялом, глаза начали слипаться, и она заснула.

Будить ее и настаивать на вызове «скорой» я не стала. Сидела рядом, любовалась ее отекившим, но все равно прекрасным лицом и тщательно просчитывала: как сделать, чтобы Касин мстительный пыл к утру не угас.

Но увы! Подруга моя проснулась поздно, первым делом схватилась за телефон и с удовольствием сообщила:

— Сорок восемь вызовов не отвеченных. Плюс сообщения: «Люблю, обожаю, извиняюсь, возвращайся». Не буду пока отвечать, пусть помучается.

Мое настроение сразу испортилось. Зря я вчера дала ей уснуть!

— Неужели ты можешь вернуться к человеку, который такое с тобой сделал? — почти в отчаянии спросила я.

— Ну, брошу я его — а дальше? — повысила голос Кася. — Брачный контракт оспаривать? Дом делить через суд? Даже если я получу половину — годы-то идут, мне уже двадцать девять. На брачном рынке полно юных хищниц.

— Давай жить вместе. Пока что здесь. Центр города. Три комнаты.

— Ой, нет, — перепугалась она. — Вот если бы ты в Лондон позвала!

В итоге расстались мы не слишком довольные друг другом. Кася нашла в Интернете ближайшую к моему дому правозащитную организацию и отправилась туда, а я поехала на работу. Едва вошла в офис, позвонила секретарша Самого Главного Босса и сообщила, что Митчелл срочно вызывает меня к себе.

Генеральный директор встретил меня ласково. Никаких начальственных столов — усадил на диванчик. Тон медовый:

— Я хотел поговорить утром, но тебя не было на работе.

— Простите. Возникли личные обстоятельства.

Что, интересно, ему надо? Митчелл — не того полета птица, чтобы распекать за опоздание.

— Полагаю, ты не на собеседование ходила?

— Нет. Но личные обстоятельства складываются так, что я, возможно, буду искать другую работу. Мне крайне важно в самое ближайшее время уехать из России.

— А я как раз хотел сегодня предложить вам возглавить наше представительство в Южной Корее. Но... в Европе, конечно, будет комфортнее. У вас есть какие-то предпочтения?

— Хотелось бы поехать в Лондон.

— Хорошо. Вы туда поедете.

Мне впервые в жизни захотелось броситься на шею мужчине. Но я лишь спокойно спросила:

— Когда?

— Как только юристы подготовят новый контракт. Обычно это занимает максимум две недели.

Я была счастлива, как никогда. Что за удивительное совпадение! Или это Вселенная услышала мой посыл?

Представительство в Лондоне — это годовая зарплата с немалыми нулями, свой дом, страховка, сумасшедшие перспективы. Не говоря уже о счастье жить в нормальной стране.

Я ворвалась в квартиру и, хотя обычно стараюсь вести себя сдержанно, прямо с порога заорала:

— Каська! Мы с тобой едем в Лондон!

Она выскочила мне навстречу:

— Э...когда?

— Через две недели! Тебе надо срочно подать на визу!

— Тебя все-таки переводят? — Ее голос звучал растерянно.

— Да! Конечно же, да! Чему ты удивляешься? Я и так ждала слишком долго! У нас будет свой дом, Кася! Сад. Пятичасовой чай! И полная свобода!

— Лизочка, это очень здорово! Я тебя поздравляю! — прощебетала она.

— Ты нас обеих поздравляй! Мы уезжаем!!!

— Но я ведь замужем, — напомнила она, и я только сейчас заметила: голубые глаза мечутся в страхе, и никакой радости в них нет.

— Кася, ты что?

— Просто это так неожиданно. — Взгляд уткнулся в пол. — Даже не знаю, как реагировать...

— Давай пить шампанское! А еще я сейчас закажу фейерверк. Выйдем на балкон и пальнем!

— Лиза! — Она аккуратно отступила на шаг. — Мне надо подумать.

— То есть, как подумать? О чем? — опешила я.



— Лондон был хорош три года назад. А сейчас я уже не уверена, что хочу разводиться.

— Но... как же так? Как вообще можно возвращаться к человеку, который тебя бьет?!

— Не бьет, а один раз ударил. Причем за дело.

— Кася! Ты не можешь так со мной поступить.

— Лизочка, — она взглянула умоляюще, — Саша очень просит меня вернуться. Осталось понять, чего хочу лично я. Дай мне, пожалуйста, пару дней.

Но я — убитая, раздавленная — смотрела в ее лицо и понимала: Кася меня уже предала.

Беда красивых девушек в том, что они уверены: за ясные глазки и смазливый личик им позволено творить, что угодно. Смотрят на тебя преданным взглядом, говорят, что любят, и самонадеянно полагают: от них, прекрасных-изумительных, партнер стерпит любую подлость.

Я не стала показательно ссориться с подругой, но сердце мое обратилось в кусок льда. Никто и никогда еще не смел вытирать об меня ноги! Смазливая медсестричка это сделала, а я никогда не прощаю своих врагов. И я поклялась себе: убрать с Касиноного личика ее вечную счастливую улыбочку, сделать ей еще больнее, чем мне сейчас, заставить страдать, плакать, а может, и стереть с лица земли.

Самой воздать предателю — это приятно, но пачкать руки, ломать карьеру и портить собственную жизнь не хотелось. По счастью, у меня имелось чрезвычайно полезное знакомство.

Вера Власова. Она тоже ненавидела Касю, ибо моя продажная медсестричка сломала Веруне жизнь. Когда Кася еще работала в Клинике ментального здоровья, на нее запал младший брат Веры, который лечился от панических атак. Никто не ожидал, что несчастный влюбленный покончит с собой. Кася своей вины абсолютно не чувствовала и считала, что уволили ее несправедливо. Сестра погибшего страдала, писала на Клинику ментального здоровья бредовые отзывы, проникала на форумы медсестер и гнобила на них Касю.

Я тогда как раз писала для «Лондон пост» серию очерков о судьбах русских женщин. Трагическая история Веры показалась мне достойной читателя, и я решила познакомиться с ней. Легко выяснила, что напиваться несчастная сестрица ходит в ближайший к дому бар. Однажды подседа, угостила коктейлем, задала пару участливых вопросов. Верочка почти немедленно начала мне выкладывать всю свою печальную историю. Я сочувственно кивала. Взяла у нее телефон, но свой номер не дала и назва-

лась вымышленным именем. Через пару дней позвонила и напросилась в гости. Привезла полный багажник продуктов, накормила ее и, как бы между делом, спросила:

— Ты успокоилась хоть чуть-чуть?

— Насчет Веньки-то? Да, отпустила его. Подумала: чем больше тоскую, тем ему, наверное, тяжелее. А вот гниду-Кассандру до сих пор — как вспомню, так зубы ломит.

Я налила Вере вина и небрежно бросила:

— Так избавься от боли.

— Чего?

— Если зуб ломит — его надо вырвать.

— А я так и делаю. У нее ж муж артист. Свой фан-клуб — одни тетки. Я там про Кассандру тааакое пишу!

— А она хоть читает?

— Надеюсь, — насупилась Вера, секунду поколебалась и добавила: — А еще я ей однажды все четыре колеса проколола и куклу под дверь подбросила — страшную, с выколотым глазом.

— Ну, это все слону дробинка.

— Может, и убью ее, — пробормотала Верочка.

— Когда?

— Да давно бы убила уже, — вздохнула несчастная алкоголичка и честно призналась: — Но вдруг попадусь? А в тюрьму неохота.

Знаю я такую породу. Похоже, не выйдет у меня использовать Веру в роли убийцы. Зато появилась новая ниточка. Надо своими глазами посмотреть, что за страсти творятся в фан-клубе Бардина, и можно ли это как-то обратить себе на пользу?

Я приехала домой, зарегистрировалась на форуме — разумеется, под вымышленным именем — и внимательно его изучила. Сразу вычислила Верочку — она выступала под ником Художница и с нескрываемым упоением поливала грязью Касю.

Впрочем, ее вопли никто особо не лайкал. Речь на форуме в основном шла не про жену, а про самого артиста. Больше всего веток, конечно, посвящалось сериалам, но самые преданные поклонницы и в театр на его спектакли ходили, и на творческие встречи, и даже вслед за ним по стране ездили, смотрели антрепризы.

Я всегда полагала, что фанатки кого бы то ни было — исключительно примитивные, истеричные до крайности уродливые дамы. Но, на удивление, среди поклонниц Бардина оказалось немало адекватных женщин: здравые суждения, грамотно написанный текст, приятные лица на аватарках. Некоторые не скрывали: они вполне себе замужем, и брак нормаль-

ный, а Саша для них — просто отдушина, красивая мечта, и ничего больше. Но встречались и настоящие крики души: все на свете бы отдала, только чтобы быть рядом с Бардиным!

Я вспомнила, как поклонницы рвали костюм Лемешева на клочки, и при следующей встрече невинным тоном спросила у Каси:

— У твоего мужа фан-клуб есть?

— А то! — усмехнулась она. — Еще какой. Сплошные нахалки. Недавно две бабы прямо к нам домой явились, только представь! А Сашка, сволочь, мне их даже прогнать не дал. Вышел, поулыбался, сфотографировался.

— А что за бабы, страшенные? — заинтересовалась я.

— В том и дело, что нет! Нормальные, хорошо упакованные. У одной даже сумочка — настоящая «Прада».

— И зачем нормальным девкам под чужими дверями дежурить?

Кася простодушно улыбнулась:

— Так они надеются у меня Сашку отбить. На форуме его фан-клуба даже отдельная ветка есть, типа, для возможных невест. Они там радуются, что мы детей не заводим, всякие гадости пишут, что я — ноль, со мной и поговорить не о чем.

«А ты действительно ноль», — холодно подумала я и нежно поцеловала свою подругу.

В моей голове начал зарождаться план. Допустим, есть нормальная семья. Брак давний, страсти давно утихли, обоим к сороковнику. Но муж все силы отдает работе, а жене — бес в ребро. Увидела на голубом экране Бардина — и пропала. Может такое быть?

Я попробовала вообразить себя на месте нормально обеспеченного, в меру ревнивого мужика. Целыми днями я на работе, пашу на благо семьи. Уверен, что супруга тратит мои деньги и свое свободное время традиционно — на косметологов, бутики и фитнес. Но вдруг узнаю: женщина, которой я верил, влюблена в актеришку! И тот отвечает взаимностью!

Наверно, типовой (и богатый) мужик поступит банально: даст в глаз да выгонит прочь без копейки. Но если, допустим, я свою жену реально, очень сильно люблю? И по характеру — ипохондрик, обожаю сам себя потерзать? А по гороскопу — скорпион, умею строить изощренные комбинации?

Кто их, короче, знает! Нанимают ведь частных детективов — не просто прогоняют, но прежде с наслаждением изобличают неверных жен. В любом случае, я ничего не теряла. А вживаться в чужой образ весьма полезно для журналистской карьеры.

Я пока не знала, чем обернется моя задумка, но поиздеваться над Касей очень хотелось.

И в начале марта — когда страна еще жила нормальной жизнью, а над эпидемией все только ржали — моя голубоглазая предательница получила на электронную почту письмо:

— Уважаемая Кассандра. Меня зовут Анатолий. Я женат больше двадцати лет и всегда считал, что у нас счастливый брак. Моя супруга обожает сериалы, периодически становится поклонницей то одного, то другого артиста, и я всегда снисходительно относился к этому ее увлечению. Ирина (так зовут мою жену) состояла в фан-клубе вашего мужа, ходила на его творческие встречи, и я считал, что это тоже платоническое чувство. Но сейчас ситуация переменялась и начинает меня беспокоить. Я достоверно знаю, что моя супруга присутствовала на вручении премии «Русский детектив», на конкурсе молодых дарований в Главном театре страны и на предпремьерном показе сериала «Заговор небес». (Я тщательно перечислила те светские мероприятия, куда Александр действительно ходил без супруги и после каких оставил в сети много следов в виде фотографий с различными симпатичными девушками и дамами.) Также у меня есть сведения, что ваш супруг и моя жена дважды ужинали вместе — в ресторане, тет-а-тет, за столиком на двоих. Полагаю, до секса у них пока не дошло, но это неизбежно случится. В наших общих интересах пресечь их отношения в зародыше и сохранить счастье в наших семьях. Поэтому и написал вам. Надеюсь на ваше понимание и помощь.

Я отправила послание и стала, затаив дыхание, ждать.

Ответ явился немедленно: «Почему я должна вам верить, пришлите фотографии».

Она заинтересовалась! Ура!

Второй шаг у меня был продуман и подготовлен заранее. Кася мало интересовалась современными технологиями (как и всем остальным, что не касалось ее лично), поэтому я могла не бояться, что она распознает фотошоп. Тем более что фотомонтажи я умею делать очень даже неплохо.

Ей тотчас же отправились фотографии с извинениями, что снимки не очень четкие: «Вы же понимаете, что приходилось делать их издалека, скрытно».

Также имелась горячая просьба: не предъявлять пока компромат мужу. «Мне достоверно известно: они не спят. А поцелуи в актерских кругах — норма взаимоотношений. Давайте дождемся, пока они сделают следующий шаг. Я контролирую свою жену, а вы, пожалуйста, внимательно наблюдайте за своим мужем».

Кассандра отозвалась очередным безграмотным ответом: «Кто ваша жена, она бывает на съемках?»

«Анатолий» ответил: потенциальная изменница — чиновница средней руки, работает в префектуре. Тайной квартиры у супруги нет, решиться на спонтанный секс где-нибудь в ресторанном туалете ей не позволит воспитание. «Им прежде надо найти место для встреч», — предполагал обманутый муж.

А дальше — слишком стремительно даже для меня — началась эпидемия. Проекты сворачивались, съемки остановились, театры закрылись. Бардин засел дома, сублимировал творческую энергию в частушках против власти и в спорте.

Но «Анатолий» не успокоился и в середине апреля снова написал Касе:

«Моя жена совсем потеряла покой. Постоянно сидит в Интернете, пересматривает сериалы с вашим мужем, разглядывает его фотографии, плачет. Я радовался, что у них нет возможности встречаться, но вчера она получила от Александра письмо. Я взломал ее почтовый ящик, поэтому можете почитать».

Над «письмом изменщика» я трудилась два дня. Смотрела в Интернете интервью Александра, анализировала его речь, отмечала характерные словечки. Припоминала детали семейной истории, о которых рассказывала мне Кася.

Я всю жизнь работаю со словом и люблю проживать на бумаге чужие жизни, писать тексты от имени разных героев. Полностью придуманный Анатолий с его проблемами поначалу был для меня просто интересной игрой и заодно — тренировкой мозга, заделом для будущих журналистских работ.

Сама бы я в жизни не клюнула на столь примитивную наживку, но красоты, каковой была моя Касечка, редко столь же хороши в анализе-синтезе, как в постельных утехах. Она продолжала доверять «Анатолию» и ответила ему, что приложит все силы, дабы не допустить измены.

А спустя пару дней на ее страничке в социальной сети появился вызывающий пост: мол, вы, дураки, гниете в самоизоляции, а я собираюсь в Питер насладиться свободой и ветром с Невы, покушать в подпольном ресторане. Дату отъезда сообщила — двадцать шестое апреля, и даже на чем и когда поедет: «Кондор», отправление в 19.00.

Прежде Кася никогда не вываливала в Интернет свои планы (да и кому они интересны), поэтому было похоже, что она действительно собралась ловить своего блудного мужа «на живца».

Что ж, отступить я не собиралась и решительно продолжила вить свою паутину.

Для начала позвала Касю в гости — на французское шампанское и черную икру. Она с удовольствием согласилась, даже привезла с собой копечный торт. Одета в спортивный костюм, она виновато улыбнулась:

— Прости, что не секси. Но я Сашке сказала, что в теннисный клуб еду.

— Какие клубы в карантин? — удивилась я.

— Да почти все открыты! Только пускают с черного хода и денег больше берут, — хихикнула моя подружка. — Послезавтра даже турнир будет, нелегальный.

Я с большим интересом начала расспрашивать про подпольное мероприятие. И Кася с удовольствием болтала, что будет две сетки, мужская и женская, в каждой по восемь участников. Состав сложнейший — обычно игроки по разным соревнованиям рассредотачиваются, а тут вся любительская элита тенниса в одном месте.

— И у меня, как назло, игра совсем разладилась, — вздыхала Кася. — Завтра с теннисной пушкой заниматься пойду. До упора буду пахать — пока не прибьюсь.

— А теннисные пушки тоже работают?!

— Да все у нас работает!

— Смотрю, у тебя прямо светская жизнь — турниры, поездки, — сменила я тему.

— Ну да, — захлопала она глазами. — Надоело мне дома сидеть, хочу сестричку в Питере проведать. Почему нет, если поезда ходят?

Мы прошли в гостиную, я разлила по бокалам шампанское. Кася скинула олимпийку от «Джуси Кутюр», села ко мне на колени, крепко прижалась своей грудкой, обтянутой легким топиком, и прошептала:

— Как мне хорошо с тобой, Лиза! Я, если честно, лучше бы не в Питер, а в Лондон — с тобой.

— Я тебе предлагала.

— Ну, Лиизочка! Ну, прости! Я тогда испугалась. Это ты — сильная, смелая. А мне страшно стало — взять и полностью перекроить свою жизнь.

— Струсила — поезд ушел. Давай не будем поднимать эту тему.

— Ты больше не хочешь ехать со мной в Лондон?

— Ты все равно останешься с мужем. Тебе так удобнее.

— Нет, нет! Я разведусь. Я точно решила!

— Врешь!

— Нет, — произнесла она со значением, — у меня теперь есть основания.

— Какие?

— Не могу пока сказать, боюсь сглазить.

— Твой Бельмондо, что ли, загулял?

Она зло отозвалась:

— Мой Бельмондо мне надоел, — зло отозвалась Кася и уткнулась в мою шею. И вообще мужики достали. Обезьяны! А ты такая нежная!

— Неужели ты действительно разведешься?

— Действительно.

— Когда?

— Вот съезжу в Питер, — загадочно улыбнулась Кася, — и сразу этим займусь.

Что ж, Касины намерения теперь были как на ладошке. Она поверила «Анатолию» и собиралась ловить изменщика-мужа. Я же от этого ничего не получу. Пару месяцев назад она спрашивала, как оспорить брачный контракт и содрать с успешного мужа максимум денег. Мне стало даже жаль свою маленькую, глупенькую подружку. Сама построила себе нескладную, унижительную жизнь, а я собираюсь осложнить ее бытие еще больше. Но предавалась деструктивным чувствам я недолго. Раз уж затеяла игру — надо доводить до конца. Кася меня предала — и должна за это ответить.

Мы пошли пить чай, и я — мимоходом, между делом — получила ответы на многие важные для меня вопросы. Больше всего интересовало, как сейчас, в карантин, у семьи Бардиных организован быт.

Кася рассказала, что свекровь к ним в гости не является — соблюдает, как велит мэр, изоляцию. Они сами гостей тоже не принимают. Александр из дома выходит в магазин, в аптеку за витаминами, кросс пробежать. Ну и, конечно, своей неперемный ритуал — вечерний релакс в джакузи.

Ключи от Касино коттеджа у меня давно имелись — сделала копию в ту ночь, когда подруга отсиживалась у меня после побоев супруга.

Сначала я собиралась незаметно проникнуть в дом и сдобрить клофелином все кушанья, что оставит мужу заботливая женушка, чтобы она вернулась из своего Питера и нашла хладный труп супруга. Но потом мне в голову пришла идея получше.

— А у тебя когда, ты сказала, поезд? — спросила я Касю.

— В семь вечера.

Я быстро произвела подсчеты. Выйдет она, конечно, в Твери. Это начало девятого. Обратно, до коттеджа, доберется, в лучшем случае, к одиннадцати, на чем бы ни ехала. Бардин в ванне — один, в наушниках, в нирване. Он думает, что дома никого, и, конечно, не заметит, что дверь открывается и кто-то входит. Я его топлю — и исчезаю. А вскоре к мертвому телу возвращается Кася. Это ж насколько эффектно будет!

Спонтанно пришедшая в голову идея мне очень понравилась. И почти сразу пришло в голову, как еще большего драматизма добавить, а заодно Касю подставить под самое не могу. Я опять, вроде как для поддержания разговора, спросила, где она собирается отрабатывать укороченный удар.

— В соседнем поселке, в Чеверьково. Там у мужика частный корт и теннисная пушка.

Укороченные удары сами по себе достаточно травматичны: мяч близко, пространства для маневра мало. С теннисной пушкой еще больше вероятности получить желтым шариком в лицо. Но зачем надеяться на несчастный случай, если можно ему посодействовать?

Я нашла телефон частного корта в деревне Чеверьково и позвонила его хозяину Ваграму. Тот долго грузил меня, что все время у него расписано, но когда я предложила заплатить втрое — устоять не смог. И на следующий день — за час до того, как в клуб должна была явиться Кася — я тоже поехала потренироваться с теннисной пушкой.

Видеокамера в чухлом строении оказалась выключена, покрытие — убитый терафлекс. Я не великая теннисистка, но знала: любая жидкость на нем превращает поверхность почти в каток.

Машинное масло, конечно, эффективнее — но могут возникнуть вопросы, поэтому я решила — вроде как случайно — разлить у сетки бутылку воды.

Дьявол продолжал мне помогать. Она не просто упала, а полностью потеряла равновесие, перелетела через сетку и пропахала лицом весь корт.

И мне же — наивное создание! — звонила, жаловалась на невезуху.

— Кася, мысли шире, — усмехнулась я.

— Это как?

— Ты ж разводиться собираешься? Вот и скажи, что тебя Саша опять ударил. Суд будет впечатлен.

— Сашка со мной ездил.

— Куда?

— На тренировку!

— Господи, зачем? Он же не играет.

— Да ему все равно делать нечего, а я боялась, что с пушкой сама не слажу. Там мужские мозги нужны, чтобы правильно настроить.

Я спросила, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— А почему ты упала? Кроссовки лысые? — спросила я, стараясь из всех сил, чтобы голос не дрогнул.

— Да там какая-то скотина воду разлила у сетки, — простодушно ответила Кася. — Прямо реально много воды! Я не увидела и поскользнулась. Мы с хозяина хотели компенсацию взять, но он хитрый, сволочь, пошел вроде как посмотреть, а потом нас зовет: «Сухо там». Сашка подходит: правда, нет воды. Вытер незаметно, и ничего теперь не докажешь.



Я позвонила ей в день отъезда. Кася сладким голоском пообещала привезти из Северной Пальмиры вкусных пирожных.

— Тебя Саша провожать будет? — спросила я.

— Нет. Он жадный.

— В смысле?

— Пропуска ему жаль. На такси поеду.

— Ну, тогда береги себя. Маска, антисептик.

— Лучше коньячку возьму, — хихикнула Кася. — Куда эффективней дезинфицирует.

Я положила трубку и задумалась. Очень плохо, что любящий муж не желает ехать на вокзал. Придется рисковать, чтобы тайно проникнуть в дом, но ничего не поделаешь, не отменять же свой гениальный план мести... Как мне к ним в дом-то попасть? Надеяться на удачу, что Бардин выйдет в магазин или — на ночь глядя — побежит кросс? Или что будет смотреть телевизор и не услышит, как я отпираю дверь? Оставалось надеяться на удачу...

Заперев дверь, я спустилась вниз, села в машину и отправилась на северо-восток, в направлении дома Бардиных. «Светить» машину не стала, припарковала ее в Мытищах и, пересев на автобус, доехала до коттеджного поселка и там вышла. Поселок выглядел пустынным — больше половины домов темные, жалюзи на окнах опущены. Смеркалось, половина фонарей не горела. Я очень надеялась, что никто меня не заметит, и уж тем более не разглядит в сумерках моего лица.

Открыла Касиным ключом калитку, проскользнула во двор. Поднялась на крыльцо, отперла дверь и, убедившись, что сигнализация и видеонаблюдение не работают, проскользнула внутрь. Немедленно сняла обувь, уложила кроссовки в пакет, а потом в свою сумку-шоппер. Надела поверх носков еще одни, новые. Волосы скрыла под шапочкой, руки обтянула резиновыми перчатками — следов лучше не оставлять.

Часы показывали восемь вечера. Я прошла в котельную, встала на цыпочки, дотянулась до низкого потолка и открыла люк. К моим ногам услужливо спустилась лестница на чердак. Я взобралась по ней, втянула складные ступеньки обратно и прикрыла крышку. На чердак мы с Касей как-то лазили. Никакого обзора — зато слышимость изумительная: шаги, шум воды, телевизор, дверца холодильника. И слуховое окошко — из него отлично просматривается вход в дом.

Ровно в десять вечера Бардин выключил телевизор в спальне. Я услышала, как хлопнула дверь, и в ванной зашумела вода. «Сашка в ванной слушает всякие аффирмации — на успех, на деньги», — вспомнились слова Каси.

Я снова спустилась в котельную. На цыпочках прошла через холл и пошла к лестнице на второй этаж. В спальне — приглушенный свет, в гостиной — дежурная лампочка. Прокралась через спальню и осторожно потянула ручку двери в ванную комнату. Она подалась.

Актер наслаждался в джакузи. Тело уютно укутано мыльной пеной, голова покоится на резиновой подушечке, в ушах наушники, на глазах — черная повязка, чтобы ничто не отвлекало от нирваны.

И я больше не колебалась. Приблизилась к ванне вплотную, бесшумно погрузила в воду руки, дотянулась до его щиколоток, резко схватила их и дернула вверх. Голова мгновенно ушла под воду, тело забилося, затрепетало. Я всеми силами удерживала Бардина под водой, пока он не обмяк и затих. На поверхности воды осталась лишь рука — страшная, искривленная судорогой. Наушники слетели с головы и медленно тонули.

Меня вдруг охватила дикая радость. С губ сорвалось:

— Это тебе за Касю!

Похоже, мне не только подруге хотелось отомстить, но ему тоже. Мужчине. Актеришке. Это заросшее шерстью (и такое теперь жалкое) существо увело у меня лучшую в мире женщину. И получило воздаяние.

Из ванной комнаты я вышла, не оглядываясь, и спокойно покинула дом.

А когда шла к автобусной остановке, увидела — мне навстречу спешит Кассандра. Смешная, сутулится, в кепочке, в темных очках.

Я скрылась за деревом, вжалась в него и еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. От ее глупой доверчивости — или от собственного счастья.

Покинуть поселок удалось быстро — маршрутка подошла почти сразу. В Мытищах я пересела в свою машину, уже в полночь оказалась дома и немедленно включила компьютер. Мое информационное агентство предоставляло мне доступ ко всем сводкам происшествий в режиме реального времени. Мне было интересно, какими словами авторы криминальной хроники опишут гибель Бардина, что скажут о причине его смерти, как будут звучать Касины оправдания.

Несмотря на карантинное затишье, лента происшествий постоянно обновлялась: аварии, поножовщина, пьяные драки, кражи. Но ни слова про труп в джакузи.

К двум часам ночи я запаниковала. Мне казалось, что, когда я уходила, актер, несомненно, был мертв. Но вдруг он каким-то чудом смог выжить, и сейчас следствие стремительно раскручивает весь клубок? Какое уж тут наслаждение сладкой мезью. Лучшее лекарство от стресса — сон, но в моем состоянии я смогла достичь его только после двух таблеток. В тяжелом сне мне виделись полицейские, тюремные камеры, судьи в злове-

щих мантиях. И когда загремел звонок, я (в тяжелой дреме) не сомневалась: это пришли за мной.

Но оказалось — дребезжит телефон. Девять утра. На определителе — номер Каси.

— Лизок, ты только прикинь! Невский — пустой абсолютно, даже троллейбусов нет. Смотри, я сейчас на видео переключусь!

И замелькали кони на Аничковом мосту, Фонтанка исходит рябью, румяные Касины щечки. Она в Питере? Неужели все-таки перехитрила меня?

— Пока, Лизхен! Пойду тебе пирожные искать! — сказала напоследок Кася и отключилась.

Я с огромным трудом выплыла из своих ночных кошмаров. Прошаркала к компьютеру и начала вновь прокручивать ленту новостей. Опять ни слова про находку в коттедже! И только в три часа дня новостные порталы стали дружно перепечатывать новость:

*«Известный сериальный актер Александр Бардин найден мертвым в собственном доме в ближнем Подмосковье. Тело обнаружила его супруга, вернувшаяся из Санкт-Петербурга. Александр, без признаков жизни, лежал в джакузи. Эксперты предполагают, что он скончался накануне вечером».*

Спокойно, Лиза, все сходится! Ты еще не сошла с ума. Вчера ночью в поселке ты видела именно Касю, но только подруга твоя поступила не совсем так, как ты ожидала. Она вошла в дом, увидела труп, возможно, впала в панику и завизжала. Но самое логичное действие — немедленно вызвать полицию — не произвела. Осознала, чем ей это грозит, и сбежала обратно в Питер. Теперь будет утверждать, что была там все время.

У Александра на голове наушники, на глазах повязка. Интоксикантов в крови найти не должны. Признаков насильственной смерти тоже — за щиколотки я его схватила руками в перчатках, царапин, синяков не оставила.

У Каси алиби. Плюс мотива нет — мужа она вроде как любит, его смерть ей невыгодна — вся тусовка знает, что имущество Александра отойдет матери. Полицейские с удовольствием схватятся за версию несчастного случая. Но все ли с ней согласятся?

Я продолжала оставаться у компьютера, и спустя примерно час на сайте главного телевизионного канала появилась «молния»:

«Сегодня в двадцать два ноль-ноль пройдет экстренный выпуск нашей программы! В прямом эфире поговорим о таинственной смерти Александра Бардина! Если вы с ним знакомы, что-то видели, знаете или догадываетесь, почему он погиб, срочно свяжитесь с нашим главным редактором Миленой!»

«Засветиться» мне совсем не хотелось, но свои «пять копеек» в популярное шоу надо было обязательно вставить.

Я быстро набросала тезисы разговора и позвонила ведущему ток-шоу Андрюше Могилеву. С ним мы учились на одном курсе журфака, дружили. Нынче, когда он вознесся до самой популярной в стране передачи, видаться в неформальной обстановке уже не получалось, но я несколько раз бывала в студии в качестве эксперта.

У Андрея имелось несколько мобильных номеров, и я, на правах старой приятельницы, владела самым секретным — на него он отвечал всегда. Отозвался и сейчас:

— Лизка, занят. Быстро, и по делу.

— Насчет Бардина.

— Ты с ним знакома? — оживился Андрей.

— Косвенно.

И я рассказала, что писала для «Guardian» про российскую правозащитную организацию «Подруги» — как к ним обращалась жена актера с синяком на пол-лица и жалобами на жестокое избиение.

— Да ты что?! Он бил ее? А «Подруги» зафиксировали обращение? Убежище ей предоставляли? — заинтересовался Могилев.

— Нет. Кассандра испугалась сделать решительный шаг и побежала к мужу мириться.

— А когда это было?

— С год назад.

— Блин, красиво! Но давно.

— Так у нее и сейчас синяк на лице, — усмехнулась я. — Свежий.

— Откуда знаешь?

— Все теннисисты знают. Она позавчера играла нелегальный турнир. Но муж ее накануне так отделал, что еле ноги передвигала. Даже из группы не смогла выйти.

— Ты сама ее видела?

— Ты же знаешь, я не участвую в незаконных мероприятиях, но мой знакомый спортсмен все описал в красках.

— Контакт его дай.

— Это серьезный человек, он все равно не придет к тебе на ток-шоу. Но турнир в клубе «Подмосковные зори» — не такой уж секрет. И у Каси наверняка есть заклятые подружки по корту. Позови кого-то из них.

— Лизка, ты не оценима! — с чувством отозвался Могилев.

Я не сомневалась: мой однокурсник приложит все силы, чтобы сделать экстренный выпуск скандальным. И вечером, с бокалом вина, наслаждалась, как лихо Андрюша со своей командой построил драматургию: умело

нагнетает, быстро и неожиданно подкидывает версии. Третий по счету герой, журналист Полуянов, вообще оказался исключительным душкой.

Мы лично знакомы не были, но тексты парень писал неплохие. И версию высказал смелую, бездоказательную, однако мне исключительно полезную — чаще всего убийца тот, кто обнаружил тело. Правильно, Димочка, правильно!

А четвертая героиня, фотомодель Щеглова, вбила в Касин гроб еще один приятенький гвоздик. И про фингал годичной давности рассказала, и даже фоточку приволокла, как Кассандра сейчас смотрится — со свежим кровоподтеком, без макияжа.

Я думала, Могилев подводит к нужной мне мысли: Кассандра решила отомстить за унижения и избавиться от мужа, однако дальше разговор неожиданно перекинулся на некоего Дениса Ивашова. Я слушала, сжав кулаки. Мы с Касей часто встречались, и она упоминала про своего партнера по миксту. Говорила: «Противный и примитивный. Но играет классно». А сейчас вот оно как выходило! Похоже, роман у них — вряд ли Бардин на пустом месте ревновал. Ну и стерва! Как я могла ей доверять?! Но пришло время платить по счетам.

Я представляла, каково сейчас Касе — смотреть, как ей на всю страну перемывают косточки, — и мстительно улыбалась. Но забыла о том, что Кассандра по-прежнему считает меня своей лучше подругой.

Едва программа завершилась, у меня зазвонил телефон, и Кася, икая и всхлипывая, взвыла:

— За что они так со мной?!

Милашка, очевидно, надеялась, что я начну ее утешать. Но я успела обдумать ситуацию и понять: в сложившейся ситуации от Каси мне надо максимально дистанцироваться. А тут как раз и повод подходящий появился.

— Ивашову позвони и ему поплачься, — сурово произнесла я.

— Но он... Он мне никто! А тебя я люблю!

— Слушай, хватит уже пудрить мне мозг! Саша тебе никто, но ты за него замуж выходишь. Какой-то Ивашов за тебя, оказывается, дерется — и тоже ничего не значит. Все, баста! Мне надоело!

— Лиза, мне очень плохо и страшно! Пожалуйста, можно я к тебе приеду?

— Нет, дорогая. Езжай к своему Денису. А мне даже звонить не смей.

И я положила трубку. Совсем, совсем не нужно, чтобы в сложившихся обстоятельствах Кася продолжала считать меня близким человеком.

На следующий день я вернулась на работу. Занималась своими делами — но продолжала держать руку на пульсе дела Бардина. Очень весе-

лилась, когда смотрела Казино жалкое оправдательное выступление по ютубу. Следила за заявлениями властей. Полиция пока квалифицировала смерть актера как несчастный случай, но Интернет бурлил, поэтому вскоре было заявлено, что проводится тщательная проверка обстоятельств происшествия, а также назначена дополнительная судмедэкспертиза.

А вечером мне позвонил Могилев.

— На меня вышел Полуянов. Он интересуется, откуда я узнал про теннисный турнир.

— Что ты ответил?

— Что не выдаю свои источники информации.

— Правильно. Мне все равно нечего ему рассказать, я на том турнире не была.

— Полуянов, похоже, хочет раскрутить это дело, — задумчиво произнес Могилев. — А парень он зубастый. Будь осторожна.

Андрюша Могилев умен и, конечно, догадался, что Касю я ему сдала неспроста. Ему плевать, за что я мщу Кассандре, но он оберегает меня, свою верную подругу, от возможных неприятностей.

Я задумалась. Еще вчера, на телепередаче, Полуянов утверждал: убил тот, кто нашел тело. Так и продолжай, черт возьми, копать под Касю! Ты же умный, опытный журналист — легко выяснишь, что она, на самом деле, лишь притворилась, а не уехала в Питер! Надо опрашивать друзей актера, докапываться до полицейских, того же теннисиста Ивашова раскручивать на интервью. А ему вдруг стало интересно: кто именно слил телевизионщикам информацию про теннисный турнир? Неужели Полуянов заподозрил, что имеет место подстава? Но как он догадался, да еще настолько быстро?!

Я старалась не поддаваться очередному витку паники, но меня начало трясти. Неужели журналист встретился с Касей, и она ему все рассказала обо мне и о нашей ссоре?! Боже мой, Лиза, зачем ты все это затеяла?

Думать о работе я больше не могла и в ярости выключила компьютер. И в этот момент отчетливо осознала: от Кассандры надо избавляться как можно скорее.

Но каким образом это сделать? Она сидит в своем доме-крепости. Как ее выманить, да еще так, чтобы не попасться?

Но меня снова осенило. Верочка, жалкая в своих попытках отомстить Касе. Бедняга сидит без телевизора и, похоже, даже не знает про смерть Бардина. И про наши непростые отношения с Касей Веруня не знает (я никогда не выдаю лишнюю информацию). А из моих рук она возьмет что угодно.

Я закрыла свой кабинет и поспешила к своему приятелю фотокору Джеку — известному в нашем офисе любителю ярких «трипов». Коллега щедро поделился ЛСД и «коксом», и я отправилась к Веруне.

...Срубилло ее в пятнадцать минут. Я вытряхнула ее сумку, забрала документы и ключи от «ниссана». Потом — в порыве вдохновения — надела Верину куртку, шапочку с козырьком и смешные остроносые кроссовки. Свою одежду сложила в пакет и спустилась во двор.

Дальше мой путь лежал в особняк Каси. В чужой одежде и чужой машине я чувствовала себя странно. Ощущение, что вскоре мне снова придется убить, наполняло тело противной дрожью, но иного выхода я не видела.

В Касин поселок я прибыла часа в три. Припарковала «ниссан» в паре домов от коттеджа Бардиных и стала планировать, что скажу — на прощанье — Касе.

Мне было очень страшно убивать ее в доме. Но пока я собиралась с духом, ворота вдруг распахнулись, и Касин смешной автомобильчик выехал со двора. Я пропустила ее метров на двести и пристроилась сзади.

Перед кольцевой Кася начала притормаживать, словно размышляя, в какую сторону свернуть, и поехала на восток. Неожиданно она съехала на обочину, с кем-то поговорила по телефону и отправилась дальше. Свернула на площадку для грузовиков и остановилась. Ждет, но чего — или кого?

Примерно через час рядом с Касиным автомобильчиком остановилось авто, и из него вылез Полуянов. Худшие мои предположения оправдывались. Черт! Надо было не под дверями Касино дома дрожать, а идти туда и кончать с ней немедленно. А как быть теперь? С двоими мне ни за что не справиться. Но отпускать их и сдаваться тоже нельзя.

Когда обе машины тронулись с места, я поехала вслед за ними. Мы выехали на Новорижское шоссе и километров через двадцать свернули к деревне Васильково.

Я отпустила своих врагов вперед метров на триста — но успела увидеть, в какой из домов они въезжают. Оставила Верин «ниссан» на соседней улице, нашла искомую дачку и перемахнула через забор.

Будь прокляты открытые окна! И будь проклята Кася! Тело ее мужа в морге — а она активно льет синь своих глаз на другого. Готова служить смазливому журналисту как преданная собачка породы чихуахуа.

Судя по разговору, что я подслушала, моя глупая подружка пока даже не догадывалась, кто и зачем убил Александра. Но вопросы, что ей задавал Полуянов, не оставляли мне шанса. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — он ее дожмет, тут можно не сомневаться.

Разговор в спальне стих. Я встала на цыпочки, еще раз взглянула в окно. Что за мерзкая идиллия! Кася на боку, а Полуянов ей одеяло подтыкает. Приятное будет расследование — с допросами в постели.

И что же мне делать-то теперь?! Анонимный звонок в полицию? Привести доказательства, что Кассандра двадцать шестого апреля не доехала до Питера, выдать ее местонахождение? Возможно, полиция поверит, приедет и даже задержит. Но Полуянов-то — не отступится! С еще большим рвением кинется в расследование. Или дожждаться, пока оба уснут, пробраться в дом и прикончить обоих? А вдруг я не справлюсь? Полуянов начнет отбиваться, Кася услышит и бросится на помощь. И попадусь — прямо на месте преступления.

Похоже, остается только бежать — это единственный выход. Я уже начала красться к калитке, как вдруг дверь в дом хлопнула, и на крыльце появился Полуянов. Он торопливо открыл ворота, сел в машину и на малом газу выехал со двора.

Я выждала, пока машина удалится, обошла дом и дернула дверь — заперто. Что ж, надо прорываться. Выбрала окно, максимально отдаленное от спальни, обернула руку курткой и ударила локтем в стекло. Осколки рассыпались с ужасающим звоном, я в страхе присела. Но деревня по-прежнему оставалась тиха и пуста. Я снова обогнула дом и заглянула в спальню. Кася лежала, подперев щеку кулачком, и сладко улыбалась во сне.

Я вернулась к разбитому окну, надела перчатки, быстро сбросила на землю осколки, чтобы не поцарапаться, и проникла внутрь.

Сначала хотела просто задушить ее подушкой, но на пути мне попала раскрытая дверь кладовой, а в ней в свете тусклой лампочки я увидела молоток. Сама не поняла, как схватила его. Меня душило, заливало обидой и гневом. Ведь это все — из-за Каси! Из-за нее я стала убийцей. Из-за нее вынуждена метаться, словно раненый зверь! А она — строит новые отношения, сладко спит в чужом доме и беззаботно улыбается во сне.

Я прошла в спальню, полюбовалась на нее в последний раз и обрушила молоток на счастливое Касино лицо.

Те две минуты, пока она хрипела и билась, я ничего не соображала. Но когда подруга моя стихла, и только кровь из ее разбитой головы продолжала мерно капать на пол, я поняла, что заигралась. Фортуна часто способствовала мне в моем дьявольском плане, но теперь я с трудом верила, что мне удастся выйти сухой из воды.

Однако все заранее запланированное я исполнила. Приехала на «ниссане» к Вериному дому и поднялась к ней в квартиру.



Подруга моя лежала на спине и некрасиво храпела с открытым ртом. Я оставила возле ее постели ключи от «ниссана», вынула из кармана портмоне с документами на машину — на них тоже попали кровавые брызги — и положила рядом.

С минуту постояла у кровати, вглядывалась в одутловатое лицо с ниточкой слюны на подбородке. Насколько крепко мою подругу срубило? Что она сможет вспомнить и рассказать, когда к ней придут?

Для полицейских пьяница и наркоманка Вера Власова — идеальная кандидатура в преступницы. Мотив ненавидеть Касю — есть. Кроссовки и портмоне — в крови жертвы. Сегодняшний маршрут «ниссана» легко отследить по видеокамерам. Но если бы делом занимались только служители закона! Журналист Полуянов вряд ли купится на официальную версию.

Я, конечно, отправила ему с анонимного электронного адреса подсказку, где стоит «ниссан». Это его отвлечет, но, рано или поздно, он поймет, что убивала не Вера, и вычислит меня. Слишком много следов я оставила. Ему расскажут про богатую подругу на Касиной свадьбе.. Полуянов узнает о моей ориентации, каковая тоже многим известна, поговорит с консьержами, поймет, что Кася была моей любовницей... И все, мне конец.

Оставалось только бежать, и как можно дальше — за границу. Как я проклинала сейчас тот день, когда решила мстить Касе! Почему решила, что убивать — легко?!

Я бросилась собирать дорожную сумку. Дрожащими руками метнула туда свитер, походную косметичку и — остановилась. Нет! Не хочу я бежать и всю жизнь трястись, как пуганый заяц. В голову мне пришла идея.

Когда началась пандемия, мои иностранные работодатели сразу предупредили: тексты о России сейчас востребованы не будут. Благородно предложили уйти в отпуск — с минимальной оплатой. Но жить на гроши и умирать со скуки мне совсем не хотелось. Поэтому мы пришли к соглашению: я пока ухожу из штата нашего агентства и пробую себя в роли блогера, а также пишу для фрондерских российских изданий. Новая работа меня захватила, тем более что темы я выбирала «горячие». Мои материалы охотно печатали, а власть брызгала слюной. Меня пытались уговорить замолчать по-хорошему — подкупали, пробовали подставить, неоднократно угрожали по телефону. На следующей неделе предстояло первое судебное заседание по обвинению в клевете.

И вот они, две чаши весов. На одной — позорное бегство с риском попасться и предстать перед судом за реальное преступление. На другой — возможность одним махом покончить со всем красиво и ярко. Конечно, я выбрала второй вариант. Да, я уйду, но в памяти людской останусь не преступницей — а героиней.

Лиза Горихвост получила ожоги семидесяти процентов тела. Для ее спасения применялись самые современные методы, на консилиум приезжали лучшие доктора. Но проблема заключалась в том, что Лиза Горихвост совсем не хотела бороться за свою жизнь.

Западная пресса, правозащитные организации устроили вокруг этого происшествия дикую шумиху. Навестить Лизу официально в подобной обстановке возможности не было, но Полуянов поднял все связи и в реанимацию к пациентке проникнуть все-таки смог.

Лиза сразу его узнала. Усмехнулась и с трудом прошептала обгоревшими губами:

— На костях моих... пришел... поплясать? Ты меня сдашь?

— Лиза, — прогудел из-под своего скафандра Полуянов, — не в моих принципах кого-то добивать, тем более женщин. Ты себя уже достаточно наказала.

— Другие вычислят.

— Не думаю. Следствию нравится версия, что Бардина убила жена. Верочка в роли второй преступницы их тоже устраивает.

Лиза помотала головой. На повязке, перехватывавшей шею, выступила кровь, и Дима поспешно добавил:

— Но Вере ничего не сделают, не бойся. Я нашел ей отличного адвоката. Уже есть свидетели: из дома в день смерти Каси она не выходила. А женщину, ездившую на ее «ниссане», близко никто не видел и описать не может. Клянусь: я тебя не выдам. Только ответь на пару вопросов, чтобы я окончательно все понял. Вы с Касей были любовницами?

— Да.

— За что ты мстила ей?

— Я... положила всю жизнь, чтобы увезти ее в Лондон. А она отказалась. Никому не позволю так обращаться со мной.

— И ты решила ей мстить?

— Да.

— Анатолия и его жену придумала ты?

Она кивнула.

— И ты разлила воду на частном корте прямо перед Касиной тренировкой?

Сухие губы прошептали:

— Я не хотела убивать Касю. Я хотела, чтобы ее обвинили, осудили. Чтобы она страдала.

— Но мужа ее ты не пожалела.

— Лес рубят — щепки летят.

— А Могилеву информацию тоже ты слила?

— Ну, конечно.

Она устала. Голова запрокинулась, глаза закрылись, запали еще глубже.

Диме показалось: заснула. Он хотел тихонько встать, но Лиза прохрипела:

— На диктофон записал?

— Знаешь, чего мне жаль? — с сожалением взглянул он на нее. — Что на твоём пути не встретилось нормального мужчины.

— Ты правда не будешь меня сдавать? — По щеке покатились слезинки.

— Нет. Поправляйся — и продолжай работать. Ты действительно классно и смело пишешь.

Дима вышел из реанимации и с наслаждением содрал мучительный гидрокостюм. Он торопился быстрее уйти из наполненной страданиями больницы. Обожженное, в страшных волдырях лицо Лизы стояло перед глазами.

Хорошо хоть, правительство Москвы отозвало свой иск по ее обвинению в клевете. Но куда больше радовало, что Надю тоже больше ни в чем не обвиняли. Не просто подписку о невыезде аннулировали, но даже извинились.

Пандемия продолжалась, миновал май, и к июню обычно законопослушная Митрофанова взбунтовалась. Библиотека по-прежнему не работала (ходили разговоры, что к концу месяца может открыться), и Надя заявила, что хештегом «останься дома», а также кулинарией она сыта по горло, поэтому уезжает на дачу.

— Гулять буду. На речку ходить. И к соседям в гости. А ты, Полуянов, корми себя сам.

Дима не стал удерживать ее в городе. Пару дней он с наслаждением просидел в квартире один. С удовольствием питался пиццей из коробки и валялся перед телевизором.

Андрей Могилев сделал еще одну передачу, посвященную смерти Бардина. Диму участвовать не позвали. Среди гостей присутствовала Касина сестра Лика, мать актера Ольга Петровна, даже Дениса Ивашова смогли заманить.

Лика покаялась, что завидовала счастью сестры. Повела, как сначала согласилась ее покрывать, а потом начала шантажировать.

Ольга Петровна, вдруг разом растерявшая всю свою непробиваемость, то и дело пускала слезу — и вместе с нею всхлипывал весь зал.

Денис Ивашов упорно утверждал, что всего лишь играл с Касей в теннис. Ну, и слегка ей симпатизировал.

Про Лизу Горихвост не упоминали.

Мятежная журналистка скончалась в реанимации неделю назад. Выпавшее из ее рук знамя никто не подхватил — поднятые ею острые темы заглохли.

Как только в конце июня россиянам позволили «пасть» не только на дачных участках, но и в теплых краях, он немедленно купил два билета в Сочи. Надюхе деталей грядущей поездки не рассказывал, просто велел взять лучшие наряды, каблуки, ну, и купальник, конечно.

— О, боже, Дим, это ведь глупость! — разохалась Митрофанова. — Я теперь, конечно, меньше боюсь... но ты только представь: сейчас вся страна бросится в Краснодарский край на пляжах вповалку лежать! Ради чего мы сидели в изоляции?!

— Уймись, Надюха! — сказал он строго. — Мы с тобой нигде вповалку лежать не будем.

И прибрежную полосу, действительно усыпанную телами, они увидели лишь из окна иллюминатора. А прямо в аэропорту сели в машину и отправились прочь от моря, на «Розу-Хутор».

Дима прежде не бывал на горнолыжных курортах не в сезон и опасался, что они умрут там со скуки. Первые пару дней действительно было именно так. Неспешно завтракали на террасе с видом на горы, отороченные облаками и одетые в снеговые шапки. Ходили в СПА — ввиду пандемии народ туда пускали малыми порциями, так что часто сидели в бассейне или сауне только вдвоем, чувствовали себя буржуями. В стоимость номера входили билеты на подъемники, но никаких экскурсий или походов не хотелось. На «Розу-Пик» поднялись лишь за тем, чтобы выпить на вершине по коктейлю «Высота».

Но усталость от Москвы и пандемии быстро прошла. Дима захотел поход и вейкборд, Надя — прогулку к водопадам и пообщаться с хаски.

На воздухе теперь проводили целые дни — не могли после домашнего ареста надышаться. Полуянов постоянно вовлекал свою подругу в приключения: поскакать на лошадях, пройти по мосту над пропастью, покататься на роделбане. Она ворчала, пищала, очень радовалась, когда испытания заканчивались, но на следующий день опять соглашалась: пролететь на парашюте, сходить на «черную трассу» в веревочный парк, покататься на горных велосипедах.

Сочи, как свидетельствовал прогноз, плавился от жары, а они по вечерам с удовольствием утеплялись. Вместо выжженных солнцем южных

растений любовались рододендронами. Рисковали нырять в ледяные водопады.

Оба разругались, посвежели. Все обиды-недомолвки ушли — понимали друг друга с полуслова. Иногда просто сидели рядом, молчали, и оба чувствовали себя счастливыми.

О прошедших событиях старались не вспоминать, но как-то за завтраком Надя вдруг сказала:

— В Эсто-Садке есть садовый магазин. Давай две маленькие пихточки купим, в горшках?

— С собой в Москву повезем? — испугался Дима.

— Нет, — улыбнулась она. — Найдем где-нибудь красивое место, чтобы море вдалеке было видно, и посадим. В память о Бардиных.

— Тогда давай три. Лиза Горихвост тоже заслужила.

— Давай.

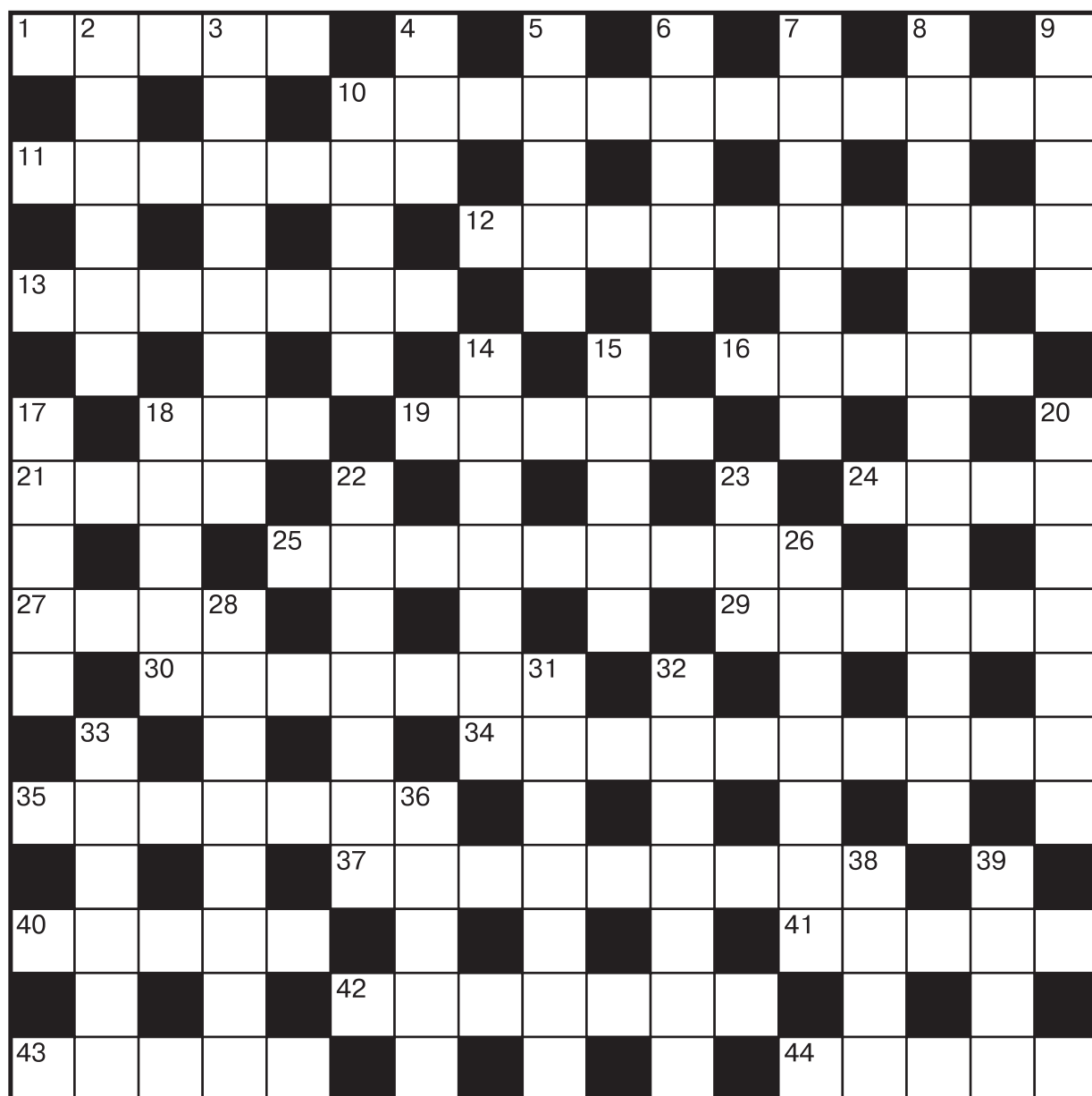
План осуществили в тот же день. Купили пихты и лопату, поднялись со своим грузом, под удивленными взглядами прочих туристов, на подъемнике. Отошли в сторону от туристических троп и посадили деревья. Убийца и две ее жертвы стояли дружным рядком, тянулись макушками в небо.

— Вроде жертвам надо сочувствовать... А мне вот Лизу гораздо больше жаль, чем твою Касю, — пробормотала Надя.

Дима ничего на это не ответил, бережно притянул ее к себе и поцеловал.

Совсем рядом с ними синело небо. Воздух пьянил, дарил иллюзию полной свободы. Хотелось — во всех смыслах — свернуть горы. Перестать приспособливаться. Безбоязненно браться за самые острые темы. И, наконец, отвести Надюшку в ЗАГС. □

# КРОССВОРД



**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **1.** «Лихорадка игрока». **10.** Постановщик оперы без слов. **11.** Скандалист из села Степанчиково. **12.** Какой пистолет скрывается за словами «Готовься к войне»? **13.** Что невероятно, хотя и очевидно? **16.** «Блюстителю порядка» из заповедника. **18.** Какой маль-

чик шлейф несет? **19.** «Лучший друг одинокого». **21.** Лапша для японских супов. **24.** Крошка с песней об улыбке. **25.** Кто создал сериальный образ легендарного Рихарда Зорге, но был обокраден собственным агентом? **27.** Буксировочный ... в багажнике автомобиля. **29.** Золотой светильник

с эмблемы «Моссад». **30.** «Чем ближе к небесам, тем холоднее» (русский поэт). **34.** Какую компанию компьютерщики всего мира считают генеральным спонсором Апокалипсиса? **35.** Кто стал героем мюзикла Гая Ричи? **37.** Молодежный синоним психа. **40.** Какое насекомое в улье прописано? **41.** Жена Карло Понти. **42.** Парижский сад с мировым именем. **43.** «Пояс верности» для болта. **44.** На что накладывают компресс при ларингите?

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **2.** Грустная победа над инициативой. **3.** Где работает метрдотель? **4.** Кляп для виртуала. **5.** Кто заправляет делами факультета? **6.** «Сердце Иордании». **7.** Верный сторонник короля Ричарда Львиное Сердце среди героев Вальтера Скотта. **8.** Какой врач не может не заглянуть пациенту в рот? **9.** Вернейший союзник упорства. **10.** «Стек-

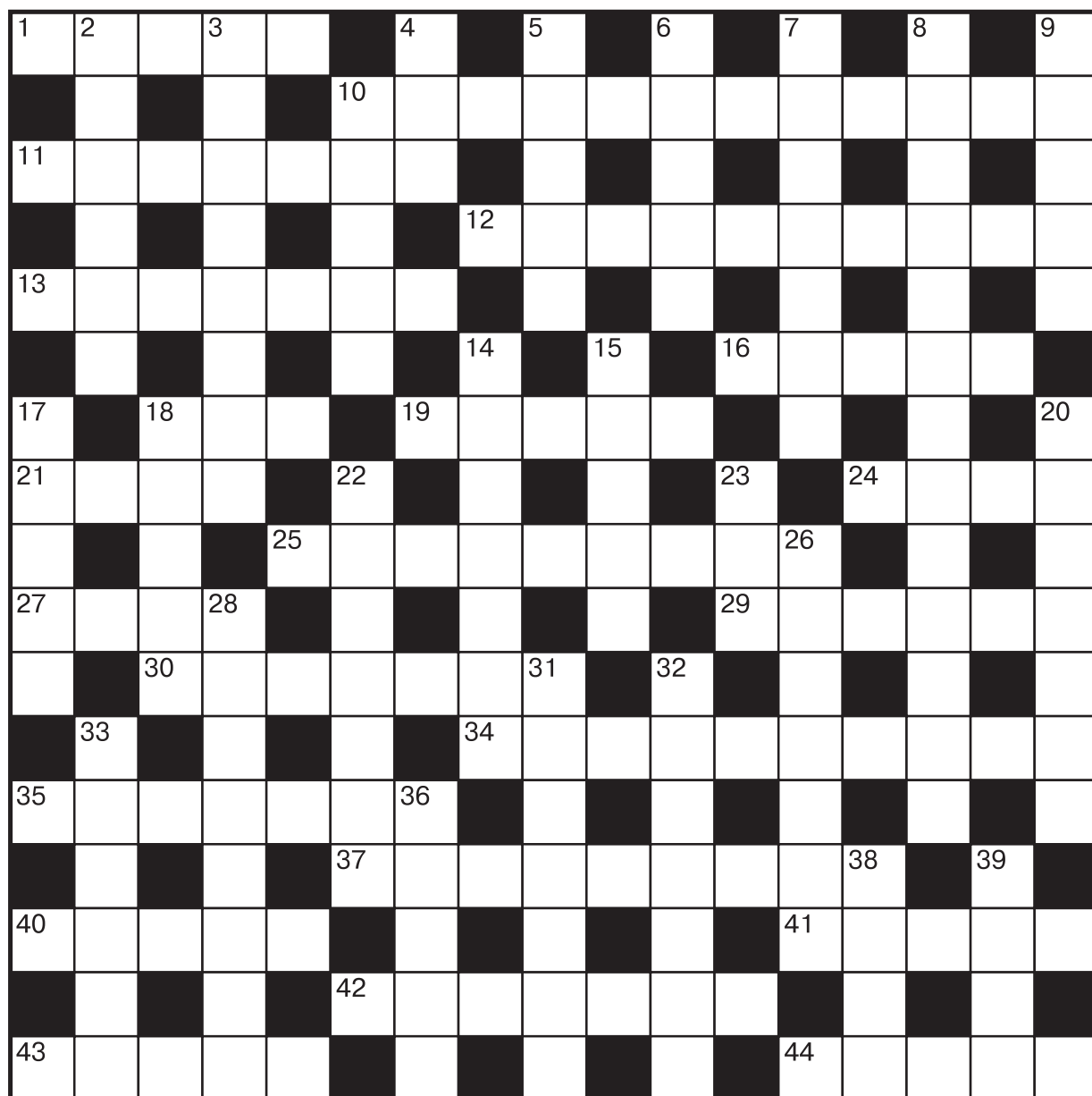
лянные зернышки» для рукоделия. **14.** Слово «в обратном смысле». **15.** Самая свирепая американская кошка. **17.** На каком языке почти весь Афганистан разговаривает? **18.** Ради чего рюкзак собирают? **20.** Бушующее желание. **22.** Солнечный календарь у майя. **23.** Старпом капитана Врунгеля. **26.** Первое искусственное снотворное, названное по итальянскому городу. **28.** «Двуискренний» камень из стиха Осипа Мандельштама. **31.** В день рождения кого из аргентинских музыкантов отмечают Международный день танго? **32.** Исторический ... по ходу повествования. **33.** «Собачья свадьба». **36.** Враг комфорта. **38.** «Как могла бы природа быть столь светлой и прекрасной, если бы предназначение человека не было бы таким же?» (американский классик). **39.** Секс-символ, чей дебют на сцене связан с Мистером Бином.

## Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **4.** Шайба. **7.** Эгида. **10.** Павлов. **12.** Пограничник. **13.** Аэродром. **14.** Демагог. **17.** Гибралтар. **18.** Ватт. **19.** Шок. **22.** Бунша. **23.** Байдарка. **24.** Гопак. **26.** Виндсерфинг. **28.** Порок. **30.** Удар. **31.** Попса. **32.** Таро. **34.** Чат. **36.** Клипер. **38.** Голливуд. **39.** Сатирик. **40.** Меню. **41.** Сталин. **42.** Вариант.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Сплав. **2.** Дворник. **3.** Бондарчук. **5.** Атом. **6.** Бургер. **8.** Гучков. **9.** Джип. **11.** Ункас. **12.** Послушник. **14.** Дан. **15.** Гаприндашвили. **16.** Отказ. **17.** Голос. **20.** Наперсток. **21.** Юдифь. **22.** Багор. **25.** «Идиот». **26.** Вол. **27.** Куркума. **28.** Пациент. **29.** Гордыня. **31.** Панини. **33.** Бес. **35.** Плеть. **37.** Рама. **38.** Гимн.

# ЭРУДИТ



**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **1.** Какому царству Ассирия с Вавилонией «жизнью обязаны»? **10.** Точка на карте Финляндии, где живет Санта-Клаус. **11.** Казначей учреждения в Византии. **12.** Квартальный надзиратель, описавший имущество умершего Николая Гоголя. **13.** Художественный

нюанс. **16.** Шалевая ткань. **18.** Самый мудрый бог египтян. **19.** Открытие Томаса Мидгли. **21.** Последний министр обороны СССР. **24.** Заклятый враг Супермена из комиксов. **25.**оборотень из славянских мифов. **27.** Солдат с картины Ван Гога. **29.** Горнолыжный курорт,



рядом с которым расположена единственная в мире открытая для посетителей действующая аметистовая шахта. **30.** Какая революционерка стреляла в Федора Трепова? **34.** Виртуальная реальность. **35.** «Служба безопасности» Старого Света. **37.** Самая северная столица в мире. **40.** Фигура Земли. **41.** Горловое пение. **42.** «Золотой город Кришны». **43.** Новогвинейский язык, чей первый словарь составил Николай Миклухо-Маклай. **44.** Какую породу собак предпочитали валлийские феи для езды верхом?

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **2.** Период в истории Земли, обеспечивший большие запасы топлива. **3.** Министр, чье предложение арестовать Анну Ахматову у Иосифа Сталина поддержки не нашло. **4.** Женский танец из Новой Зеландии. **5.** С каким драматургом

Даниил Хармс был на «КЫ»? **6.** Какой металл, как считают астрологи, соответствует Меркурию? **7.** Инструмент для маникюра. **8.** Кукловод на немецкий лад. **9.** В какой из прибалтийских республик нет городов с миллионным населением? **10.** «Золотое зерно» инков. **14.** Аудитор теории. **15.** Круглый барельеф. **17.** Пустомеля из русской жизни. **18.** В каком триллере Альфреда Хичкока фигурируют наши ядерные ракеты? **20.** Минерал на синюю краску для смальты. **22.** Пропорции у Ле Корбюзье. **23.** Верблюжий кумыс. **26.** С какого вокзала уезжает в Петушки герой поэмы Венедикта Ерофеева? **28.** «Полынный штат» США. **31.** Азиатская газель. **32.** Верхний угол футбольных ворот. **33.** Сердце испанской Астурии. **36.** Ритуальная песня из Аравии. **38.** Нигерийская монета. **39.** Первый в мире олимпийский призер с пересаженным органом.

## Ответы на эрудит, опубликованный в №2

**ПО ГОРИЗОНТАЛИ:** **4.** Тэнди. **7.** Палма. **10.** Ремюаж. **12.** Банальность. **13.** Сподумен. **14.** Ратицид. **17.** Гельвеция. **18.** Срок. **19.** Моп. **22.** Хирка. **23.** Юханссон. **24.** Жажик. **26.** Вестминстер. **28.** Велит. **30.** Асур. **31.** Фиада. **32.** Тьер. **34.** Аам. **36.** Белоус. **38.** Полемарх. **39.** Карадам. **40.** «Ритц». **41.** Ловелл. **42.** Бабассу.

**ПО ВЕРТИКАЛИ:** **1.** Крисп. **2.** Имхотеп. **3.** Багульник. **5.** Эран. **6.** Джалая. **8.** Анолис. **9.** Мотт. **11.** Льюис. **12.** Бересклет. **14.** Рим. **15.** Дроссельмайер. **16.** Окина. **17.** Годар. **20.** Ихтиодром. **21.** Гнусь. **22.** Хилер. **25.** Отжим. **26.** Вий. **27.** Замбура. **28.** «Вуэльта». **29.** Орихалк. **31.** Фагара. **33.** Бук. **35.** Пелор. **37.** Сажа. **38.** Пакс.

### Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. \_\_\_\_\_

Дата рождения \_\_\_\_\_ Индекс \_\_\_\_\_

Обл./край \_\_\_\_\_ Район \_\_\_\_\_

Город \_\_\_\_\_ Улица \_\_\_\_\_ Дом \_\_\_\_\_ Корп. \_\_\_\_\_ Кв. \_\_\_\_\_

Код города \_\_\_\_\_ Телефон \_\_\_\_\_ Эл. адрес \_\_\_\_\_

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

<b>Стоимость с доставкой простой бандеролью*</b>	<b>Стоимость с доставкой заказной бандеролью</b>
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

\* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!


\*\* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

<b>Извещение</b>	<b>ООО «Журнал «Смена»</b> <small>получатель платежа</small>		
	<b>Расчетный счет</b>		<b>40702810410150414401</b>
	<b>ПАО «Промсвязьбанк»</b> <small>наименование банка</small>		
	<b>Корреспондентский счет</b>		<b>30101810400000000555</b>
	<b>ИНН 7714026110</b>		<b>КПП 771401001</b>
	<b>БИК 044525555</b>		<b>Код ОКПО 11396455</b>
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	<b>Адрес:</b>		
	<b>Ф.И.О.</b>		
	<b>Вид платежа</b>	<b>Дата</b>	<b>Сумма</b>
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
<b>Кассир</b>			
<b>Извещение</b>	<b>ООО «Журнал «Смена»</b> <small>получатель платежа</small>		
	<b>Расчетный счет</b>		<b>40702810410150414401</b>
	<b>ПАО «Промсвязьбанк»</b> <small>наименование банка</small>		
	<b>Корреспондентский счет</b>		<b>30101810400000000555</b>
	<b>ИНН 7714026110</b>		<b>КПП 771401001</b>
	<b>БИК 044525555</b>		<b>Код ОКПО 11396455</b>
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	<b>Адрес:</b>		
	<b>Ф.И.О.</b>		
	<b>Вид платежа</b>	<b>Дата</b>	<b>Сумма</b>
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
<b>Кассир</b>			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

## Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		<b>П2431</b> — основной подписной индекс <b>П2446</b> — льготный подписной индекс <b>П3292</b> — годовой подписной индекс
---	---	---

**ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ** осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

\* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся  
пресса  
в одном  
месте!



# ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656



9 770131 665607

22003

СМЕНА

## Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

### **конкурс «Песня первой любви»**

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: [tomasmena@mail.ru](mailto:tomasmena@mail.ru) до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

**Первая премия** — бесплатная годовая подписка

**Вторая премия** — бесплатная годовая подписка  
на электронную версию журнала

**Третья премия** — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.  
Удачи, друзья!*



№3 март 2022